ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ • 1978 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарский, социалистический интернационализм — это наша великая сила. Это плод наших убеждений и горение наших сердец. Это — наше знамя. Будьте же всегда верны ему, дорогие друзья!

...Сберечь нашу землю, передать ее молодому поколению во всем ее богатстве и красоте, не изуродованной пламенем ядерного пожара,— вот на что должны быть направлены, по нашему убеждению, помыслы человечества. Советский Союз делает для сохранения и упрочения мира все от него зависящее. И мы верим, дорогие юные друзья, что ваше будущее — это счастье свободного труда на мирной планете.

(Из речи Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на XVIII съезде ВЛКСМ.)

Владимир Александрович ШАТАЛОВ,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
президент Общества советско-кубинской дружбы

У КУБЫ ДРУЗЕЙ МИЛЛИОНЫ

Памятник Хосе Марти на площади Революции в Гаване.

Когда я встречаюсь с пионерами, они часто спрашивают меня: когда началась моя дружба с кубинцами? Этот вопрос задают мне и в письмах.

Как и все советские люди, я с волнением следил за освободительной борьбой кубинского народа. Радовался победе кубинских повстанцев над диктатурой Батисты, радовался образованию первого социалистического государства в Латинской Америке. Решимость, мужество, настойчивость, с которыми кубинцы в нелегких условиях начали строить новую жизнь, вызывали во мне и моих товарищах глубокое уважение. Я горжусь тем, что меня избрали президентом Общества советско-кубинской дружбы. Горжусь еще и потому, что первым президентом Общества был мой большой друг, первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

Когда я попал на Кубу впервые, я был очарован этой страной. Видел Кубу и из космоса. Прекрасен этот ярко-зеленый остров, омываемый океанскими волнами лазурно-малахитового цвета.

Куба прекрасна прежде всего своими людьми. А самое дорогое, что я видел у наших друзей, — это дети: искренние, сообразительные, преданные делу своего народа. Все они, как я заметил, отличные спортсмены. Словом, если бы я сейчас снова стал мальчишкой, то, конечно, мечтал бы подружиться с маленькими кубинцами.

Куба и ее люди очень близки мне, хотя нас разделяют тысячи километров. Улетаешь из Москвы, когда трещат январские морозы, а в Гаване окунаешься в тридцатиградусную жару. В Москве ночь, в Гаване день, даже часы сбиваются с толку. Но космонавты быстро осваиваются в непривычных условиях. И я тоже сразу чувствую себя как дома в этой прекрасной стране. Этому помогают кубинские друзья, которые так радушно встречают гостей. Недавно по решению правительства республики на Кубе был построен Дом космонавтов, там созданы великолепные условия для отдыха. Я верю, что в недалеком будущем там будут отдыхать после полетов в космос и кубинские космонавты.

Дружба между нашими народами родилась вместе с победой кубинской революции. В 1964 году в Советском Союзе было создано Общество советско-кубинской дружбы для того, чтобы еще крепче дружили народы наших стран, чтобы сотрудничали, помогали друг другу советские и кубинские ученые, деятели культуры. В работе Общества участвуют миллионы советских людей: в нем состоят предприятия, учреждения, институты и школы, колхозы и совхозы, экипажи советских морских судов. В правление Общества избраны известные общественные деятели, работники культуры, науки, искусства, среди них народная артистка СССР Майя Плисецкая, дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза В. И. Чуйков, писатель Василий Чичков, заслуженный артист РСФСР Олег Видов.

Помогают нам в работе и советские пионеры. Сотни школ, домов пионеров, клубов интернациональной дружбы и пионерских отрядов — члены нашего Общества. Многие из них носят имена героев кубинского народа. В 249-й московской школе, например, есть замечательный музей «Москва — Гавана». Он посвящен революционной истории Кубы. Ребята читают газеты и журналы Кубы, собрали большой материал о пионерской организации имени Хосе Марти. В музей приходят ученики из других столичных школ. А недавно мы получили письмо от ребят из клуба интернациональной дружбы

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

«Аврора — Гранма» городского Дворца пионеров Бердянска. «Мы переписываемся с ребятами из разных городов Кубы, — пишут они, — дружим с кубинскими делегатами Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!». Перечислили деньги в фонд солидарности. Сейчас оформляем стенды «Навстречу XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване».

Мне хочется пожелать ребятам из Бердянска и всем советским пионерам больших успехов в их интернациональной работе!

Меня очень радует, что дружба между нашими народами — и взрослыми и детьми — крепнет с каждым годом. В апреле 1977 года в Гаване было подписано первое долгосрочное Соглашение о сотрудничестве с Ассоциацией кубино-советской дружбы. В канун 60 летия Великого Октября наше Общество вместе с обществами дружбы социалистических стран организовало на острове Свободы выставку «Великий Октябрь и мир социализма». Члены Общества совершили замечательное путешествие: участвовали в «Рейсе дружбы по Дунаю» вместе с представителями обществ дружбы социалистических стран.

Как память об этой поездке мы храним детские рисунки, их подарили нам пионеры Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии.

Все мы сейчас с нетерпением ждем открытия XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. К нему готовились все советские люди. Комсомольцы встретили фестиваль новыми трудовыми успехами. В фонд молодежного праздника они перечислили средства, заработанные на коммунистическом субботнике. И пионеры не отстают от своего вожатого — Ленинского комсомола. Ребята изучали историю Всемирных фестивалей, ближе познакомились с жизнью Республики Куба.

Одновременно с фестивалем в Гаване советские ребята проведут фестивали в пионерских лагерях, домах пионеров, в своих дворах. Они шлют кубинским ребятам теплые письма, открытки, рисунки, самодельные плакаты, разные поделки, сделанные своими руками.

Я знаю, что очень много красивых подарков пришло в редакцию журнала «Пионер» от участников «Фестивальной викторины Викки». Сувениры, изготовленные советскими пионерами, будут проданы на фестивальном базаре солидарности, а вырученные деньги поступят в фонд солидарности молодежи. Самоделки попадут и на выставку детского творчества, которая будет на фестивале.

А в будущем году наши кубинские друзья отпразднуют еще два знаменательных события: 1 января — двадцатилетие победы кубинской революции, 26 июля — двадцатипятилетие со дня штурма казарм Монкада, начала освобождения Кубы. Все мы, друзья Кубы, готовимся к празднованию этих больших событий. Надеемся, что и ты, твой отряд, клуб интернациональной дружбы сумеете хорошо подготовиться к ним.

СОЛИДАРНОСТЬ

В то памятное утро всем артековцам показалось, что солнце выглянуло из-за Аю-Дага раньше обычного, что голубое небо было чуть-чуть голубее, чем накануне, да и вода в Черном море чуточку теплее. Все с нетерпением ждали этого дня — Дня мира на Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!». В пионерских дружинах утром прошли линейки и митинги. Ребята говорили о мире и дружбе, они сказали: «Нет — войне! Нет — нейтронной бомбе!»

После линеек и митингов колонны пионеров направились в Прибрежный лагерь. Там впервые открывался необычный базар — «Базар солидарности». И «продавцы» были необычные — ребята в красных, желтых, синих, оранжевых галстуках с пионерскими значками на груди из многих стран мира. А какие там были «товары»! Самодельные куклы, оригинальные вышивки, резьба по дереву и кости, красивые аппликации, чеканка, политическая литература, пионерские газеты и журналы из разных стран, эмблемы организаций... Базар шумел сотнями голосов. И каждый покупатель знал, что выручка от продажи пойдет на благородное дело — в Фонд мира, для политзаключенных, на покупку школьных принадлежностей и лекарств. Вечером пионерская «бухгалтерия» допоздна разбирала валюту более чем ста стран мира. На столе лежали динары, марки, эскудо, злотые, крузейро, кроны... И пусть невелика была общая сумма, но каждый, кто приехал на Международный детский фестиваль, выразил участием в базаре свою солидарность с силами мира, выразил свой протест против тех, кто думает о будущей войне.

Солидарность! Это слово зовет к борьбе, зовет к активному участию в движении сторонников мира. Это слово близко и дорого миллионам людей доброй воли, миллионам детей планеты.

У вас, дорогие ребята, есть замечательный интернациональный закон **«Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран»**.

Когда ты и твой пионерский отряд собираете средства в Фонд мира, на строительство Дворца пионеров в Ханое, вы проявляете **солидарность.**

Когда ты и твой отряд участвуете в кампании «Пионеры СССР — детям Анголы», посылаете посылки, теплые письма пионерским группам Португалии, вы выражаете **солидарность.**

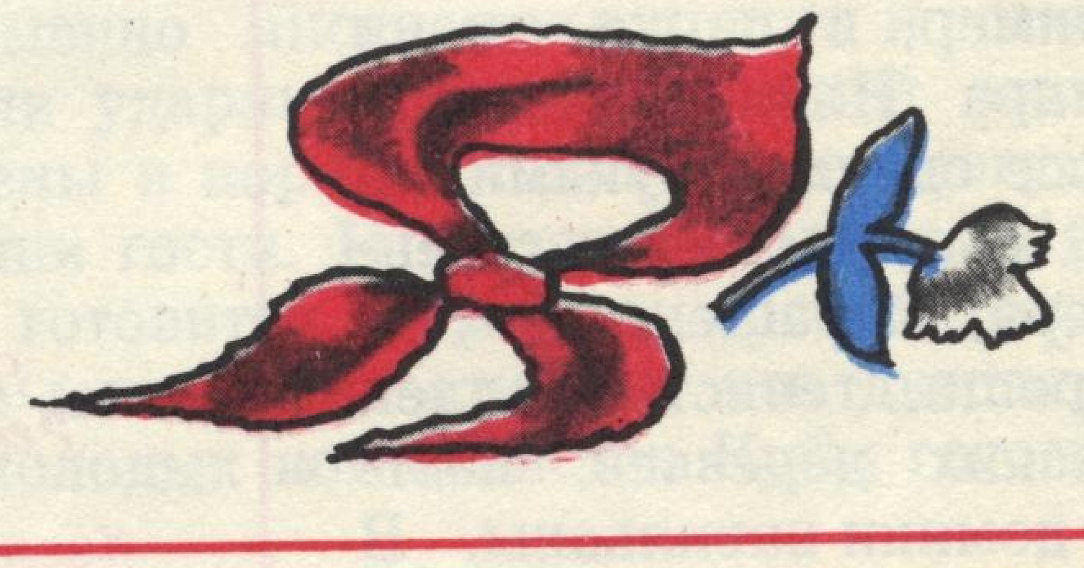
Когда ты и твой отряд создаете клуб или кружок интернациональной дружбы, изучаете историю детского демократического движения, ведете переписку с пионерами стран социалистического содружества, изготовляете сувениры для делегатов XI фестиваля молодежи и студентов на Кубе, вы выражаете самую искреннюю **солидарность** с теми, кто борется за мир на земле.

Первый декрет Советской власти в 1917 году, который подписал В. И. Ленин, был **Декрет о мире.** С тех пор наша Родина — знаменосец мира. Наша партия коммунистов провозгласила Программу мира. Выполняя ее, Советский Союз делает все для того, чтобы не падали бомбы на мирные города и села, чтобы не горели школы, чтобы всегда было ясное и чистое небо над головой. Руководитель нашей партии и государства товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: **«Внешняя политика Страны Советов пользуется уважением и поддержкой многомиллионных народных масс во всем мире».** На XVIII съезде ВЛКСМ зарубежные гости выразили признательность Ленинскому комсомолу, пионерской организации имени В. И. Ленина за братскую солидарность, за активное участие в борьбе за мир.

Сейчас идет пионерское лето. В Гаване взовьются флаги XI фестиваля молодежи и студентов. **«Фестиваль на Кубе — фестиваль везде!»** А это значит, что в каждом пионерском лагере тоже пройдут фестивали, митинги и манифестации в защиту мира, против нейтронной бомбы, праздники и карнавалы, конкурсы политического плаката и песни, конкурсы на лучшее стихотворение, посвященное Кубе, кубинским друзьям, фестивалю на острове Свободы. Вы зажжете костры дружбы, на которых расскажете зарубежным друзьям о том, как живете, о чем мечтаете, как помогаете старшим. После этих костров и митингов солидарности отправьте телеграммы на Кубу и еще раз скажите: «Миру — мир! Нет — войне!»

...Когда над Артеком солнце стояло в зените, представители всех зарубежных делегаций отправились в парк дружбы и посадили в нем маленькие кипарисы. Пройдут годы, вырастут вечнозеленые кипарисы и будут напоминать всем ребятам, приезжающим в Артек, о том, что дети мира в дни Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» решили еще крепче дружить, укреплять мир на земле, укреплять **солидарность.**

Рисунки А. БОРИСОВА



Ведет журналист-международник Вл. ВАСИЛЬЕВ

ГАВАНА встречает гостей

Фестиваль — это праздник молодежи всего мира. А на XI Всемирный фестиваль прибудут в Гавану юноши и девушки почти из ста стран — кто на теплоходе, кто на самолете. Гавана встретит их празднично, весело, как умеют встречать друзей гостеприимные кубинцы.

XI фестиваль начнется 28 июля. Специальная комиссия целый год готовила его программу. Я скажу о самом главном. XI Всемирный откроется на Латиноамериканском стадионе, расположенном в рабочем квартале Гаваны Серро. Он известен во всем мире. Здесь в 1960 году товарищ Фидель Кастро, выступая перед делегатами первого латиноамериканского конгресса молодежи, объявил о том, что имущество тридцати шести иностранных компаний, которые владели заводами, фабриками и землями на Кубе, отныне принадлежит кубинскому народу.

Колонны делегатов из разных стран со своими флагами войдут в ворота стадиона, сделают круг почета и займут места на трибунах среди кубинских друзей. Затем состоится торжественное открытие фестиваля. Встречи, митинги, концерты, спортивные состязания фестиваля будут проходить одновременно в десятках мест.

Например, в парке имени Владимира Ильича Ленина. Здесь все сделано руками гаванцев: вырыты искусственные озера, выращены бамбуковые рощи, тенистые аллеи тропических деревьев, построены домики-павильоны. В парке пройдут спортивные состязания, а в павильонах выступят молодые певцы, композиторы, музыканты. В театре под открытым небом, на сцене, сооруженной над водной гладью озера, состоятся концерты. Вдоль аллей выстроятся киоски международной ярмарки сувениров, стенды фотовыставки.

В университете Гаваны пройдут встречи студентов всего мира. В этом университете каждый камень хранит память о революционных событиях. Здесь учились Хосе Антонио Эчеверриа, вожак революционного студенчества, погибший от рук батистовских ищеек, основатель марксистско-ленинской партии Кубы Хулио Антонио Мелья, Фидель и Рауль Кастро. Студенты разных стран расскажут о своей борьбе за то, чтобы дети рабочих и крестьян могли учиться в университетах, могли получить высшее образование.

Лозунг фестиваля — «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!». Поэтому митинги и манифестации молодежи будут посвящены солидарности с народами, которые сражаются против империализма, фашизма, расистских и диктаторских режимов. Делегаты обсудят, чем молодежь может поддержать борющиеся народы. В Гаване состоятся митинги солидарности с борьбой народов Чили, Зимбабве, Намибии, ЮАР.

Каждый день в Гаване будут проходить многочисленные концерты народной и камерной музыки, современного и классического танца, различные конкурсы. Самыми интересными будут, пожалуй, конкурс политической песни и конкурс фильмов о жизни и борьбе молодежи. И, конечно, все делегаты примут участие в традиционном гаванском карнавале!

Площадь Революции имени Хосе Марти.

А в пионерском лагере имени Хосе Марти, недалеко от Гаваны, начнется детский международный фестиваль. В гости к кубинским пионерам приедут делегации ребят из сорока семи стран мира. Вместе с хозяевами — кубинскими пионерами они выступят на митингах и манифестациях солидарности.

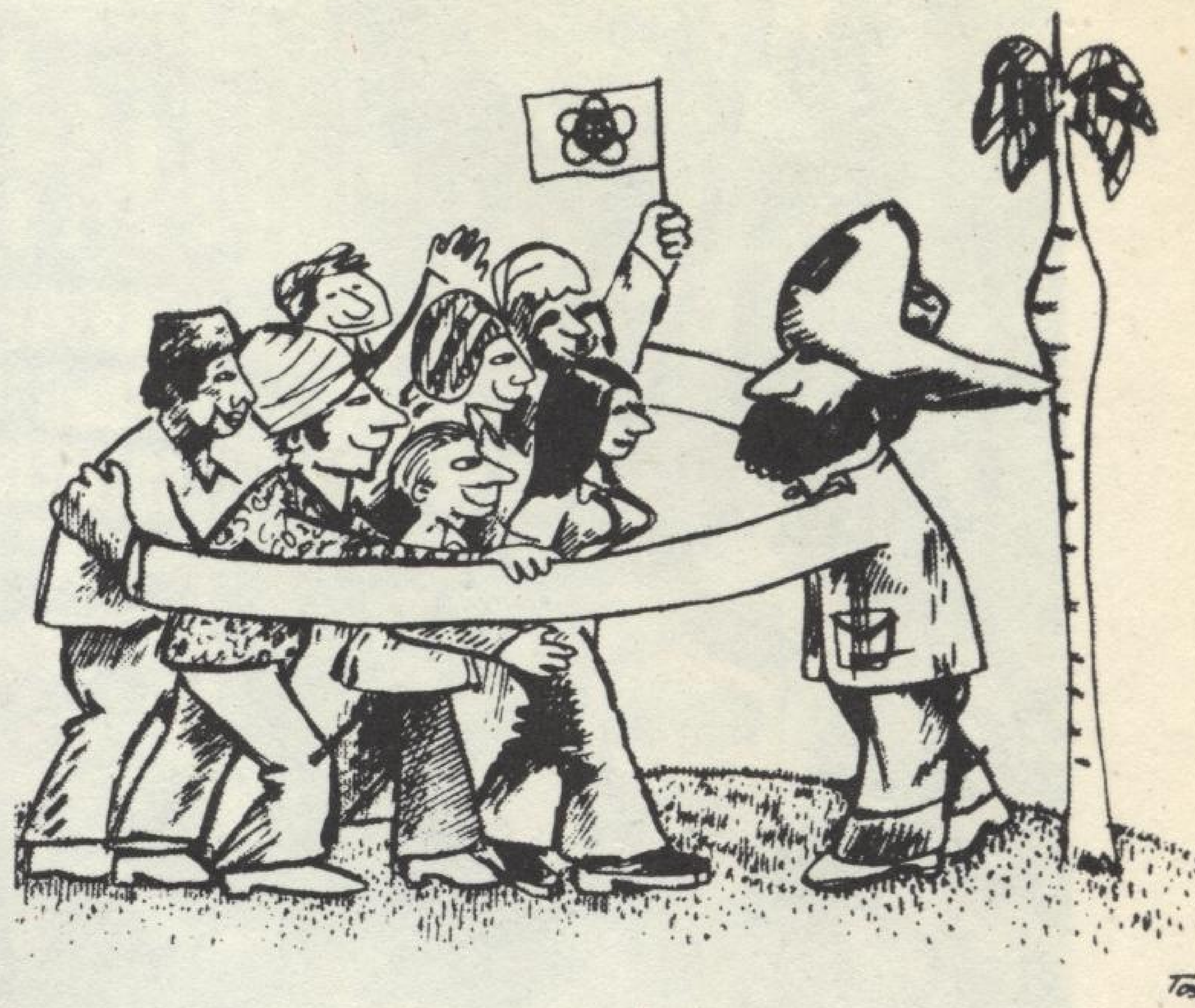
В Гаване несколько дней будет работать клуб «Друзья детей». Там соберутся педагоги, психологи, детские врачи, адвокаты, пионерские работники, руководители детских организаций из разных стран, писатели и художники. Они обсудят совместную программу борьбы за права детей, за мирное детство для самого юного поколения.

5 августа фестиваль закончится грандиозным митингом на площади Революции, перед памятником Хосе Марти.

XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов — большое событие в жизни молодежи всего мира. И хотя не многие из вас смогут побывать на нем, вы встретите его вместе с юношами и девушками всего мира: будете участвовать в митингах, манифестациях и карнавалах, которые будут проходить в ваших пионерских лагерях, Дворцах пионеров.

Гавана.

По просьбе «Пионера» рассказал Владимир ВЕСЕНСКИЙ, собственный корреспондент «Комсомольской правды»



«Куба встречает гостей». Так представляет эту встречу кубинский художник Тоскано.

НА ПОРОГЕ XI ВСЕМИРНОГО

Рассказывает член Национального Бюро Союза молодых коммунистов Кубы **Амор Мирабаль Ферера:**

Мы с радостью узнали, что XI Всемирный фестиваль будет проходить на Кубе, в первой социалистической стране Латинской Америки. Мы, молодые коммунисты, поставили перед собой задачу как можно лучше организовать праздник молодежи, достойно принять участников фестиваля. И вся наша молодежь, весь кубинский народ от мала до велика ударно трудятся, чтобы выполнить свой долг хозяев фестиваля.

Первым делом мы создали Национальный подготовительный комитет под председательством Первого секретаря Коммунистической партии Кубы, Главнокомандующего вооруженными силами Республики Фиделя Кастро Рус. Делегация нашей молодежи отправилась в Берлин, где проходил X фестиваль, чтобы узнать, как Союз свободной немецкой молодежи готовился к фестивалю и проводил его.

По всей Кубе развернулось социалистическое соревнование в честь XI Всемирного фестиваля. На фабриках и заводах, в сельских кооперативах молодые рабочие ежедневно перевыполняли сменные задания, учащиеся школ и вузов боролись за высокую успеваемость. Две тысячи молодых рабочих, студентов, служащих, сельских тружеников, воинов вооруженных сил — победителей соревнования были выбраны делегатами на фестиваль.

Большое строительство развернулось в Гаване. Нужно было реконструировать морскую гавань и аэропорт, чтобы они могли принимать одновременно много теплоходов и самолетов. Это были ударные стройки нашей молодежи. Приведены в порядок пляжи, где смогут отдохнуть наши гости. И в других городах Кубы молодежь готовится встретить гостей фестиваля. Так что можно сказать, что все двести восемь тысяч молодых коммунистов Кубы готовили фестиваль.

Трудно учиться в капиталистической стране — учение стоит дорого.
Еще труднее потом найти работу.
Поэтому все больше студентов вступают в борьбу за свои права.

Рассказывает Президент Международного союза студентов **Мирослав Штепан:**

В этом году фестивальному движению исполняется тридцать лет. Цели и задачи фестивалей близки и понятны всей демократической молодежи всего мира, фестивали объединяют ее для совместной борьбы во имя мира и справедливости.

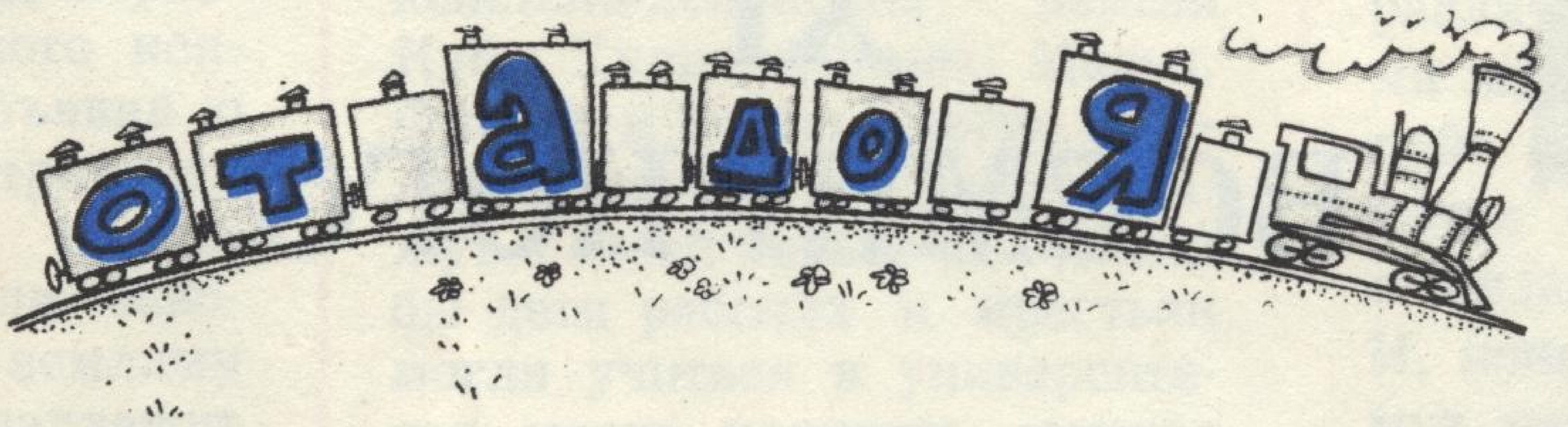
За эти тридцать лет не было, пожалуй, двух похожих фестивалей. И все-таки XI Всемирный особенный. Он проходит не в Европе, а в первом свободном, социалистическом государстве Америки. Это вдохновило молодых борцов Латинской Америки и развивающихся стран, всех нас, друзей Кубы.

Прогрессивная молодежь всего мира стремится сделать все возможное, чтобы фестиваль в Гаване прошел успешно.

Мы знаем, что реакционеры не раз пытались срывать международные фестивали молодежи. Сейчас, похоже, такие действия вышли из моды. Фестивали завоевали авторитет и уважение во всем мире.

К фестивалю готовились не только на Кубе, но и молодые демократы во всем мире. И в этом залог успеха нынешнего XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов!

Записал С. МАКЕЕВ



Фонды солидарности были созданы во многих зарубежных странах для помощи трудящимся революционной России в первые годы после победы Октября. И советские люди тоже всегда помогали народам, сражавшимся с капиталом. В конце тридцатых годов через фонды солидарности поступала помощь испанским республиканцам, боровшимся с фашизмом. Ты сам и вся пионерская организация помогали вьетнамскому народу в его справедливой борьбе против американских завоевателей.

В капиталистических странах Фонды солидарности поддерживают борьбу трудящихся. Недавно во время забастовки американских шахтеров деньги из Фонда солидарности помогли рабочим добиться победы над капиталистами, которые во время стачки не выплачивали горнякам заработной платы.

В 1961 году в СССР был образован **Фонд мира.** Председатель правления его — писатель Борис Николаевич Полевой. Коллективы трудящихся и многие советские люди своими добровольными взносами помогают всем, кто выступает за мир, свободу, независимость и социальный прогресс. Так, например, советские люди собрали два миллиона рублей на строительство и оборудование медицинского центра по охране материнства в Ханое, столице Социалистической Республики Вьетнам.

На средства Фонда мира были приобретены лекарства, продовольствие и одежда для борцов с колониализмом в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау, оказана помощь детям чилийских политзаключенных.

...НАШ ТРУД ВЛИВАЕТСЯ В ТРУД НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ

И. УРИЦКАЯ

Летняя трудовая четверть... Сколько доброго и нужного можно сделать за это время! Ребята, о которых мы здесь рассказываем, умеют быть хозяевами своей земли. С их помощью она становится богаче, красивее, обильнее.

ПРИВЫКЛИ К РАБОТЕ РУКИ

В совхозе «Красная звезда» Курганской области несколько лет назад создана школьная производственная бригада. Члены ее — ученики седьмых — десятых классов. В бригаде 12 звеньев животноводов и 4 звена механизаторов (это, конечно, мальчики).

На ферме, где ребята работают, 90 свиноматок. И хотя все основные процессы механизированы, работы у ребят много: в год на ферме рождается до трех тысяч поросят. И всех их надо выходить, за всеми присмотреть.

На небольшом поле рядом с фермой ребята выращивают морковь и картошку на корм своим подопечным. Для этой работы у них есть два трактора и комбайн.

Летом юные животноводы живут в лагере труда и отдыха «Березка». Их палатки стоят

среди березовой рощи на берегу красивейшего лесного озера.

Жизнь в этом лагере идет так же, как и в любом пионерском: ребята много читают, проводят встречи с ветеранами войны, обсуждают фильмы и книги. Почти все участвуют в соревнованиях по футболу и баскетболу, сдают нормы ГТО. Летом прошлого года вместе с краснозвездинцами здесь отдохнули двадцать пять учеников из четвертой школы города Шадринска. Гости вместе с хозяевами работали на ферме и в поле, вместе же и проводили спартакиаду с лагерем труда и отдыха Бартевской школы.

Зимой работа на ферме не прекращается. Во время школьных занятий каждый класс дежурит по очереди. Ребята хорошо изучили подопечных и стараются разнообразить их меню. Поливитамины, рыбный фарш, проросшее зерно — от всего этого поросята быстрее растут.

Кроме того, поросят облучают ультрафиолетовым светом для того, чтобы они не болели и не простужались.

А забота мальчиков — техника: оборудование фермы и полевые машины требуют постоянного ухода.

Работа нисколько не мешает учебе. Ребята подсчитали, что в бригаде стало больше «хорошистов» и отличников. Потому что школьники стали собраннее, научились беречь свое время. Поэтому, когда это нужно, они успевают еще помогать совхозу убирать картофель, сажают в совхозе кусты и деревья.

ВЕЙСЯ, НИТОЧКА

На твоей груди красный шелковый галстук. А ты знаешь, откуда берется этот шелк? Из коконов гусениц тутового шелкопряда. Гусеничка эта рождается очень маленькой, размером с запятую, которую ты ставишь в тетради. За месяц, если их правильно кормить и хорошо за ними ухаживать, они вырастают величиной с палец и перед тем, как превратиться в бабочек, вьют из тончайших шелковинок коконы. Коконы разматывают на фабрике и из полученных нитей ткут шелковое полотно. Одна шелковая нитка, из которой соткана ткань для твоего галстука, состоит из восьмидесяти шелковинок, разматываемых с коконов. Представляешь, какие они тонкие!

Родина шелкопрядов — Средняя Азия, но в нашей стране разводят их и в других районах: в Краснодарском крае, в Харьковской области. Юннаты Стародеревянковской школы № 5 Каневского района тоже занимаются этим.

Летом ребята получают восемьдесят граммов крошечных гусениц (в восьмидесяти граммах в среднем от пятнадцати до двадцати тысяч гусениц) и выращивают их в червоводне. Здесь очень влажно и жарко. Однако за «климатом» надо внимательно следить: и от излишне высокой температуры и от прохлады шелкопряды болеют и могут даже погибнуть. Кормят шелкопрядов листьями тутового дерева.

Длина шелковинки, которую разматывают с кокона, — полтора километра. Но ребята ищут способы сделать ее длиннее и прочнее.

Они меняют «диету» гусениц: к обычному корму, тутовым листьям, добавляют листья березы и дуба. И шелковинки в коконе от этого становятся прочнее. Меняют ребята и температуру в червоводне — и наблюдают, как влияет она на длину нити.

Уже одиннадцать лет занимаются ученики этой школы разведением шелкопрядов. Наверное, если размотать коконы всех гусениц, выращенных школьниками за эти годы, и все шелковинки связать в одну, то она несколько раз обовьет земной шар. Пусть же у этой ниточки никогда не будет конца!

ТРИТИКАЛЕ, ВОЗРОЖДАЮЩИЙ ЗЕМЛЮ

Вокруг города Орджоникидзе добывают марганцевую руду открытым способом. Каждый год 350 гектаров почвы разрушается, как говорят специалисты, земли эти становятся нарушенными. Выработанные карьеры напоминают лунные кратеры и так же, как они, бесплодны.

Пионеры шестой школы этого города узнали, что в Украинском институте растениеводства, селекции и генетики имени В. Я. Юрьева профессор Алексей Федорович Шулындин вывел гибрид пшеницы и ржи — тритикале. Тритикале очень неприхотлив, но его колос в два раза длиннее ржаного и белков в его зерне содержится больше, чем в пшеничном. Хлеб из муки тритикале получается пышный, румяный, он долго не черствеет.

И вот ребята решили испытать это растение на нарушенных землях. Они написали письмо А. Ф. Шулындину и получили 600 граммов зерна. Осенью звено Тани Мовчан посеяло семена тритикале на небольшой делянке на пришкольном участке. На контрольных делянках посеяли пшеницу и рожь.

Весной, когда сошел снег, ребята увидели: тритикале прекрасно перезимовал. Они решили вести дневник наблюдений. День за днем наблюдали за тритикале и в конце лета сделали вывод: тритикале не полегает ни от дождя, ни от ветра, не боится засухи, не осыпается и не болеет обычными для злаков болезнями. Урожай с делянки ребята собрали в расчете на гектар 57 центнеров, а пшеницы и ржи по 30 центнеров.

На следующий год, хотя лето было дождливым и урожай других хлебных культур едва не погиб, ребята собрали еще больший урожай тритикале.

После этого школьники посеяли тритикале на землях нарушенных. Результат превзошел все ожидания: тритикале и здесь вырос на славу и дал высокий урожай.

Так ребята возвратили жизнь бесплодным землям.

САД В ГОРОДЕ

На песчаном пустыре росли высоченные сосны. Рядом была школа, и пустырь был любимым местом ребячьих игр.

Так и оставался бы пустырь самым обыкновенным пустырем, если бы в школу не пришел новый учитель биологии Михаил Федорович Рассадин. Он сразу завоевал любовь и доверие ребят. Впрочем, и он им доверял полностью. Поэтому и решили они посадить сад на песчаном городском пустыре. Под каждое деревце, под каждый кустик ребята ведрами носили чернозем, торф, удобрения. И в большом промышленном Ярославле, среди каменных домов и гудящих машин расцвел большой красивый сад — чудо, созданное школьниками.

Труд тех, кто закладывал сад, продолжают новые поколения.

Теперь сад занимает два с половиной гектара. В нем 60 яблонь, 260 вишен, 80 кустов черной смородины, 20 кустов красной смородины, 25 — черноплодной рябины.

Рядом с садом построены две теплицы. В одной из них пионеры младших классов выращивают рассаду махровой гвоздики, астр, хризантем. Летом цветы перебираются на клумбы, разбитые в саду.

В другой теплице ребята выращивают овощи на водных растворах минеральных веществ. С начала марта у них уже есть свежие овощи.

В саду еще есть опытный участок по растениеводству и дендрарий, где собраны все породы деревьев и кустарников края.

Ребята с удовольствием работают в саду. Но одно доброе дело влечет за собой другое. Они не оставляют без своих забот и город: район, где находится сорок седьмая школа — один из самых чистых и зеленых.

Пусть же побольше будет в наших городах таких садов, которые учат ребят труду, добру, дружбе.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ

А. АМПЕЛОНОВ

НОВОСЕЛЬЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Антон вышел на балкон и, глянув через перила вниз, увидел двор. Вернее не двор, а пустое пространство между длинными панельными домами, три огромные лужи, кучи мусора... И возле подъезда — только что посаженные деревца.

На новую квартиру Антон переехал вчера. Раньше он жил в старом деревянном доме, двор там был совсем другой: пятачок, обнесенный забором, тополя до крыши, тут же грядки, гараж и даже баня, как в деревне.

Теперь дом, в котором Антон прожил всю свою жизнь, в котором родилась его мама и даже бабушка, пошел на слом, а жильцов переселили в новые районы — кого куда. Одним из первых уехал Серега Красев, верный и надежный друг, который всегда выручал Антона в трудную минуту, ничего для него не жалел. Сколько лет они прожили душа в душу, а теперь Серега — в Зимилеве, на другом конце города. При переезде ему повезло больше, чем Сереге. Он попал в один дом и даже в один и тот же подъезд с сапожником дядей Геной, полным кавалером ордена Славы, любимцем мальчишек старого двора. Дядя Гена чинил им клюшки, рассказывал про войну, которую помнил так, словно она кончилась вчера, всегда защищал, если взрослые бывали несправедливы. Тетя Вера, его жена, работала кассиршей в кинотеатре, и на детские сеансы Антон с Серегой иногда проходили без билета...

И все же на новом месте Сереге нравилось больше. Здесь полным ходом шла стройка. Тянулись к облакам «небоскребы» по шестнадцать и даже двадцать этажей. К ним подъезжали могучие тягачи. Они везли на прицепах целые стены с окнами, в которые уже были вставлены стекла. Круглые сутки скользили в вышине ажурные стрелы кранов. Ночью, освещая стройку, ярко горели прожекторы, по черному небу рассыпались искры электросварки.

Каждую минуту тут что-нибудь менялось, рождался новый прекрасный мир, в котором будет жить немало хороших людей... Но пока начали заселять только первый дом.

Антон.

Антон вздохнул и пошел на кухню, где лежала записка от мамы: «Еда на окне. Сиди дома. Буду в шесть». На подоконнике он нашел свежий батон, сыр и масленку. Масло размякло, стало невкусным. Холодильник пока оставался на старой квартире, отец привезет его вместе с вещами, которые не сумел забрать первым рейсом.

Позавтракав, Антон снова вышел на балкон. Солнце уже стояло высоко, во дворе было все так же безлюдно. Только у соседнего подъезда появился желтый автофургон с надписью «Мебель», а возле него крутилось двое мальчишек.

Антон помчался в прихожую, взял велосипед и спустился во двор. Фургон уехал. Мальчишки сидели на скамейке у второго подъезда и играли в значки. Один из них — маленький, белобрысый, в тренировочных штанах и футболке. Второй — постарше, чернявый, в батнике и брюках клеш.

Игра шла по привычным правилам. Мальчишки подбрасывали значки. Тот, чей значок падал на скамейку застежкой вверх, ходил первым и, нажимая на краешек, старался перевернуть значок соперника.

Антон подошел к игрокам поближе.

— Э! Обточенные не ставим, — воскликнул белобрысый, отбросив значок, поставленный на кон.

— Почему? — недовольно поморщился старший, хотя прекрасно знал, что значок с обточенными краями невозможно перевернуть.

— Не положено...

— А если у меня других нет?..

— Играй в долг.

Поколебавшись, чернявый одолжил у приятеля два значка. И тут заметил Антона.

— Смотри, ве́лик!

Белобрысый тотчас вскочил со скамейки.

— Чур, я первый! — крикнул старший и в два прыжка оказался возле велосипеда. Огромная пятерня его уверенно легла на руль.

— Дай прокатиться.

Антон кивнул: он для того и выкатил велосипед, чтобы познакомиться с мальчишками.

— Ты что, будешь здесь жить? — спросил белобрысый.

— Я только вчера переехал.

— А мы вон там. — Белобрысый махнул рукой влево от шоссе, где выглядывали из-за деревьев старые, потемневшие от времени деревянные дома.

— Э! Акила, заверни штанину, — приказал чернявый, перекинув ногу через раму.

— Сам завернешь — не маленький...

— А кто мне три желания должен?

— Я с тобой вчера рассчитался на пляже, — возмутился Акила. — Забыл?

— Ты с Витьком не спорь! — сказал чернявый и, ткнув себя в грудь, подмигнул Антону.

— Акила это что, имя такое? — спросил Антон, когда Витек, завернув штанину без посторонней помощи, покатил по дорожке.

— Это меня так ребята зовут, у меня фамилия Акимов, имя Леша — сокращенно Акила, — объяснил белобрысый таким тоном, что нетрудно было догадаться: кличка эта ему по душе.

Витек тем временем приближался к трансформаторной будке. Здесь асфальтовая дорожка делала поворот и, замыкая круг, бежала обратно вдоль девятиэтажки. Витек, приподнявшись на педалях, летел все быстрее и быстрее. Антон никогда не думал, что на обычном велосипеде можно развить такую скорость.

— А мне мать скоро гоночный купит — «Спутник» или «Старт-шоссе», — вдруг объявил Акила.

— Когда? — обрадовался Антон.

— Когда работать пойду.

— Работать? Разве тебя возьмут?

— После восьмого возьмут. Мне сосед дядя Вася обещал. У них в гараже ученики требуются...

Антон удивленно взглянул на Акилу. Ему казалось, что тот не старше пятиклассника или перешел в шестой.

Витек приближался к финишу. Акила вышел на середину дорожки, но тот промчался мимо.

— Ты куда, так нечестно! — обиженно крикнул Акила ему вслед.

Витек резко затормозил и повернул обратно. На его лице светилась ехидная улыбочка.

Акила взял велосипед, попытался сесть на него, но перекинуть ногу через раму не сумел...

— Слабак! — пренебрежительно сказал Витек.

Антон бросился на помощь.

— Я сам, — отстранил его Акила и со второй попытки все же оседлал велосипед.

— А вы давно здесь живете? — спросил Антон.

— С первого класса, — сказал Витек.

— А сейчас ты в каком?

— В седьмой перешел, — запнувшись, сказал Витек.

Акила.

— А Акила?

— Акила — в восьмой.

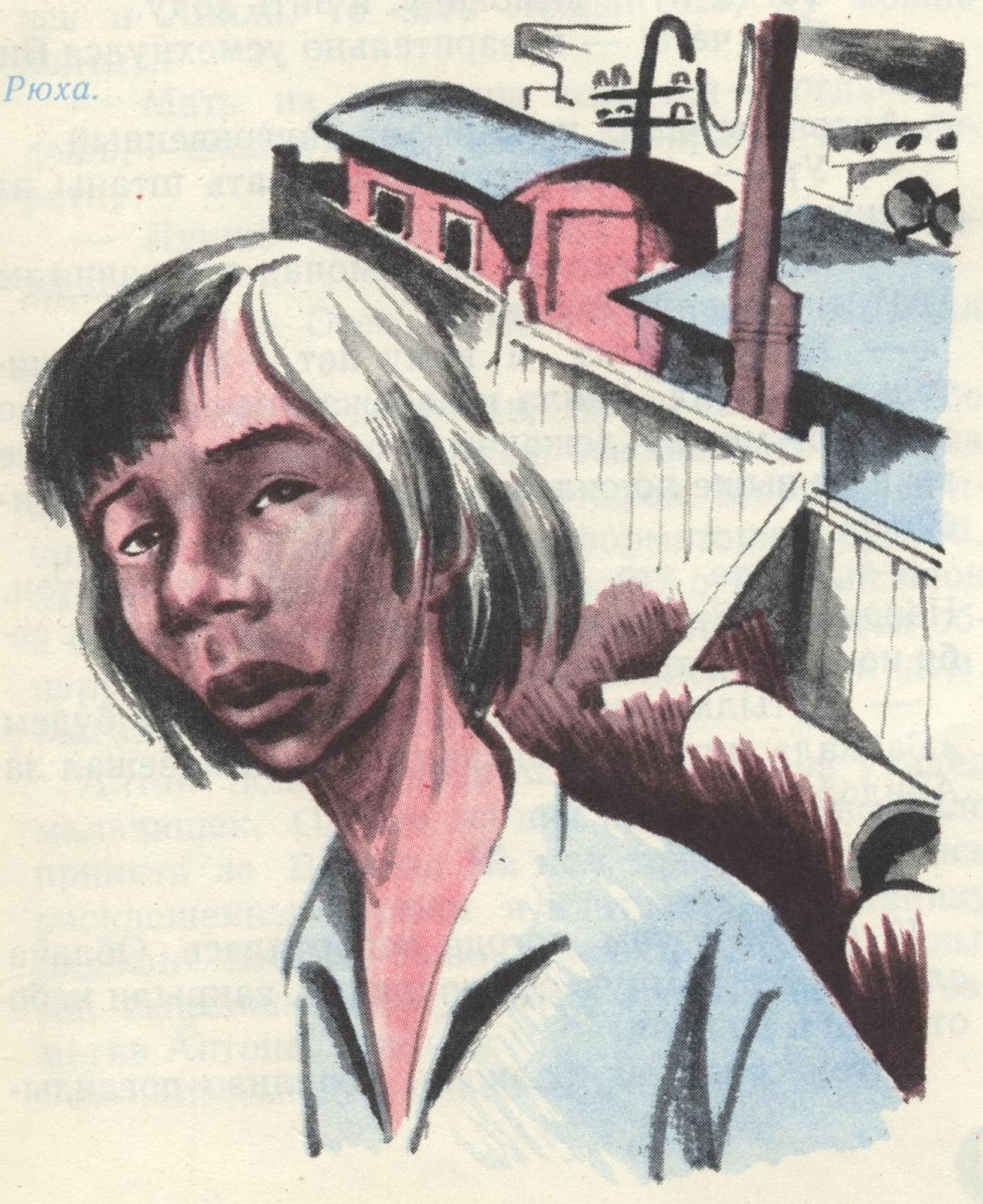
— В восьмой? — растерянно переспросил Антон. Оказалось, что Акила, которого он принял за малыша, старше его на целый год.

Сделав круг, подкатил Акила.

— Ничего бегает... Не хуже гоночного.

Антон взялся за руль, но уезжать ему не хотелось.

— Пошли на пляж! — вдруг предложил Акила.



Рюха.

— А здесь и пляж есть? — спросил Антон.

Есть, две остановки на автобусе.

— И я с вами, ладно? — спросил Антон.

Акила кивнул.

— Конечно. Только велик оставь. Мы тебя подождем.

К автобусной остановке вела дорожка из бетонных блоков. Справа и слева от нее стоял

Витек.

бурьян, торчали из земли люки. Витек шел, подметая клешами тротуар, вразвалочку, как матрос на палубе. Акила болтал, не закрывая рта. Через пять минут Антон знал о здешних местах все... Когда-то здесь стояла большая деревня. Она-то и дала имя новому району. Неподалеку от дома Антона строится магазин, а новую школу построили еще в прошлом году. Через несколько лет здесь откроются кинотеатр и плавательный бассейн. В вагончиках строителей есть патроны для пистолета размером с отбойный молоток, который в одну секунду запросто вбивает в стену гвоздь...

Пляж находился за двумя мостами. По одному машины спускались к центру, а по другому медленно ползли в гору, в новый район. Пляж виден только с первого моста. Вот почему вчера Антон никакого пляжа не заметил, увидел только озеро с низкими зелеными берегами и два деревянных домика — все, что осталось от деревни, про которую рассказывал Акила.

Чтобы попасть на пляж, надо было подняться на холм. На его вершине находились зеленые деревянные ворота с табличкой «Зона отдыха». За воротами начиналась асфальтовая дорожка, вдоль нее располагались буфеты, тир, медпункт

и летняя эстрада. Дальше по склону холма между деревьями вились тропинки к пляжу. Здесь аккуратными рядами стояли зеленые грибки, между ними на деревянных лежаках или просто на травке загорали люди. Солнце пекло как на юге. По мелководью, разбрасывая во все стороны брызги, носились мальчишки.

Акила подбежал к воде первым и, сбросив сандалии, прошелся вдоль берега.

— Водичка — мед!

— Теплая? — недоверчиво спросил Витек и пощупал воду рукой.

Антон огляделся: свободных лежаков не было.

— Давай сюда! — махнул рукой Витек.

Он нашел уютный пятачок на травке прямо под щитом, на котором было написано: «Пионеры и школьники, соблюдайте правила поведения на воде». Акила тотчас убежал в раздевалку и вернулся в аккуратных синих плавках.

— Ого! — воскликнул Витек. — Где такие свистнул? — Он снял брюки и стоял в длинных-предлинных трусах, которые мальчишки называют семейными.

— Мать купила в «Детском мире», — смутившись, объяснил Акила.

Витек снял рубашку. У него было красивое мускулистое тело, широкие плечи, но трусы...

Антон присел на землю...

— А ты чего не раздеваешься? — спросил Витек.

— Потом, — отговорился Антон.

Акила положил в сандалии железную цепочку, что болталась у него на шее, и со всего разбега, подняв фонтан брызг, плюхнулся в воду. Витек прошелся вдоль берега, потрогал ногой воду и поежился.

Проплыв несколько метров, Акила встал на дно.

— Айда на тот берег!

— Кишка тонка, — махнул рукой Витек.

— У кого? Я вчера туда плавал. Давай поспорим?

Антон глянул на другой берег. «Волга», стоящая там, казалась игрушечной. Неужели Акила и в самом деле собирается добраться туда вплавь?

На мосту показался автопоезд. Тягач тащил длинную платформу, на которой лежало что-то громадное и круглое, высотой с двухэтажный дом. Воспользовавшись тем, что Акила отвернулся, Витек бросился в воду и вскочил ему на плечи. Акила исчез под водой, но тут же пробкой вылетел обратно и поплыл от берега. Витек мощными гребками пытался его настичь.

Антон, затаив дыхание, наблюдал за поединком. Так уж получилось, что до шестого класса он не смог научиться плавать. Пять лет подряд он ездил на каникулы в деревню к бабушке, а там нет никакой речки, один пруд с лягушками.

Антон снял брюки и лег на спину. У него тоже были сатиновые трусы, как у Витька, только спортивные, коротенькие, с белыми полосками по бокам. Купаться в них можно было.

Витек и Акила отплывали все дальше и дальше.

Антон скинул тапочки, прошелся по пляжу. Справа у моста находилась лодочная станция. Она еще не работала, лодки кверху днищами лежали на берегу. От станции выбегали в воду деревянные мостики-причалы. Их осаждали мальчишки. Им хотелось понырять, но попасть на мостки было не так-то просто. Здесь сидел сторож, а рядом с ним жарился на солнце огромный черный дог. Изнывая от жары, пес недовольно мотал головой, тянулся к воде, но его не пускала цепь. Дог сердился и лаял на мальчишек, которые пытались забраться на причал.

Антон, прикрыв глаза ладонью, посмотрел вдаль. Далеко-далеко над водой виднелись две головы. Он вздохнул и быстро вошел в воду. Чтобы ребята не догадались, что он не умеет плавать, лучше всего искупаться сейчас, пока их нет.

Акила и Витек не возвращались целую вечность. Антон успел поплавать по мелководью, перебирая руками по дну, и даже достать одной девчонке сандалию, которую малыши, озорничая, кинули в воду.

Акила выскочил на берег первым. Губы у него были синие.

— Ты уже искупался? — спросил он, заметив, что трусы у Антона мокрые.

— Немного, у берега.

— Здесь мелко. Плыл бы к мосту. Там с головкой будет, — посоветовал Акила.

Антон промолчал.

— Ну что, проспорил? — задиристо крикнул Акила, когда из воды вылез Витек.

— Мы с тобой не спорили.

— У меня свидетель есть. — Акила положил руку Антону на плечо.

— Надо было разнять, а так не считается.

— Жи́ла ты, Витька, понял?..

— Ладно, не каркай, у меня все равно рубля нет.

— Тогда купи лимонаду, я пить хочу...

— Еще чего! — презрительно усмехнулся Витек.

Антон вытащил из кармана двугривенный.

— Ура! — Акила стал натягивать штаны на мокрые плавки.

— Чего радуешься, на лимонад все равно не хватит, — зевнул Витек.

— Кому хватит, а кому нет, — многозначительно заявил Акила и побежал наверх. Ловко лавируя между лежаками, он поднимался все выше и выше по склону, время от времени нагибаясь.

— А что это он делает? — спросил Антон. Наедине с Витьком он почему-то чувствовал себя не в своей тарелке.

— Бутылки пустые собирает, сейчас будем «Байкал» пить, — объяснил Витек и побежал за Акилой.

❄

К шести часам погода испортилась. Облака слились в огромную серую шапку, закрыли небо от края и до края.

Антон стоял на балконе, тоскливо поглядыми-

вая во двор. Его тянуло к мальчишкам. Акила сказал, что после шести они с Витьком будут его ждать возле магазина «Океан», который строится в этом квартале.

Антон неслышно подошел к двери. Отец в спортивных брюках и тельняшке стоял на табуретке и сверлил электрической дрелью бетонную стену. Когда-то давным-давно, когда Антона еще не было на свете, он служил матросом на эсминце и с тех пор никогда не расстается с тельняшкой.

— Ты куда это собрался? — обернувшись, спросил отец.

— Можно, я немного погуляю?

— Сейчас дождь пойдет. — Отец кивнул на окно.

— Я в подъезде посижу, под козырьком.

— Что это ты в подъезде потерял?

— Ничего. Просто дома скучно, — объяснил Антон.

— А ты делом займись. Вон книги в ящике — пропылесось их и расставь на полки.

— Па! Это я завтра, мне все равно днем делать нечего.

— Может, тебя к бабке отправить? — вдруг предложил отец.

— Нет, в деревню я не хочу, — нахмурился Антон.

— Вот тебе раз, — удивился отец, — каждый год ездил, и вдруг не хочу.

— Там речки нет, а я плавать хочу научиться.

— А в городе-то научишься?

— Научусь, здесь пляж есть. — Антон запнулся, сообразив, что проговорился.

— Когда это ты успел там побывать?

— Я с машины видел, когда вещи везли... И еще ребята рассказали...

— Ребята?

— Они в старых домах живут, за шоссе. Витек и Акила, то есть Лешка. Па, ну можно пойти?..

— Мать из магазина вернется — тогда пойдешь, — сказал отец, снова забираясь на табуретку.

— Лучше я ее встречу, у нее сетка тяжелая...

— Иди! — Отец махнул рукой и включил дрель.

Выскочив из подъезда, Антон огляделся. Во дворе — ни души. Из ярко освещенного окна на втором этаже хрипел магнитофон. Моросил мелкий дождь. Вдали, за трансформаторной будкой, башенный кран тащил по небу огромный блок с окном посередине. Подойдя ближе, Антон обнаружил забор. За ним строился жилой дом. Магазином здесь и не пахло.

Антон пошел вдоль забора и вскоре увидел мальчишек. Одного из них издали можно было принять за Витька. На нем тоже топорщились расклешенные брюки и клетчатый в крапинку пиджак. Второй, тонкий, как спичка, с длинными, свисавшими сосульками волосами, едва заметив Антона, крикнул:

— Эй ты! Дай три копейки!

Антон достал пятак.

— Больше нет? — спросил худой.

— Нет, — сухо отрезал Антон.

— А ну-ка докажи! — Худой намеревался проверить карманы Антона, но тут заметил ремень.

— Смотри, флотский!

— Кожзаменитель, — возразил другой парень.

— Давай меняться, — схватил Антона за руку худой. — Ты мне флотский ремень, я тебе — армейский... Идет?

Антон помотал головой.

— Кончай, Рюха, в кино опоздаем, — позвал худого парень в пиджаке.

— Сейчас! — отмахнулся Рюха. — Тогда дай поносить. Я завтра отдам. Ты где, в поселке живешь?

— Здесь, — покачал головой Антон.

И в этот момент Рюха рванул на себя пряжку и, выдернув ремень, дал деру.

— Отдай, это же подарок!.. — отчаянно закричал Антон.

Парень помчался к автобусной остановке, прячась в высокой траве, которая росла вдоль шоссе под линией электропередачи. На шоссе показался автобус. Он причалил к тротуару, распахнулись двери. Антон уже настигал беглецов, но тут автобус тронулся с места, захлопнув двери перед самым носом.

Заплакав от обиды, Антон поплелся обратно. Ремень ему подарил отец. И потерять его так глупо... Тут неожиданно для себя Антон увидел строящийся магазин.

Акила и Витек кидали обломки кирпичей в цель — валявшийся на земле обруч.

— Ты чего? — удивился Акила.

— У меня ремень отняли, — объяснил Антон.

— Кто? — спросил Витек.

— Двое. Один худой такой, с длинными волосами.

— Рюха! — определил Акила. — Он спрашивал, откуда ты?

— Спрашивал, — подтвердил Антон. — Ты, говорит, в поселке живешь?

— Эх ты, — огорчился Акила, — надо было сказать: в поселке. Они своих не трогают.

— Кончай! — перебил его Витек. — Они бы все равно спросили, кого он в поселке знает.

— Ты дома про ремень не говори, — предупредил Акила. — Если это Рюха, мы ремень вернем. Рюха Витька боится.

— Это точно, — подтвердил Витек. — Завтра я с ним поговорю.

— А сегодня нельзя? — огорчился Антон.

— Да где его искать? Может, он на озеро придет, мы ночью на рыбалку идем. Хочешь — пойдем с нами...

*

Пришел вечер. На землю медленно опускались сумерки. Вдоль автострады вспыхнули фонари. Антон вышел на балкон и увидел у первого подъезда девятиэтажки ребят. Витек был

— Акила! Кажись, у тебя колокольчик звенит,— крикнул Витек.

в телогрейке и высоких резиновых сапогах. Акила тоже в телогрейке, но без сапог, в руках он держал банку с червяками.

Антон вздохнул. Про рыбалку он ничего родителям не сказал. Все равно не пустили бы. В прошлом году Сережкины родители звали Антона на ночную рыбалку, но отец сказал — поедешь со мной. Да так до конца лета и не выполнил обещания...

— Тоша, Тоша! — позвала мама. Из-за ее плеча торчала вихрастая голова отца.

Антон нехотя ушел с балкона.

— Ты лучше в комнате прибрал бы, — укоризненно сказала мама.

— Почему у тебя одежда всегда разбросана? — спросил отец. Брюки Антона, как назло, лежали на самом видном месте — на письменном столе.

— Я сейчас уберу, па! — Антон подскочил к столу и убрал брюки. Еще секунда, и отец мог обнаружить исчезновение ремня.

— Запри дверь на балкон, — строго сказала мама, внимательно осматривая комнату.

Только тут Антон заметил, что мама переоделась: на ней была нарядная блузка с кружевным воротником, а это значило, что родители собрались в гости.

— Дверь на звонки не открывай, — сказал отец.

— К тете Зине, вернемся поздно или заночуем там, — уточнила мама. — Ты нас не жди, ложись пораньше спать.

— Я немного почитаю, — едва сдерживая радость, кивнул Антон.

Секунды тянулись ужасно медленно. В коридоре жужжала электробритва. Дожидаясь отца, мать несколько раз прошла по коридору. Потом хлопнула входная дверь. Внизу во дворе заурчал автомобиль. Антон выскочил на балкон и, присев на корточки, увидел, как, мигая красной мигалкой, «Жигуленок» выехал на шоссе.

Антон выбежал на лестничную площадку. В лифте он посмотрел на часы — большая стрел-

ка стояла под прямым углом к маленькой: ровно девять часов! Значит, ребята ждут его у магазина.

Огибая лужи, Антон побежал к трансформаторной будке.

Витек и Акила стояли у последнего подъезда девятиэтажки. Под козырьком над стеклянной дверью подъезда тускло светил фонарь. Акила, поставив на скамейку ногу, заправлял брюки в резиновые сапоги, точно так же, как у Витька. Они были одеты одинаково, как братья-близнецы. Телогрейка висела на Акиле, как пальто, а рукава доставали почти до колен.

— Что, отпустили? — радостно воскликнул Акила.

— Ага, мои в гости уехали на всю ночь...

— Ты что, так пойдешь? — скептически спросил Витек. Одеяние Антона для ночной рыбалки выглядело легкомысленно.

— Переоденусь. Я боялся опоздать...

— Куртка у тебя есть? — спросил Акила.

— Только осеннее пальто. Оно теплое.

— В пальто нельзя: там же грязно, и земля сырая.

— А где вы телогрейки взяли? — огорченно спросил Антон. Он никак не думал, что из-за такой ерунды, как одежда, рыбалка может сорваться.

— Может, по будкам сходим, — деловито предложил Витек.

— Сходи сейчас! А мы тебя здесь подождем, — попросил Акила.

— А где искать? — спросил Витек.

— Там, где мы вчера были... Где конфеты нашли...

Витек исчез.

— Куда он пошел? — помолчав, спросил Антон.

— Да тут, в одно место... А ты пока домой сбегай, переоденься и поесть чего-нибудь захвати, — предложил Акила.

Дома Антон надел толстый синий свитер, который связала ему бабушка, и старые школьные брюки. Из холодильника положил в целлофановый пакет вареные яйца, кусок колбасы.

Ребята ждали его у подъезда. В руках Витек держал телогрейку.

— На! — Витек протянул телогрейку Антону.

От автобусной остановки Витек повел ребят обратно через мост. Черная водяная гладь дышала теплом. Чуть слышно шуршали камыши. С другой стороны, с пляжа, пытаясь пронзить ночную мглу, били два прожектора. Они висели на столбах возле буфета. Третий прожектор освещал спасательную станцию. В воздухе стоял гул. Над водохранилищем, мигая красной лампочкой, заходил на посадку самолет.

Акила достал из кармана телогрейки донку — длинную леску, на которой висело несколько крючков, и, размотав ее, стал насаживать червей. Витек тоже готовил свою снасть. Он действовал неторопливо, со сноровкой бывалого рыбака, и забросил свою донку первым. Со свистом разрезая воздух, она улетела в темноту и шлепнулась в воду метрах в двадцати от берега. Акила метнул свою донку следом за Витьком и радостно закричал:

— Моя дальше, моя дальше...

— Ты что, слепой? Ты же мою донку перекрестил, — возмутился Витек.

— Давай перебросим, — вздохнув, согласился Акила и, проворно работая руками, стал накручивать донку на палочку.

Витек сматывал свою донку на большой гаечный ключ.

— А зачем ключ? — удивленно спросил Антон.

— Значит, надо, — лаконично объяснил Витек.

— Это если рыбнадзор придет, — уточнил Акила, — донку можно бросить в воду, а потом достать... Я себе тоже скоро ключ достану...

— А что, здесь нельзя удить? — спросил Антон.

— Здесь можно. На пруду нельзя, — переглянувшись с Витьком, объяснил Акила.

— На каком пруду?

— За плотиной — маточный пруд. Там карпы по полметра. Нас один раз там чуть не застукали...

— Вы там карпов ловили? — удивленно воскликнул Антон.

— Нет, мы мимо проходили, а там одного парня с бреднем видели. Он смотался, а на нас подумали. Мне даже штраф домой прислали.

— Ладно загибать, — усмехнулся Витек.

— Могу квитанцию показать, не знаешь — не говори, — отрезал Акила.

Прошел час, другой... Уже не шуршали шинами по мосту машины, не перекликались электрички на железной дороге, лишь изредка где-то далеко-далеко гремел по рельсам, сотрясая землю, тяжеловес-товарник да плескалась в озере рыба. Плескалась, но почему-то не клевала. Витек терпеливо ждал клева, а Акила привязал свою донку к колышку, подвесил на леску колокольчик и спокойно сидел у костра. Он развел его в яме, у самого моста, чтобы не видно было со стороны.

Рюха так и не появился, но Антон не огорчился. Он знал, что Акила и Витек заставят его вернуть ремень. Волновало Антона совсем другое: не вернутся ли родители среди ночи. Что подумает мама, когда не застанет его дома?! Он страшно завидовал ребятам: мальчишек, его сверстников, родители отпустили на рыбалку одних.

— Давай порубаем, что-то есть хочется. — Акила достал из сумки хлеб, колбасу, вареные яйца.

— Вы здесь целое лето будете? — спросил Антон, вынимая из пакета сыр и колбасу.

— А где же еще?

— Акила! Кажись, у тебя колокольчик звенит, — крикнул Витек.

Акила сорвался с места. Колокольчик на его донке беспокойно дергался. Акила стал осторожно выбирать леску.

— Подсекай, подсекай быстрее, — крикнул

Ласково пекло солнце, быстро сохла одежда. Рюха пересчитывал деньги.

Витек, попытавшись взять донку на себя, но Акила его отстранил. Ему ужасно хотелось вытащить рыбу в одиночку, без посторонней помощи.

Рыба попалась крупная. Она водила леску из стороны в сторону, рвалась в глубину. Собрав все свои силы, Акила резко рванул леску на себя, и... рыба, рыба, утащив с собой донку, вырвалась на свободу...

В четыре на востоке показалась тонкая полоска зари, начало светать, стало видно, как над водой стелется густой туман. Витек смотал снасти и честно поделил добычу пополам, хотя Акила, оставшись без донки, больше ничего не поймал.

Домой они возвращались пешком, через поросшее бурьяном поле. Витек с Акилой тащили в полиэтиленовых мешках рыбу. Антон, задыхаясь от волнения, бежал впереди. Только оказавшись во дворе, он вздохнул с облегчением: машины у подъезда не было.

Разбудило Антона солнце. Врываясь через окно в комнату, оно било прямо в глаза. Проснувшись, Антон не сразу понял, где он: на старой квартире прямо перед окном рос тополь.

— Смотри, как ты сегодня разоспался! — В комнату заглянул отец. Он почему-то оказался дома, хотя был обыкновенный будний день.

Антон вскочил с постели, ополоснул лицо, вынес в коридор кеды, которые вчера поставил сушиться на калорифер. Отец уже разливал чай.

— Па! А можно я сегодня с ребятами на пляж пойду. Здесь недалеко.

— Сходи, — кивнул отец. — Только на глубину не залезай и возьми полотенце.

Дожевывая на ходу бутерброд, Антон выскочил на балкон. Он никак не рассчитывал, что отец так легко отпустит его на пляж. Теперь дело за малым: отыскать Акилу и Витька. Вче-

ра по пути домой они всю дорогу ругались. Витек никак не мог простить Акиле, что он отказался от помощи и упустил такую крупную рыбину, и разошлись по домам, не договорившись, кто к кому заходит утром.

На скамейке у первого подъезда сидела компания мальчишек, но ни Акилы, ни Витька среди них не было. Антон вздохнул и, взяв плавки, вышел во двор. Ничего не оставалось, как искать ребят на пляже. Ртутный столбик термометра тянулся к тридцати.

Холм от подножия до вершины был усеян людьми. Осторожно выбирая дорогу, чтобы на кого-нибудь случайно не наступить, Антон подошел к лодочной станции. Ребят нигде не было видно: ни на пляже, ни в тире, ни на волейбольной площадке. Антон снова вернулся к буфету и вдруг увидел Рюху. Он стоял у прилавка.

— Что тебе, мальчик? — громко спросила буфетчица.

— Три пива, пожалуйста, — вежливо попросил Рюха.

— Несовершеннолетним пиво не отпускаем, — строго сказала буфетчица.

— Я же не для себя, я отцу, — запротестовал Рюха. — Он у меня инвалид, ходить не может...

Очередь сочувственно зашумела.

— Знаю я ваших отцов, — недовольно проворчала буфетчица, но пива все-таки дала.

Рюха схватил бутылки и побежал по дорожке. Прячась за деревьями, Антон последовал за ним.

У тира Рюха оглянулся и нырнул в кусты. Антон пулей бросился за ним и налетел на забор. Рюха уже спускался по голому песчаному склону к воде. Антон быстро подтянулся и, рискуя порвать штаны, перепрыгнул через забор. Рюха исчез. Только следы на мокром песке говорили, что был здесь.

Следы вели под мост. Антон быстро пошел вдоль берега. За мостом трава росла по пояс, валялись консервные банки и битые кирпичи. Где-то совсем-совсем рядом раздался смех. Антон огляделся, заметил в двух шагах от берега островок и, сняв тапочки, осторожно вошел в воду. Дно было песчаное, ровное. Дойдя до середины протоки, Антон увидел склонившийся к воде старый телеграфный столб.

По столбу карабкался мальчишка. Узнав по плавкам Акилу, Антон сделал шаг вперед и неожиданно потерял дно.

— На горизонте утопающий! — крикнул Акила и спрыгнул в воду.

Вытащив Антона на брод, он удивленно спросил:

— Ты что, плавать не умеешь? Держись за меня, а то еще раз провалишься.

На берегу появился Витек.

— А я вас на пляже искал. — Антон снял джинсы, они промокли и стояли колом.

— А как ты нас нашел? — спросил Акила.

— За худым шел, который у меня ремень отобрал.

— Говорил тебе, это Рюха, он там с пэтэушниками. — Акила показал рукой на кусты.

— Он в буфете пиво покупал, сказал, что для отца-инвалида.

— У него отца нет, он с ними не живет. — объяснил Акила. — Для больших ребят покупает...

Тут появился Рюха и, опустившись на траву, стал пересчитывать деньги. Звенели, падая на майку, медяки.

— Богатенький Буратино, — ехидно заметил Витек.

— Всего шестнадцать копеек, — махнул рукой Рюха. — Они мне сдачу оставили...

Антон подошел к Рюхе.

— Тебе что? — удивленно вскинул голову Рюха.

— Ничего, давай ремень! — резко сказал Антон.

— Какой ремень?

— Который вчера взял.

— Кто взял? Я тебя первый раз вижу...

У Антона сжались кулаки. Без одежды стало ясно, что Рюха слабак: и ноги кривые, тонкие и руки совсем без мускулов.

— Кончай загибать! — вмешался в разговор Витек. — Ты что у своих ремни стреляешь?

— Откуда я знал? — мигом перестроился Рюха. — Надо было сказать.

— Что сказать? — наступал Антон. — Давай ремень...

— Я его с собой ношу, что ли? Если хочешь, бери этот. Он лучше, кожаный...

Он протянул Антону ремень с обычной армейской бляхой.

— Мне чужой не нужен.

— Как хочешь, — пожал плечами Рюха.

— Не вернешь ремень — будешь иметь дело с Витьком, — грозно предупредил Акила.

— А я Зурабу скажу, — Рюха кивнул в сторону кустов.

— Ладно пугать, — возмутился Акила. — Он сам тебе первый врежет, когда про ремень узнает.

Акила разбежался и красиво, без брызг, вошел в воду. Витек нырнул следом. Антон присел на землю, вытащил из кармана промокшие плавки и, не снимая рубашки, переоделся. Первым делом следовало высушить одежду.

— Повесь на столб, чтоб ветер обдувал, — посоветовал Рюха.

Витек с Акилой поплыли наперегонки. Акила шел саженками и вырвался вперед, а Витек пытался достать его брассом. Они плыли на другой берег, туда, где, упираясь в небо, стояла мачта электропередачи.

Антон вошел в воду по пояс и поплыл по-собачьи вдоль берега. Мальчишки, достигнув середины водохранилища, повернули обратно.

— У тебя ноги не работают, — подплыв поближе, крикнул Акила и стал объяснять, как должны двигаться ноги.

— Сперва руки покажи, — посоветовал Витек. Он уже вылез из воды и наблюдал тренировку с берега.

— В бассейне всегда с ног начинают, — настаивал Акила. — Там даже доски такие есть.

— Может, вместо доски лежак взять? — предложил Витек.

Он прыгнул в воду, исчез под мостом и скоро приплыл обратно, толкая перед собой новенький зеленый лежак. Раздобыть его на пляже, где яблоку негде упасть, мог только Витек.

Дальше тренировка продолжалась по всем правилам. Антон изо всех сил колотил по воде ногами, держась за лежак, а Витек плыл рядом и следил, чтобы лежак не унесло далеко от берега.

— Молоток! — восторженно крикнул Акила. Он никак не ожидал, что учеба пойдет так быстро.

Потом Антон вместе с ребятами загорал на травке. Ласково пекло солнце, быстро сохла одежда. Рюха лежал в сторонке. Он зачем-то опять пересчитывал деньги.

— Сколько насобирал? — спросил Витек.

— Сорок копеек, на кино хватит, — похвастался Рюха.

— Еще и на мороженое останется, — вздохнул Акила.

— Пошли вместе? — предложил Рюха.

— Идея! — воскликнул Витек.

— А деньги где? — уныло спросил Акила. — Мне мать сказала, что до осени ни копейки не даст: мы за телевизор кредит выплачиваем.

— А рыбу вы вчера почему не сдали? — спросил Рюха.

— Сдадим, когда Акила подсекать научится, — усмехнувшись, ответил Витек.

— Ладно смеяться. Я бы все равно продавать ее не стал.

— Тогда на мосту насшибайте! — подсказал Рюха. — Могу помочь.

Витек стал натягивать брюки. Акила, видно, колебался — идти с ребятами или остаться с Антоном.

— Ты не ходи, — остановил его Витек. — Ждите нас на остановке.

— Вы что, дружите с этим Рюхой? — спросил Антон, оставшись наедине с Акилой.

— Ты не бойся, он ремень отдаст, — вместо ответа на вопрос сказал Акила. — А не отдаст, Витек ему покажет...

— А кто такой Зураб?

— Это его сосед. Он после ПТУ в летное училище поступать хочет. Одевайся скорее.

На остановку автобуса они попали тем же путем, каким шел Антон, преследуя Рюху. На шоссе было безлюдно. На размягшем от жары асфальте оставались следы автомобильных шин.

Подъехал автобус, из него выпрыгнули две девочки и маленькая черная собачка, которая послушно следовала за ними без всякого поводка. Витек с Рюхой зачем-то маячили на мосту у противоположного берега, там, где на мост поднималась тропинка, ведущая в новый микрорайон.

По тропинке вприпрыжку бежал мальчишка, он легко взлетел на мост, но тут... Витек преградил ему дорогу, а Рюха забежал со спины, отрезав все пути к отступлению.

— Что им от него надо? — спросил Антон.

— Не знаю. — Акила отвел глаза.

Витек, махнув рукой, отошел к перилам, а мальчишка, пугливо озираясь по сторонам, помчался наутек. Заметив Антона и Акилу, он, не добежав до остановки, резко затормозил и кубарем скатился с обрыва под мост.

— Чего это он? — тихо спросил Антон.

— У него деньги, наверное, остались, — вздохнув, объяснил Акила.

— Деньги? — упавшим голосом переспросил Антон. Как же он сразу не догадался, зачем Рюха позвал Витька на мост!

Пропустив автобус, Антон рванулся на другую сторону шоссе...

— Антон! Ты куда? — пытался остановить его Акила.

— Со «стрелками» не вожусь, — крикнул Антон и, не оборачиваясь, помчался прочь.

В школе, где учился Антон, тоже был мальчишка, который отбирал деньги у малышей. Потом он стоял жалкий, противный на линейке перед всей школой. Лучше умереть, чем пережить такой позор!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ФЛАЖКИ НА КАРТЕ

Сегодня флажками на карте мы отметили тимуровские команды, которые прислали самые интересные и подробные рассказы о своей работе.

ПОДАРОК ТИМУРОВЦЕВ

Год назад в наш городской пионерский штаб «Тимуровец» пришло письмо от ребят из города Туймазы Башкирской АССР. Они просили узнать о судьбе тепловоза «Юный гайдаровец», построенного из металлолома, собранного туймазскими пионерами.

Мы пошли в локомотивное депо станции Стерлитамак и узнали, что тепловоз «Юный гайдаровец» водил грузовые составы по линии Уфа—Стерлитамак. Потом работал на Всесоюзной ударной комсомольской стройке — строительстве железной дороги Белорецк—Чишмы и там, в районе Магнитогорска, попал в аварию.

Мы предложили школьникам города Туймазы вместе собрать металлолом для нового тепловоза. В городе объявили операцию «Тепловоз «Аркадий Гайдар». Собрали 100 тонн металлолома.

И вот тепловоз «Аркадий Гайдар» у нас в Стерлитамаке. Он построен на Ворошиловградском тепловозостроительном заводе имени Октябрьской революции. Его номер ТЭМ-2 3208.

31 декабря 1977 года мы провожали тепловоз «Аркадий Гайдар» в первый рейс по маршруту Стерлитамак—Белое озеро. На митинг собрались ребята со всего города. Были работники локомотивного депо, ветераны Великой Отечественной войны. Тепловоз «Аркадий Гайдар» повел машинист первого класса, ударник девятой пятилетки, ветеран Великой Отечественной войны и ветеран труда, кавалер ордена Ленина Алексей Васильевич Рыжов. Все ребята, участники митинга, стали первыми пассажирами этого рейса.

От нашего большого друга Тимура Аркадьевича Гайдара мы получили телеграмму: «Горячий привет, друзья, счастливого пути вам и тепловозу «Аркадий Гайдар», обнимаю, Тимур Гайдар».

г. Стерлитамак, городской пионерский штаб «Гайдаровец»

ЧЕТВЕРОКЛАССНИКИ — НАША СМЕНА

Наш пионерский отряд уже несколько лет проводит экскурсии в школьном музее А. П. Гайдара. А сейчас мы учим этой работе своих подшефных четвероклассников. И помогать пенсионерам мы тоже ходим вместе, чтобы четвероклассники не забывали их, когда мы уйдем из школы.

Недавно с нашими друзьями мы провели операцию «Тюльпан». Посадили цветы на могилах участников войны.

Мы — восьмиклассники. В этом году кончаем школу. Но тимуровцами мы останемся навсегда.

Тимуровцы пос. Калининск, Молдавская ССР.

КАЖДЫЙ ГОД — НОВЫЕ ТИМУРОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ

В нашей школе десять лет назад были созданы клуб «Гайдаровец» и музей А. П. Гайдара. За это время в музее побывало более четырех тысяч ребят со всего города. Руководит работой клуба учительница начальных классов Галина Зосимовна Разницына.

Первые тимуровцы нашей школы посадили аллею — 93 дерева, которые хорошо прижились и уже разрослись.

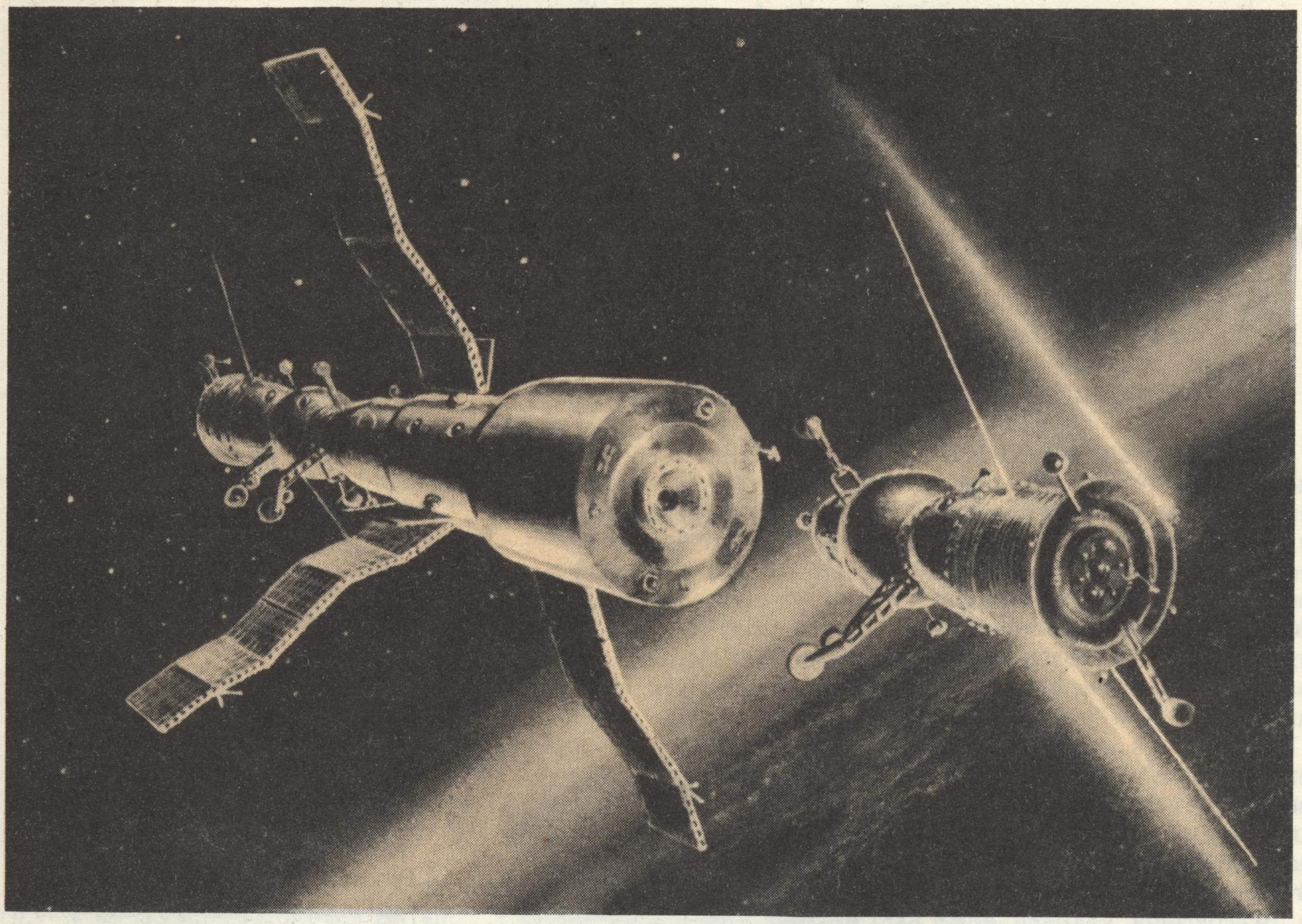
Прошлой осенью, в день памяти Гайдара, мы разбили сквер и построили игровую площадку.

У нас в школе работает киоск «Выручалочка». По просьбе книжного магазина ученики четвертых классов продают ребятам книги и школьные принадлежности. Мы заработали 230 рублей и эти деньги использовали на оформление музея.

При клубе есть кружок «Модница». Девочки по заказам детских садов шьют платья для кукол и мягкие игрушки. А в кружке «Мастерок» мальчики делают для малышей лопатки и игры.

Каждый год приходит в клуб новое пополнение ребят. И приносят они новые идеи, проводят новые операции.

г. Северодвинск, совет клуба «Гайдаровец».



На стыковку. Рисунок космонавта А. Леонова и художника А. Соколова.

Владимир ГУБАРЕВ,
лауреат премии Ленинского комсомола

КОСМИЧЕСКИЙ ПОРТ

Станция «Салют-6» ушла в космос в сентябре прошлого года — в канун двадцатилетия со дня старта первого искусственного спутника Земли. А первый экипаж на ней начал свою работу уже в третьем десятилетии космической эры. «Салют-6» словно «впитал» в себя все лучшее, что было накоплено в космонавтике за два десятилетия. И в то же время он показал, какие великие возможности для науки и народного хозяйства открываются при длительной работе подобных станций...

Всего семь лет прошло со времени запуска нашей первой орбитальной станции «Салют-1». Казалось бы, совсем мало времени, но новая наша станция уже отличается от своих предшественниц.

Орбитальная пилотируемая станция «Салют-6» — своеобразный космический порт, к причалам которого подходят и пассажирские и грузовые корабли. И это большой исследовательский институт, в распоряжении «научных сотрудников» которого находятся уникальные приборы, аппаратура, астрономические инструменты.

Перечислить их просто невозможно: вес научной аппаратуры — полторы тонны! — говорит сам за себя.

10 декабря стартовал «Союз-26». Полет орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-26» во многом был новаторским. Недаром в те дни в газетных репортажах все чаще и чаще стало появляться слово «впервые».

Впервые... При полете станции «Салют» был осуществлен выход в открытый космос двух космонавтов. Георгий Гречко, которого страховал командир, находившийся в переходном отсеке, провел профилактический осмотр второго стыковочного узла. Он оказался в прекрасном состоянии. Именно к нему через некоторое время и был пристыкован корабль «Союз-27», на котором к станции прибыли В. Джанибеков и О. Макаров. Экипаж «Союза-26» работал в скафандрах новой конструкции, приспособленных для длительного пребывания космонавтов вне станции, удобных для работы, более комфортабельных, чем прежние, в частности, в них можно поддерживать любую заданную температуру.

Впервые... В течение первого месяца полета Георгий Гречко и Юрий Романенко проводили исследования природных богатств нашей страны. Подобным работам в каждом полете уделяется большое внимание, но для «Салюта-6» впервые была разработана комплексная программа наблюдений Земли. Космонавты выполняли конкретные задания специалистов самых различных областей науки и народного хозяйства.

К примеру, Георгий Гречко в канун старта побывал на Нурекской ГЭС. По заданию ее строителей во время полета он «вел учет» ледников. От специалистов сельского хозяйства была просьба: определить границы снежного покрова. Знать это важно, чтобы давать прогнозы водного баланса на весну. Географы попросили уточнить береговые линии Арала и Каспия: эти моря постепенно мелеют. Насколько быстро наступает суша? Наблюдения из космоса помогут ответить на этот вопрос...

Особое значение сегодня приобретает контроль за загрязнением окружающей среды. Ю. Романенко и Г. Гречко наблюдали пыльные бури, пожары, извержения вулканов — естественные источники загрязнения атмосферы. Но пришлось им столкнуться и с иными явлениями. Из космоса они наблюдали гигантское нефтяное пятно у берегов Африки — результат столкновения двух танкеров...

Впервые... На борту «Салюта-6» был установлен новый космический фотоаппарат, созданный учеными и специалистами СССР и ГДР. Два рабочих дня космонавты посвятили съемкам различных районов планеты с помощью камеры МКФ-6М.

Хорошо известна фотография Байкала, сделанная этой камерой. На ней видны квадраты полей, растительность на горных лугах, устье Селенги. Причем картина получилась объемной: видно, что происходит не только на поверхности воды, но и на глубине. МКФ-6М снимает в шести зонах спектра. Фотография, сделанная, например, в ультрафиолетовой зоне, позволяет проникать в глубь воды, почти до самого дна. По таким снимкам гидрологи могут проследить, что именно выносят реки в моря, проанализировать характер «взвеси» по физическому составу и распределение ее по глубине. Зимние съемки в разных спектрах — а экипаж «Салюта-6» работал зимой — позволяют определить запасы влаги для полей, уровень паводков будущей весной. И лесники могут по этим зимним фотографиям проводить учет лесных богатств: на них четче различаются хвойные и лиственные породы деревьев. И вообще почти все съемки из программы экипажа сделаны по заказам различных отраслей народного хозяйства.

Романенко и Гречко фотографировали районы Средней Азии, Кавказа, Украины, некоторые районы Германской Демократической Республики.

Еще никто до них не встречал Новый год в космосе...

На орбите открыто почтовое отделение! Космонавты Юрий Романенко, Георгий Гречко, Алексей Губарев и Владимир Ремек готовятся сделать первое космическое гашение.

Впервые... На борту «Салюта-6» проводились сложнейшие научные и технологические эксперименты. Каждый стал новым шагом в развитии науки. Заработал в космосе миниатюрный металлургический «цех». На установке «Сплав-01» космонавты получали сплавы, которые трудно или даже невозможно создавать в земных условиях. В невесомости, к примеру, можно выплавить «пенометалл». Он будет, словно губка, пористый и прочный, как сталь. Да и кристаллы, столь необходимые электронной технике, легче производить на орбите: помогает невесомость! Конструкторы убеждены: в недалеком будущем в космосе появятся промышленные предприятия. Первые шаги к ним сделаны во время полета Романенко и Гречко...

Дел на орбите у космонавтов достаточно. Не случайно их рабочий день начинался в восемь утра, а заканчивался в полночь. Четырех рук не всегда хватало... И вот к Романенко и Гречко торопятся на помощь друзья.

Впервые... К работающему на орбите комплексу «Салют-6» — «Союз-26» стартует новый корабль.

Космонавты провели совместные биологические и медицинские исследования, технические испытания научно-исследовательского комплекса «Союз-26» — «Салют-6» — «Союз-27», совместные наблюдения Земли. Космонавты Джанибеков и Макаров привезли своим товарищам новую научную аппаратуру, заменили радиопередатчик, который вышел из строя, «обменяли» свои корабли. (Необходимо было освободить тот стыковочный узел, к которому пришвартовались Романенко и Гречко.) С этой стороны расположены двигатели «Салюта» и сюда должен был подойти «Прогресс-1». Станция нуждалась в дозаправке топливом. Такой обширной была программа работы четверки. Новые жители космического дома приняли сложившийся распорядок дня — подъем в восемь утра и рабочий день до полуночи.

В дни, когда на орбите работала дружная четверка, я попросил прокомментировать это событие тех летчиков-космонавтов, которые уже бывали на орбите и готовятся к новым стартам.

— На орбите сейчас действует большая научная база, которая может выполнять программу и самостоятельно и совместно с кораблями. У космической арифметики свои особенности: два корабля и четыре космонавта — это не просто сложение, а многократное увеличение возможностей, — слова **Виталия Севастьянова.**

— Конструктор обязан думать о будущем, — сказал тогда **Константин Феоктистов.** — Проверка в полете работы научно-исследовательского комплекса «Союз-26» — «Салют-6» — «Союз-27» — это новые проекты, замыслы, свершения...

Поистине, открывая люки в космос, мы открываем дверь в будущее...

Впервые... Полет орбитального комплекса был ознаменован еще одним событием: в космосе новый корабль «Прогресс».

«Прогресс» специалисты называют и «танкёром» и «грузовиком». На его борту топливо для станции «Салют», необходимое экипажу снаряжение и оборудование.

— Когда начинали создавать орбитальную станцию, мы думали о таком корабле, — говорит Константин Петрович Феоктистов. — Теперь пришло его время... «Прогресс» создан на базе «Союза», но это новый корабль.

Зачем нужен такой корабль? Дело в том, что на борту станции довольно быстро расходуются привезенное с Земли топливо, материалы для научных исследований, запасы фото- и кинопленки. Нередко во время полета возникают идеи новых экспериментов, а необходимых приборов на борту нет. Кроме того, станцию нужно обслуживать. На ней сотни агрегатов и приборов. Мы заранее планируем, какие придется менять, поскольку срок службы у них меньше, чем работает станция. Но бывает, нужен срочный ремонт. Надо заботиться и о том, чтобы атмосфера на «Салюте» постоянно возобновлялась. При выходе Георгия Гречко и Юрия Романенко в открытый космос часть атмосферы была выпущена из станции и давление на борту упало.

«Прогресс-1» доставил азот и кислород. Еще одна статья расхода — топливо. Оно необходимо для коррекции станции, ее поворотов и движений во время научных экспериментов. И, наконец, создание условий для жизни и работы экипажа. На аппетит ни Романенко, ни Гречко, ни их товарищи из «экипажа посещения» не жаловались, и консервы за полтора месяца поубавились. «Прогресс» привез воду для душа, полотенца, салфетки, белье... Ведь пока прачечной на борту нет, хотя в принципе и ее можно создать..., — Константин Петрович улыбается. — Короче говоря, везти на «Союзе» все необходимое даже на несколько месяцев работы очень сложно. А если на год? Это уже десять тонн. Без транспортного грузового корабля не обойтись...

Впервые... И еще одну новую страницу в истории космонавтики предстояло открыть экипажу «Союза-28».

Вспомните — апрель 1961 года. Именно тогда, в дни после полета Гагарина, прозвучало Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР:

«Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле».

Советская орбитальная пилотируемая станция стала международной!

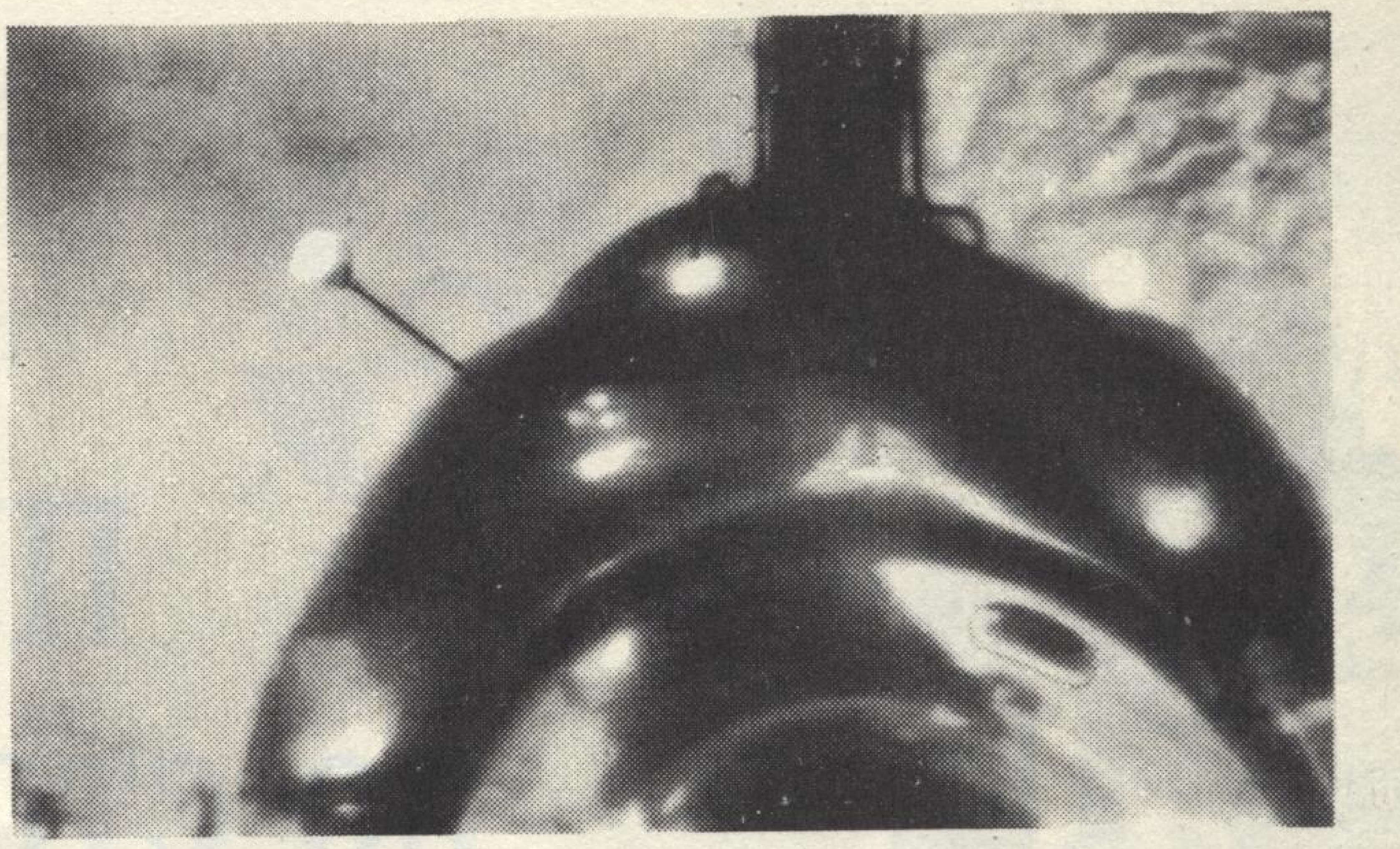
— 12 апреля 1961 года сыграло решающую роль в жизни каждого из нас, тех, кто посвятил себя космосу, — говорит капитан **Владимир Ремек.** — Думал ли я тогда о том, что стану космонавтом? Конечно же, нет. Об этом можно было только мечтать. А потом пришло время сотрудничества социалистических стран по программе «Интеркосмос» и, наконец, первые интернациональные экипажи... Я никогда не забываю, что многие из моих соотечественников могли бы быть в Звездном, очень многие. А путь нам открыл Гагарин.

А вот что говорил **Георгий Гречко** за несколько месяцев до своего полета:

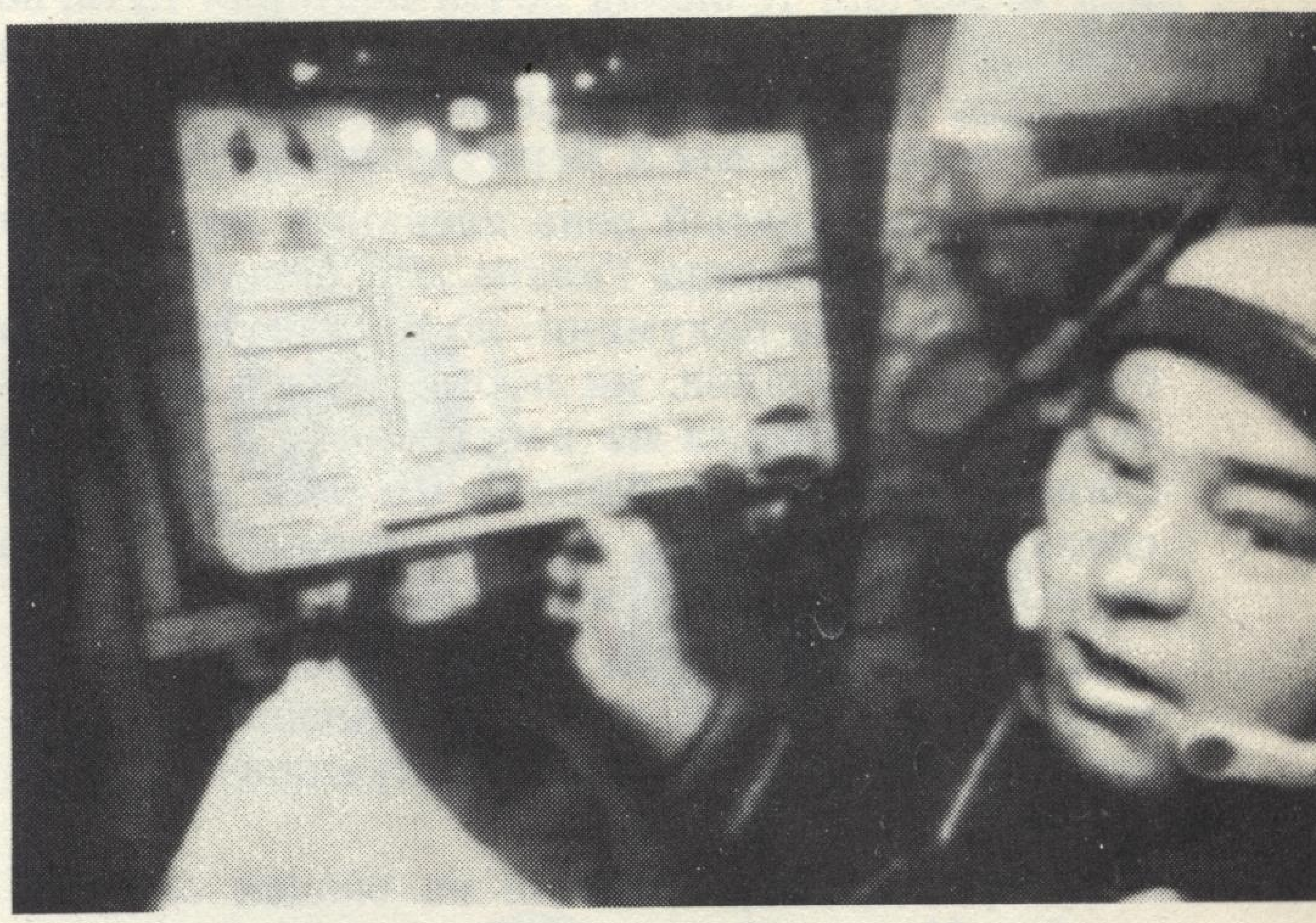
— Да, хочу лететь... Думаю, что ждать осталось несколько месяцев... И с венгром, и с болгарином, и с товарищами из ГДР и ЧССР, из всех социалистических стран, участвующих в программе «Интеркосмос». Я и в прошлом полете считал себя представителем науки всех социалистических стран.

Те работы, которые проводятся на борту «Салюта-6» по программе «Интеркосмос», имеют особое значение: вот уже более десяти лет ученые и специалисты социалистических стран сообща работают над многими проблемами мирного использования космического пространства.

На борту «Салюта-6» осуществлен новый этап программы «Интеркосмос». И это общее достижение стран социалистического содружества, новая ступень в благородной задаче исследования космического пространства, которое начала родина Великого Октября.



Грузовой корабль «Прогресс» причаливает к орбитальному комплексу. Он привез космонавтам необходимое для работы и жизни, в том числе топливо.



Георгий Гречко у пульта управления системой заправки станции топливом, доставленным «космическим грузовиком».

Международный экипаж обедает.

Юрий ПОГОСОВ,
главный редактор русского издания журнала «Куба»

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТОЛИЦЕ ФЕСТИВАЛЯ

Первый раз в своей жизни я приехал в Гавану морем — на теплоходе «Грузия». Мы плыли из Одессы через проливы Босфор и Дарданеллы; через Средиземное море вышли в Атлантику. Наш теплоход почти повторял путь, по которому в 1492 году каравеллы Христофора Колумба шли на поиски Нового Света. Благополучно пересекли мы и Бермудский треугольник.

На девятнадцатый день плавания перед нами предстала красавица Гавана. До берега оставалось не больше полумили, но мы не увидели ни бухты, ни причалов, ни порта. Перед нами высились только дома на набережной, а слева на скалах — старинная башня. Но вот «Грузия» сделала «лево руля», и перед нами медленно открылось «горло» — вход в бухту.

А теперь продолжим путешествие уже по макету, который нарисовал наш художник на страницах 28—29. На соседней странице мы объясняем, как его склеить.

Теперь посмотри: башня на скалах слева — это Эль-Морро. Так по-испански называются высокие скалы, выступающие в море. На них в старину возводили укрепления. Здесь в 1630 году испанцами была построена крепость Лос-трес-Рейес (Три короля). Она не раз защищала гаванцев от вражеских нападений, а сейчас крепость и башня-маяк — исторические памятники. Если мы поднимемся на маяк, перед нами раскинется Гаванская бухта, похожая на гигантскую морскую звезду. Каждый ее луч — это бухточки-карманы. Испанские хроники прошлых веков уверяли, что в этих бухтах может встать на якорь сразу тысяча кораблей...

Чтобы быстрее попасть в город, мы сели у подножия маяка в автомобиль и поехали... под воду, в тоннель, проложенный под морским дном. Не прошло и двух минут, как мы оказались на противоположной стороне бухты, на семикилометровой набережной Малеконе. В честь XI Всемирного фестиваля она переименована в Набережную Молодежи. По ней скоро пройдут праздничные колонны участников Фестиваля.

На макете вся набережная перед тобой. Неподалеку от выхода из тоннеля возвышается здание с куполообразной башенкой. Это бывший дворец кубинских президентов. После победы Революции 1959 года в этом здании находится Музей Революции. Рядом с ним — огромное здание с крышей, напоминающей церковный купол. Там заседал парламент буржуазной Кубы. Здание назвали Капитолием, потому что бывший президент Мачадо в угоду Соединенным Штатам построил его как две капли воды похожим на вашингтонский Капитолий.

Теперь в гаванском Капитолии — Академия наук, там разместился музей естественных наук.

Если мы поедем по набережной на запад, то увидим еще много красивых зданий. Дом с двумя башенками — гостиница «Насьональ». За ней высится самый высокий жилой дом на Кубе, похожий на раскрытую книгу. Левее — самая большая кубинская гостиница «Абана Либре» («Свободная Гавана»).

Вдали вы видите семидесятиметровую мраморную башню. У ее подножия — памятник национальному герою, вождю и вдохновителю революционного движения, великому поэту Кубы Хосе Марти, чье имя носит пионерская организация Кубы. Высокое здание за монументом — Центральный Комитет Коммунистической партии и Совет Министров Кубы. Здание и памятник находятся в центре гигантской Площади Революции имени Хосе Марти. На этой площади в дни национальных праздников собирается более миллиона кубинских трудящихся. 5 августа здесь состоится торжественное закрытие Гаванского фестиваля.

В конце набережной вы видите гостиницу «Абана Ривьера». Рядом с ней сооружен Фонтан Молодежи. Он построен в канун Фестиваля и останется в столице острова Свободы памятником празднику молодежи всего мира.

Вот и закончилось наше короткое путешествие по главному городу революционной Кубы. На нашем макете, конечно, не уместились все достопримечательности Гаваны. И все-таки он поможет тебе и твоим друзьям представить себе этот прекрасный, наполненный солнцем город. Мы будем рады, если ты сохранишь этот макет как память об XI Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Это эмблема
XI Всемирного фестиваля
молодежи и студентов.
Девиз его:
«За антиимпериалистическую солидарность,
мир и дружбу!»

Ребята!
Наверное,
каждому из вас хочется получить
сувенир на память
об XI Всемирном фестивале
молодежи и студентов.
Такой сувенир
мы для вас подготовили.
Макет Гаваны напомнит вам
о молодежном празднике,
украсит ваш отрядный уголок,
клуб интернациональной дружбы,
пионерскую комнату.
Чтобы склеить макет,
вырежьте силуэты зданий,
изображенных
на странице 29,
загнув клапаны,
наклейте силуэты
на страницу 28.
Куда наклеивать,
указывают цифры.
А еще наш художник
нарисовал для вас эмблемы
всех Всемирных фестивалей.

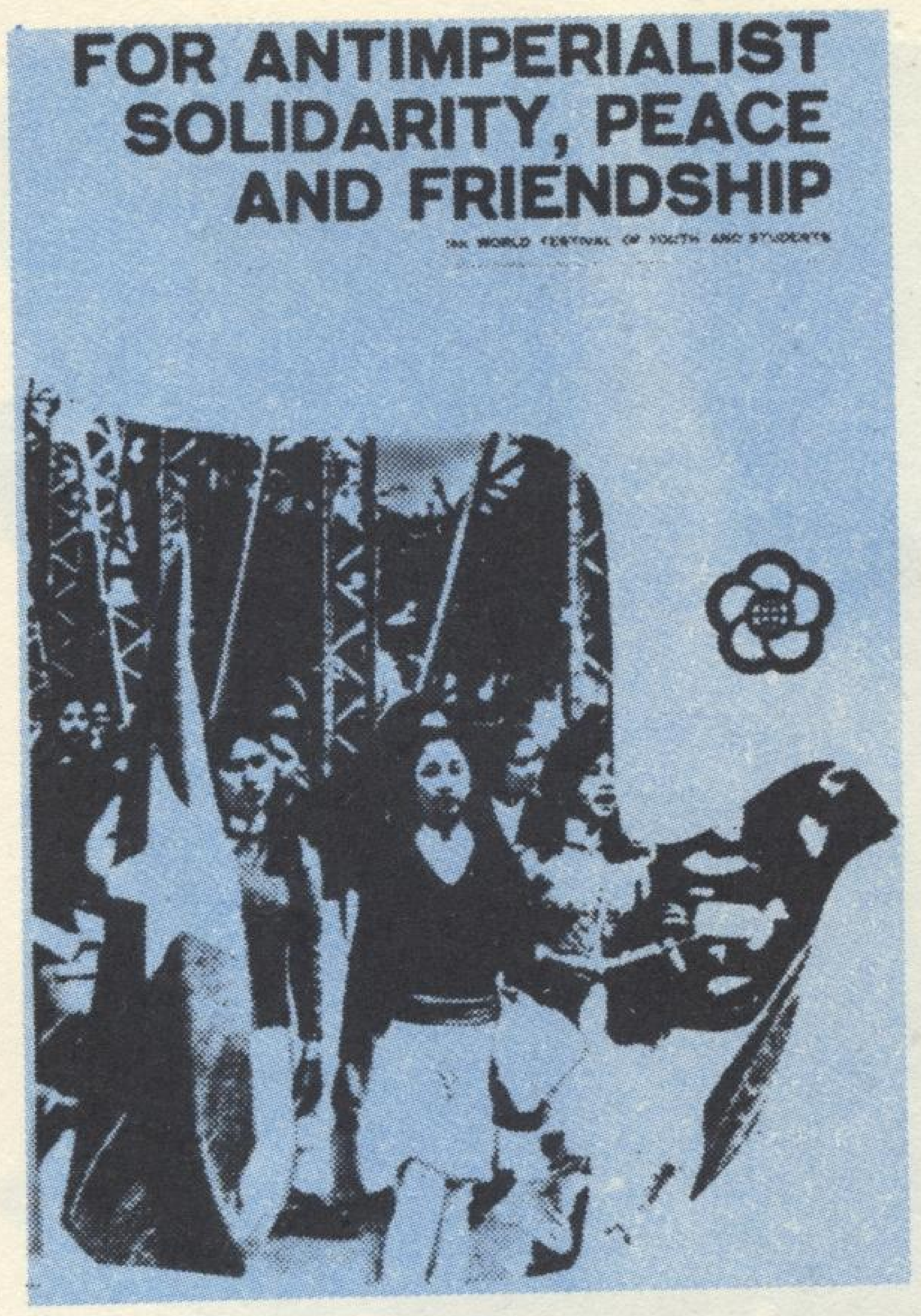
4
3
9
8
13
12
5
7
2
6
1
11
10
14

1
2
3
habana libre
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

Эти страницы можно
и не вырезать из журнала.
Перерисуй на плотную бумагу
макет и силуэты зданий,
вырежь их и наклей на лист бумаги.

Рисунки С. АРИСТОКЕСОВОЙ

ПОЧТА ДРУЖБЫ



Фестивальный плакат Всемирной федерации демократической молодежи.

«Все фестивали служили делу мира. Мы тоже ненавидим войну. Я и все ребята нашего отряда подписали протест против производства нейтронной бомбы».

Света Томашова,
г. Свердловск

«Я верю, что наше поколение добьется прочного мира на земле и счастья для всех людей. А еще мы будем беречь природу, животных и растения нашей планеты».

Гуля Карачунская,
г. Уфа

«Вот уже одиннадцатый раз собирается молодежь мира на Всемирные фестивали. Пусть молодое поколение всегда будет верно дружбе старших, сражавшихся с фашизмом».

Ира Иванова,
г. Спасск-Дальний,
Приморский край

«Ребята всей планеты!
Пусть 1979 год, Международный год ребенка, станет годом мира на земле!»

6 «а» класс, школа № 21,
г. Ровно, УССР

«Над Гаваной голубь мира кружит,
Песни фестивальные звучат.
Пусть ребята еще крепче дружат,
Пусть о мире и о солнце говорят!»

Костя Шубин,
колхоз имени XXV съезда КПСС,
Ташкентская область

«Меня зовут Юля. Я живу в Советской стране и ношу на груди красный галстук. Я знаю, что не во всех странах живется людям свободно и счастливо. Мы, советские пионеры, поддерживаем борьбу народов с угнетателями. Я и мои друзья требуем:
Свободу узникам чилийской хунты!
Мир народам Палестины!
Расисты, вон из Южной Африки!»

Юля Галаузова,
г. Свердловск

«Хочу, чтобы все дети на всей земле могли учиться и выбирать потом себе занятие по душе. Чтобы добиться этого, мы должны крепко дружить и помогать зарубежным ребятам в трудный для них час».

Ира Благина,
с. Шатрово,
Курганская область

«Мой друг из ГДР Михаэль Грайм написал мне, что он и его друзья выступают за мир, против гонки вооружений. Ребята-тельмановцы хорошо подготовились к фестивалю и послали на Кубу подарки, сделанные своими руками».

Ян Токарев,
г. Элиста, Калмыцкая АССР

Плакат пионеров-пятиклассников из села Бортничи, Борисоглебского района, Киевской области.

Станислав РОМАНОВСКИЙ

СИНЯЯ МОЛНИЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки В. ДУДКИНА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рысь

Остаток дня ребята готовились к походу в пещеру.

Они размотали клубок дратвы, натянули ее между колышками, и Герц шагами измерил длину нитки — сто тридцать семь шагов.

Толя приколотил к палке пустую консервную банку, набил ее пеплом из рыбацкого кострища, замешанным на жидком топливе.

— И будет гореть? — недоверчиво спросил Герц.

— А как же! До-ооолго будет!..

В тальниках у пещеры ребята спрятали клубок дратвы, факел, колышки и договорились, что в пещеру пойдут завтра с утра.

Мимо, пошатываясь от усталости и от тяжести полной, с верхом корзины груздей, прошел Митрофан Сергеевич.

С хозяйским видом, отчего у Толи сжалось сердце, он по мосткам поднялся на баржу. Так по-хозяйски на баржу «Иволга» приходил один человек в мире — Толин отец.

Но это было давно, и было ли это?

Потом стало слышно, как шаги Митрофана Сергеевича загремели по железу — не такие, как у отца, почаще, посуетливее. И Толе идти на баржу расхотелось.

— Мальчики-иии! — позвала мать с баржи. — Ужина-ааать!

— Иде-еeeм! — истово отозвался Толя и охрип на последнем слоге, на что Герц сдержанно улыбнулся.

Толина мать стояла у плиты, раскрасневшаяся, с закатанными выше локтя рукавами, и ножом переворачивала золотистые пирожки на черном противне, отчего шипело и брызгалось сало.

Рядом сидели Даша и Митрофан Сергеевич, прямой и торжественный, и мокрые волосы его — видно, только что умылся — были расчесаны на пробор.

— Мария Николаевна, — гость показал на букет в стакане с водой и спросил: — что-то я не припомню, как эти цветы называются?

— Георгины.

На большом блюде хозяйка подала горячие, огненные пирожки, поставила блюдо посреди стола и встрепенулась:

— Семьдесят третий на заправку идет. Вы ешьте, пока горячие, меня не ждите. А я побежала!

Обжигаясь, ребята ели пышущие жаром пироги с грибами. И были эти пироги вкусными необыкновенно, и Толя вспомнил, что такие пироги он едал только во времена отца. А после матери было не до них.

С некоторым беспокойством Толя думал:

«Наемся я или нет? Сколько ем и все не наедаюсь. Так-то можно и гостей оставить без ужина. Правда, Герц и Даша тоже стараются, а вот Митрофан Сергеевич — так и не попробовал ни одного...».

— Хозяйку жду, — грустно объяснил Митрофан Сергеевич в ответ на молчаливый Толин вопрос. — Некультурно есть без хозяйки.

Вошла Толина мама, села за стол и сказала:

— Семьдесят третий накормили. Теперь наша очередь.

Митрофан Сергеевич жевал с закрытым ртом и очень медленно, будто есть ему вовсе не хотелось.

Потом он спросил:

— Мария Николаевна, эти цветы вы сами сорвали или вам их подарили?

— Левон подарил. Армянин, капитан «Метеора».

Митрофан Сергеевич задумался и печально спросил:

— И часто вам дарят цветы, Мария Николаевна?

— Свежие цветы у меня не переводятся. Только начнут вянуть — глядишь, новые привезут. Дарителей здесь хватает!

— Непрактичный народ,— рассудил Митрофан Сергеевич.— Непрактичный народ эти дарители! Дарят, дарят, а что получается? Сено! Сохнут цветы. Зачем тогда надо было срывать? Я вам, Мария Николаевна, подарю розы. Раз и навсегда. Из пенопласта. Красные, большие. Во-оот какие! У нас в Сарапуле их в магазине продают. Я их для запаха одеколоном или духами обрызгаю.

— А вы ешьте, Митрофан Сергеевич,— тихо попросила мать и лицом дотронулась до георгинов в стакане.

— А вы?

— За мной дело не станет. Я хозяйка. А хозяйка сыта, когда гости сыты.

— Мы хорошо едим! — объявила Даша.

Круглое лицо ее лоснилось от жира, глазенки бедово блестели.

Мать погладила ее по голове, и Толе захотелось, чтобы мать погладила и его. Он понимал, что растет, и что с некоторых пор мать перестала ласкать его и все внимание отдает Даше, и что в четвертом классе учиться будет труднее, чем в третьем, а в пятом труднее, чем в четвертом, и что он мальчуган, мужчина, а Даша — девочка, малютка. Он все это понимал, и все-таки как славно было бы, если бы мать сейчас вот догадалась дотронуться до него рукой.

— Какая же ты гостья! — засмеялась мать, поцеловала Дашу в макушку и спросила: — Когда это ты вся в пирогах перемазалась?

— У нее глаза не сыты,— проворчал Толя.— Наелась — вылезай из-за стола.

— Тебя как зовут? — спросил Митрофан Сергеевич девочку.

Она прижалась к нему головой и раздельно ответила:

— Да-ша!

— А не Даса?

— Да-ша.

— Как она быстро к вам привыкла! — удивилась мать.

— Меня дети любят,— обрадовался печник.— Любят они меня, Мария Николаевна! Печкой, что ли, от меня всю жизнь пахнет? А печка — она теплая, добрая. Устал — погрейся, отдохни. Мне бы образование, я бы...

Митрофан Сергеевич сильно разволновался и замолчал. В тишине стало слышно, как рядом, на берегу, кто-то отрывисто лакает воду. Все посмотрели на распахнутый иллюминатор, в котором дрожали звезды, и, переглянувшись, замерли.

Мать приложила палец к губам и встала. Вслед за ней встали остальные, неслышно вышли на палубу и попали в темноту под крупные влажные звезды, что отражались в Каме.

Толя услышал, как Герц взял ружье, прислоненное к рюкзаку у двери в кухню.

Толя жалобно шепнул:

— По собаке не стреляй...

Стараясь не греметь железом, все прошли на прибрежный борт. Мать включила прожектор, и его свет вырвал из темноты стену песчаника, прошелся по кустам тальника, по песчаной, в белых камушках, полосе берега, заплясал в коричневой воде...

И внезапно, всю как есть, от лап до кисточек на ушах, высветил припавшую к Каме рысь. Рысь оторвалась от воды, оскалилась на огненное око прожектора, и на широкой, в пушистых английских бакенбардах физиономии ее загорелись и медленно погасли круглые кошачьи глаза.

Герц поднял ружье, зажмурился... Это Толя помнил отчетливо, и, похолодев от ожидания грохота, мальчуган не мог понять, почему перед стрельбой стрелок зажмурился? Так не бывает!..

Из обоих стволов с громом плеснуло пламя около прожекторного луча, озарило Каму и берег. У рысиной морды взметнулся фонтан воды. На берегу поднялся столб песка и опал.

Рысь метнулась туда-сюда и растворилась в темноте, будто дикой кошки здесь никогда и не было.

И вместе с рысью справа в кустах метнулась тень человека! И от этого одновременного движения животного и человека, невесть какого, Толе стало страшно. Кто он? Почему он здесь? И какая связь между ним и рысью?

Долго, как рукой, мать шарила лучом прожектора по берегу. Все было тихо, и роса бело блистала на листьях.

— Я попал! — торжествующе кричал Герц.— Я слышал, как она зарычала! Я сам слышал!

И постепенно Толе стало казаться, что никакого человека на берегу не было. Как он мог очутиться там рядом с хищником среди ночи? Мало ли что чудится в темноте?

А мать все шарила и шарила прожекторным лучом в ночи, и, спасаясь от света, разбегались угластые тени.

Спать легли в каюте, где вдоль стен были привинчены к полу две морские койки. На одной улеглись Митрофан Сергеевич и Герц, а на другой мать, Даша и Толя. В каюте было тепло и тихо, свет погашен, и Толя стал задремывать, когда услышал задумчивый шепот печника:

— Качает, как ребенка в зыбке...

...Толя проснулся оттого, что солнце смотрело в иллюминаторы каюты. Матери рядом не было: судя по недалекому шуму мотора, поила горючим «Метеор» или «Ракету». Митрофан Сергеевич и Герц спали. Спала и Даша — не вдоль, а поперек смятой постели, разметавшись, сбросив одеяло, оттеснив брата к самому краешку кровати.

— Как это я на пол-то не упал? — удивился Толя. Прикрыл сестренку одеялом, послушал ее дыхание, и в гортани у него защипало от прихлынувшей нежности.

«— Такая маленькая, а всю кровать заняла! — подумал он.— Троим было не тесно, а ей одной тесно...»

Ежась от сырого воздуха, который широко шел в каюту, мальчуган выглянул в открытый иллюминатор. Солнце вставало из-за левого берега Камы, из золотых трав, стогов и озер. Ды-

мясь в туманах, оно клубилось переливчатым заспанным огнем, и огонь этот обещал обогреть всю землю, которая видна солнцу.

Туманный свет его из левобережных лугов доставал до обрывистого правого берега, под которым стояла баржа «Иволга», горел на бронзовых стволах сосен, стекал по отвесному, розоватому поутру песчанику. Крутости были светлы и нежны, а из смешанного леса над ними тянуло резкой грибной сыростью, и мальчик сразу до головокружения захотел есть.

По мосткам Толя спустился на берег, чтобы осмотреть место, где ночью рысь пила воду, найти, куда ударилась дробь, и в мокрых кустах на уровне глаз увидел серо-серебряную, как сотворенную из росы утреннюю птицу. Он не знал ее по имени, но знал по облику, возможно, и она знала Толю, так как, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, с любопытством разглядывала его.

Толя замер на студеном песке, чтобы не вспугнуть птицу и дождаться, когда она запоет. Песок жег босые пятки, Толя поджал ногу и, словно цапля, стоял на одной ноге.

Эта поза чрезвычайно заинтересовала птицу, и она вся подалась вперед, разглядывая мальчугана.

— Пой, — попросил Толя. — Чего же ты не поешь?

И переменил положение ног. Теперь он стоял на той ноге, которую только что, согревая, держал на весу, и протяжно и негромко присвистнул, побуждая птицу петь.

Она робко ответила ему. И в ответе услышался вопрос: «Может быть, ты умеешь не только свистеть и стоять на одной ноге, словно цапля или журавль? Может быть, ты и летать умеешь? А если так, то полетели».

Толя не успел ответить; громко зевая и пошатываясь после сна, подошел Герц, и, оборвав разговор на полуслове, птица, сотворенная из росы, улетела.

Наспанным, опухшим лицом Герц доверчиво ткнулся в плечо Толи и спросил:

— Ты чего?..

— Я смотрю, куда твоя дробь попала.

Герц проснулся окончательно и, нагибаясь, прошелся по берегу. За ночь волна разровняла прибрежный песок.

На сером камушке Толя обнаружил белую отметину — след дробины. Нашлась и сама дробина — кусочек расплющенного свинца.

Подбрасывая дробину на ладони, Герц сказал:

— Стрелять я умею. Я по цели бью, а не палю в белый свет, как в копеечку.

Толя набрался храбрости и спросил:

— А чего ты, когда стрелял, оба глаза зажмурил?

— Я?!

— Ты...

На песке ребята заметили округлый рысиный след и капли крови, закатанные в песчаную пыль.

— А это что? — озираясь, говорил Герц. — Попал я или нет?

— Попал...

И Толе захотелось сказать Герцу: «Зачем ты стрелял-то? Нам учительница рассказывала, что и рысь в природе не лишняя...»

Но он не сказал — не решился.

Облитые росой кусты блистали; курилась Кама розовым паром; по барже, гремя железом, ходила Толина мама; тень от нее двигалась и доставала до этого берега.

— Рыси ты не бойся, — бодро говорил Герц. — Она теперь к барже близко не подойдет. Если жива, конечно... Я читал у Хемингуэя про охоту на африканских хищников. И вот — пожалуйста! — сам стал охотником. Единоборство с рысью...

— Герц, — перебил Толя. — У тебя щека распухла...

— На правом боку спал, вот она и распухла...

— ...И синяк под правым глазом.

— Это я ружье неплотно прижал, когда стрелял, — признался Герц. — Вот меня по скуле и стукнуло. А потом пальнул сразу из двух стволов — это моя ошибка. Как еще меня с ног

не снесло, не знаю! Устоял! — он хлопнул себя кулаком по жирной груди.— Крепкий мужик!

Ребята прибрели к снаряжению, спрятанному в кустах для похода в пещеру.

— Полезем? — спросил Толя.

Герц зевнул и спросил, в свою очередь:

— Прямо сейчас?..

— А когда же?

Толе очень хотелось есть, но он прикинул: пока мать освободится и приготовит завтрак для гостей,— а в таких случаях, она готовит его основательно, с выдумкой, чтобы угодить гостям,— они с Герцем успеют побывать в пещере, пройти сто тридцать семь шагов вдоль шнура и вернуться. Да еще придется дожидаться завтрака.

— А спички есть? — спросил Герц.

— Вот спичек,— Толя охлопал себя по карманам,— спичек с собой нет...

— Я сейчас.

Герц прошел на баржу и нескоро вернулся с куском холодного пирога.

— Мария Николаевна угостила,— сказал он.— Спрашивала, куда мы и надолго ли? Я сказал: «По берегу побродим, а когда придем, не знаю». Просила не задерживаться.

Ребята сели у правого входа в пещеру и, по-братски поделив пирог, съели его.

Солнце набирало силу. Кама, просторная и сильная, несла, пришептывая, недалеко от ребят воды свои и шум катеров и теплоходов. Была она синяя, как озеро посреди лугов, и Толе, что, согревая, обхватил пальцами босые ступни, расхотелось уходить от нее — от Камы-Камушки.

Такой она запомнилась мальчугану еще тогда при отце. Когда был рядом отец, дни, наверное, были всякие. Но сейчас Толе думалось, что при отце они всегда были ясные, а Кама, синяя и доверчивая, приглашала посидеть на берегу, послушать ее и, конечно же, искупаться.

У входа в пещеру, под закопченным сводом Герц камнем вколотил колышек в землю, крепко-накрепко привязал к нему конец нити, щелкал выключателем фонарика и позвал Толю:

— Полезли.

Он опустился на корточки и, побледнев, лицом к Толе стал сползать в пещеру. Скоро его не стало видно. Где-то там, в глубокой глубине слабый, как красное крыло бабочки, вспыхнул огонь фонарика, и донесся издалека, как из колодца, испуганный и глухой голос Герца:

— Толя-яяя!

Толе стало жалко товарища, и он проворно на животе скользнул под уклон по рассыпчатому песчанику и очутился в прохладной густой темноте. Наверху белым полумесяцем, спинкой вверх, угадывался вход в пещеру.

— Герц, где ты? — крикнул он и не узнал своего голоса.

— Я здесь... Дратву не порви... Фонарик видишь?

Свет фонарика был на удивление тусклым, еле уловимым. Темнота обступила его густо, облепила, как мошкара, и Толя с надеждой спросил:

— А сильнее он светить не может?

— Сильнее нет.

— Почему же он такой?

— Я за дратву держусь,— сердито сказал Герц.— А ты фонариком свети. Впереди меня пойдешь. Ты бывал здесь, а я не бывал.

Толя не сразу нащупал в темноте тяжелый, как пистолет, металлический цилиндр фонарика. Свет его круглился в руке мальчугана маленькой зябкой туманностью.

Держась за шнур, шаг по шагу ребята двинулись вдоль подземной стены, которая при близком — в упор — свете фонарика кристаллически поблескивала. Отовсюду, куда ни повернись, пещера дышала устоявшимся холодом, и был он неколебим, как вода в лесном озере.

— Ааа! — позади Толи вскрикнул Герц.

— Ты чего?..

— В спину... кто-то тычется.

— Это летучие мыши,— успокоил Толя.— На тебе белая рубаха, вот они на нее и садятся. Они не кусаются.

— Знаю,— пробормотал Герц.— А на тебя они не садятся?

— Всяко бывает. Вот сейчас в лопатку кольнуло. Не больно.

— Я не говорю, что больно.

— Герц,— спросил Толя,— скажи по честному: когда вчера ты из пещеры выскочил, это тебя летучие мыши напугали?

Ответить Герц не успел. Впереди с эхом посыпались камни и замерли. Замерли и мальчики. Тише тихого Герц попросил:

— Анатолий, ты громко не разговаривай, а то будет обвал...

— От голоса?

— От голоса. От сотрясения воздуха...

— У меня голос-то негромкий.

— Все равно давай шепотом. Мы девяносто шагов прошли. Еще сорок семь шагов — и обратно.

Толе отчего-то стало жутковато, и он прошептал:

— Давай сейчас повернем!

После некоторого молчания Герц ответил:

— Рано еще. Не трусь!

Толя шел впереди товарища.

Фонарик он держал в опущенной руке, чтобы видеть пол пещеры и не сбить босые ступни. Всем своим существом мальчуган слышал, как сужается подземный ход, по которому они пробираются.

— Почему он сужается? — подумал Толя. — Куда он ведет?

Свободной от фонаря рукой он дотронулся до шероховатой стены и тут же отдернул руку. Он увидел, как перед ним совсем близко налились желтым светом и погасли два круглых кошачьих глаза.

Прежде чем перепугаться насмерть и убежать, мальчуган поднял фонарик, и его маленькая туманность высветила красновато-бурую мохнатую кошку великанских размеров со смешными кисточками на ушах и пушистыми английскими бакенбардами на широкой физиономии. Не мигая, кошка смотрела на свет фонарика и, урча и облизываясь, вжималась в неровную стенку песчаника, которой заканчивался этот подземный ход.

Пока туманность фонарика касалась кошки, Толя успел заметить, что кошка не занята едой, не завтракает, а зализывает рану на мохнатой передней лапе, где жирным сгустком чернела кровь, языком укладывает волосок к волоску и урчит. И урчание ее не злое, а предупреждающее и даже жалобное: не подходите, мол, ко мне, я раненая.

Рысь как бы говорила всем своим видом и поведением: «Зачем вы ко мне пришли? Там, на земле, когда я пила воду, вы ослепили меня прожектором и выстрелили в меня. Что я вам сделала? Зачем вы, люди, всю жизнь преследуете меня? У меня были дети. Я любила их больше себя. Кормила молоком, а потом перепелами, куропатками и тетеревами. Люди убили моих детей. Разве дети мои виноваты в том, что им надо питаться мясом? Что вам еще от меня надо? Как я буду ходить на трех лапах? Как теперь я буду охотиться?..»

Жалобное это урчание на недолго пригасило страх в душе мальчугана, и, толком не понимая, что он делает, Толя повел фонарем по всему тупику, в котором схоронилась рысь.

Здоровой передней лапой рысь отмахивалась от света фонарика, будто играя, ловила его, как мячик, и вдруг, вскинув шерстистую крупную морду, зарычала тоскливо и яростно. И в красной, как кровь, пасти ее обнажились белые клыки...

Толя попятился в темноту, запнулся о камень, упал, поднялся и под неистовый рев животного побежал обратно. Он бежал, не разбирая дороги, натыкаясь на стены, утыкаясь в неглубокие, не глубже метра, тупички. Так он бежал долго, пока не вспомнил про фонарик.

Не потерял ли он его? Нет, не потерял. Вот он — при нем. Только светить стал слабее.

А потом мальчуган вспомнил про Герца...

Где он? Как Толя мог забыть про товарища? У него, у Толи, как-никак фонарик в руке, который рысь могла принять за оружие, а у бедного толстого Герца ничего нет, кроме дратвы.

— Герц! — крикнул Толя. С перепугу получилось тихо, и он сам не услышал себя. — Герц...

— Я здесь... Вот я...

Толя водил фонариком по лицу, по животу, по ногам Герца, а тот, моргая, рассказывал:

— Я от рыси сразу убежал. А чего? Ждать, когда она съест нас с тобой? И ты, по-моему, сразу убежал?

— Я маленько задержался...

— Почему? — с укором спросил Герц.

— Потому...

Толя не мог выразить словесно, почему он задержался около рыси, и молчал, а Герц тем временем осуждал товарища:

— Небось храбрость свою хотел показать? Ты что — не испугался что ли?

— Я после испугался! — ответил Толя. — Она раненая лежала. Лапа у нее в крови. Она лапу лизала...

— Послушай! — загорелся Герц. — Она в тупике лежит?

— В тупике...

— Побежали за ружьем! Отца позовем и убьем ее! Такой мех любую квартиру украсит.

Под ногами у Толи сначала медленно, а потом все быстрее поползли камушки, а он вместе с ними поплыл, покатился, а потом и помчался куда-то вниз в тьму-тьмущую.

Мальчуган старался не выпускать из рук фонарик, чей свет белел, как большой одуванчик.

С налета Толя больно ударился о стену и упал на спину. Мимо него, подпрыгивая и щелкая, неслись невидимые в темноте камушки. Не успев как следует испугаться, он представил себе, что это пули щелкают вокруг и высекают искры и что по непонятному везению ни одна пуля не задела его.

На всякий случай мальчуган прикрыл голову обеими руками.

Рядом в стену ткнулся кто-то грузный и сопящий, Толя не сразу сообразил, что это Герц.

Они лежали в темноте до тех пор, пока осыпь не успокоилась и камни не перестали прыгать вокруг.

Ребята встали. Долго пробирались они вдоль нити. Герц попросил:

— Посвети-ка. Я, кажется, посадил на голову бо-ооольшую шишку...

— Сейчас.

Фонарик в руке мальчугана мигнул несколько раз и потух.

Толя пощелкал выключателем — свет не зажигался.

— Ты смотри, не сломай мой фонарик, — проворчал Герц.

И голос его странно раскатился в темноте,

так бывает, когда кругом много свободного подземного пространства.

— Батареи сели, — виновато сказал Толя.

— Не может быть, — не поверил Герц. — Дай-ка сюда! Фонарик импортный, безотказный, действительно сели... Что делать, бывает, и в космосе приборы отказывают...

Не с первого раза он зажег спичку, поднес к факелу...

— Лицо береги! — едва успел крикнуть Толя, как на краях консервной банки заплясало пламя — неожиданно яркое и тихое — и осветило просторный подземный зал с куполообразным, как маленькое небо, потолком, мерцающим несильными искрами, будто посыпанным солью.

Герц опустил факел. Не успели дети опомниться, как от его прикосновения загорелась нить и огонь побежал по ней, юркнул во тьму и пропал.

— Ничего бесследно не исчезает, — ученым голосом объявил Герц. — На полу должна быть копоть от сгоревшей дратвы.

Ребята несколько раз обошли подземный зал. Из него вели три хода — три овальных проема в рост человека, и ни в одном из них не было следов сгоревшей дратвы.

Герц считал, что возвращаться надо по правому проему, Толя — по левому. Потом Герц заколебался, стал говорить, что лучше возвращаться по среднему проему — надежнее.

И внезапно заплакал.

Плакал он не как все, по-особенному: всхлипывал и улыбался, всхлипывал и улыбался, и улыбка его наводила Толю на мысль о том, что товарищ плачет не по правде, а понарошку... Испытывает товарищ младшего!

— Да! — рыдал Герц. — Ты еще маленький, потому и не боишься безвестной гибели... И вообще никакой гибели ты не боишься!.. А я большой, и все понимаю... Как я хотел бы быть маленьким...

Так и не решив, взаправдашные это слезы или нарошные, Толя взял из рук Герца факел и обошел подземелье.

Посреди зала он обнаружил возвышение — круглый стол, сложенный из тесаного камня. Похоже было, что вокруг него собирались люди: держать совет, молиться или трапезничать. Возвышение было в копоти и потеках воска.

Около этого камня-стола Толя нашел заржавленный нож.

— Булатный нож, — сказал Толя, показывая его товарищу.

Герц перестал реветь, осмотрел находку и проворчал:

— Ну да, булатный... На ручке цена выбита: рубль двадцать копеек...

Нож действительно был столовый.

— Ничего, — сказал Герц. — Какое ни на есть, а оружие...

Он высморкался, вытер слезы, зажал нож в руке и с некоторым вызовом сказал Толе:

— Со мной не пропадешь!

— Я знаю...

— Это я ранил рысь!

— Я знаю...

— Направо идти — коня потерять. Налево идти — женатым быть... А прямо идти... Я не помню, что будет, если прямо?..

— Коня у меня нет, — улыбнулся Герц. — Жениться не хочу. Пойдем тогда средним ходом?

— Пойдем!

...Туманность высветила красновато-бурую мохнатую кошку великанских размеров.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Подземное озеро

Ребята взялись за руки — рука у Герца была влажная и холодная — и пошли.

Иногда в стенах хода, то слева, то справа, чернели отнорки, и было соблазнительно обследовать, куда они ведут. А вдруг к выходу?

Толя, что нес факел, не пропускал ни одного отнорка, каким бы малым тот ни был: выпускал руку Герца, бесстрашно лез в отнорок, светил факелом, убеждался, что перед ним не выход на свободу, а короткий тупичок, и возвращался к товарищу.

У Толи от голода кружилась голова, и ему думалось, неплохо было бы лечь, свернуться калачиком и забыться обморочным сном, а там видно будет.

Об этом своем желании он не сказывал товарищу, который покорно, как коровушка на веревочке, брел за ним и говорил ленивым голосом:

— Так ты что же, есть не хочешь? Железный ты человек...

«Как хорошо бы сейчас похлебать горячего! — думал Толя. — Разносолов никаких не надо, суп из сыроежек».

Из сыроежек — синеватых, красноватых, ломких — любимый суп Толиного отца. Вкуснее такого супа Толя, пожалуй, ничего не едал за свою жизнь, за свои неполных одиннадцать лет. Похлебать бы его вволю, с толстыми ломтями хлеба. Отец, когда с ними жил, всегда хлеб резал толсто. «С тонких ломтей много не наработаешь», — говорил он.

Эти отцовские слова Толя, по-видимому, произнес вслух, потому что Герц, трудно ворочая языком, спросил:

— С каких тонких ломтей?

Ответа Герц дожидаться не стал — сел на пол пещеры.

— Я дальше не пойду, — пробормотал он.

Толя опустился рядом, прислонил факел к стене и смотрел, как пламя лижет палевую стену песчаника, оседает на ней мохнатой копотью.

— Почему ты не пойдешь? — спросил он.

— Потому что умираю от голода. Я не ел трое суток...

— Сколько?

— Трое суток.

— Как? — удивился мальчуган. — Мы ж сегодня утром ели...

Толя вспомнил, как они с отцом ходили косить за Каму и как он, малолет, уставал после часа ходьбы и ложился в тени тальника. А отец говорил хитрым голосом:

— Вон до того озера дойдем и отдохнем...

А когда доходили до озера, то отец просил:

— Теперь вон до той ивы. Видишь, какая она красивая...

После ивы отец еще хитрее уговаривал сына:

— Теперь до той гривы. Там покос. Считай, пришли! Чего лениться-то?

Как было не послушать отца?

Сейчас в темноте подземелья Толя улыбнулся своим воспоминаниям и сказал:

— До поворота дойдем и отдохнем.

— До какого поворота?

— До того...

— А там есть поворот?

— Должен быть...

Подземный ход раздался ввысь и вширь, и Толя увидел под ногами гладкую, словно отлитую из черного стекла, плоскость, лежащую вровень с полом, он едва не наступил на нее, но вовремя отступил.

— Озеро!

Вода, не такая, как там, наверху, а неподвижная и твердая на вид, лоснилась в свете факела. В озеро упала искра и с коротким шипением погасла. Если бы не это шипение, то можно было бы подумать, что никакая это не вода, а некое загадочное вещество, отшлифованное и прочное, по которому можно ходить, как по льду.

Толя воткнул факел в землю и сел. Рядом тяжело опустился Герц и выдохнул:

— Пришли...

Толя потрогал воду рукой. Вода была не холодной, не ключевой, но и не теплой, пожалуй, такой, как в Каме. Мальчуган зачерпнул воду ладошками и попил. Потом еще, еще и еще.

Вода была пресной, сладковатой, и Толя пил ее с наслаждением.

А рядом, опустившись на четвереньки, прямо из озера пил Герц и никак не мог напиться.

— Герц, ты смотри, все озеро не выпей...

Герц, дрожа всем телом, поднял голову от воды и выдохнул:

— Хо-ооолодно!..

Эхо подхватило это слово.

Толя вытер губы и сказал:

— Колдунья растаяла, и вот оно — озеро...

Он поднес факел к воде, нагнулся, но дна подземного озера не увидел. Увидел только отвесные каменные стены — они отсвечивали зеленым светом.

И Толя вспомнил рассказ бабушки Ульяны про то, как мужики измеряли глубину озера: связывали шесть вожжей с гирей на конце и все равно не достали дна. Вспомнил он и о том, что озеро это соединено с Камой тайной протокой.

Мальчуган снова попробовал воду. Ему показалось, что сладковатая эта вода отдает Камой — особенным глинистым рыбным запахом бегучей камской воды. В неведомых придонных потемках он кое-как разглядел зыблющийся неширокий просвет — выход в реку!..

Что же это еще может быть? Ведь отец строго-настрого запрещал ему купаться в Каме напротив пещеры.

— Сынок, — спрашивал отец, — тебе жизнь дорога?

— Дорога...

— Так вот, не лезь в воду напротив пещеры. Там такие водовороты. Там вода входит в пе-

щеру и никто — ни один человек! — не знает, где она входит и где выходит. У меня садок с рыбой утянуло в воронку, и сколько ни искал — не нашел. А рыба-то какая была!

И Толя подумал:

«Наберу в легкие побольше воздуха и нырну в озеро. Увижу свет, значит, там Кама. Вон она проглядывает. А кто же еще?»

Мальчуган торопливо разделся, собрался, было, нырнуть, но раздумал: без тяжести глубоко в воду не уйдешь! Поднял с пола тяжелый серый камень, прижал его к груди и набрал в легкие воздуха.

— Ты куда?

Герц поймал его за локоть.

— Ты куда, Анатолий?

— Я-то?..

Толя слышал, как его сердце толкается в камень, прижатый к груди, и не знал, говорить товарищу правду или не надо. Ведь получается так, что он бросает Герца. А бросает ли? Нисколечко! Он вынырнет в Каме, позовет старших — Митрофана Сергеевича, мать, все объяснит им, и мать вызовет по радио водолаза, и тот спасет Герца. Или все они пойдут с факелами в пещеру и выведут на свет заплутавшегося товарища! А, может быть, Герц хорошо плавает, вместе нырять веселее...

— Герц, — спросил Толя, — ты нырять умеешь?

— Не умею, — ответил Герц. — И плавать не умею...

— Герц, ты не бойся...

— Чего?!.

— Я в озере увидел подземную протоку в Каму. Помнишь, про нее бабушка Ульяна говорила? Я сейчас нырну, вынырну в Каме, позову водолазов и они тебя спасут!

— А если утонешь?

— Не утону.

— Почему?

— Я хорошо плаваю.

— А если утонешь?

— Я Каму переплываю!

Герц молчал. Толю стало знобить. Герц с трудом выговорил:

— Мне будет... страшно ждать тебя.

— Чего страшного-то?

— Факел погаснет...

— Не погаснет!

— Почему?

— Я скоро вернусь за тобой.

Толя не сразу — с трех раз! — набрал в легкие воздуха, так что хрустнули ребра, крепко прижал камень к груди и вниз головой прыгнул в озеро.

И вода, неожиданно ледяная, сомкнулась над ним.

Он открыл глаза и в зеленых потемках увидел, беловатую стену подводного берега, уходящую вверх.

Толя почувствовал, как густеет, наливается тяжестью и давит на глаза, уши, затылок и легкие плотная водная гущина и в ней, пронизанной звоном, скользят какие-то тени.

Ему показалось: сейчас, пока не раздавила вода, самое время отпустить камень и подняться наверх. Сейчас, потом будет поздно!

Однако он не выпустил камень из рук, продолжал спускаться туда, где, по его расчетам, должен блеснуть просвет — прямой путь в Каму.

Он увидел или, вернее, угадал просвет справа и, одной рукой придерживая легкий в воде камень, другой стал грести к просвету, изо всех сил отталкиваясь ногами.

Надо попасть точно на протоку, не прогадать... Так нестерпимо хочется вдохнуть свежего воздуха...

Он плыл, и в ушах нарастал тонкий звон мотора... Мотора ли?

Если мотора, значит, Кама рядом, и где-то совсем близко проходит моторная лодка.

Вот он — просвет!

Свободной рукой Толя дотронулся до него...

Это был не просвет, а большой белый камень, неизвестно как оказавшийся на дне озера.

Толины пальцы прошлись по крутому слизистому лбу валуна, попытались задержаться на нем...

Красная темнота полоснула по глазам мальчугана, и он выпустил из рук камень, с которым нырял, и увидел, как далеко-далеко, высоко-высоко светится золотая кувшинка. Должно быть, это горел факел, который с тревогой держит над водой товарищ его — Герц!

Толя коснулся ногами белого валуна, изо всех сил оттолкнулся от него и медленно, как ему казалось, невероятно, фантастически, неправдоподобно медленно стал подниматься туда, к золотой кувшинке... Она мерцала в его сознании, гасла и мерцала опять.

Толя вынырнул на поверхность озера. Волосы закрыли его глаза, и он не увидел ни света факела, ни Герца и, жадно забирая воздух искаженным ртом, поплыл не к берегу, а от берега. Герц что-то закричал, но он услышал его не сразу: уши заложила вода. Когда она вылилась из одного уха, он различил голос товарища:

— Сюда плыви-иии!

Повернулся и сквозь спутанные мокрые волосы увидел золотую кувшинку. Факел!

Толя подплыл к берегу, ухватился за край его, но руки соскользнули, Герц подал ему руку и выволок из воды. Мальчуган очнулся на суше.

— Что ты там видел? — спрашивал Герц.

Толя не отвечал.

Голышом он сидел на берегу и никак не мог отдышаться.

— Есть там выход в Каму?

Толя помотал головой и хриплым шепотом ответил:

— Не нашел я его...

Он смотрел в озеро на то место, куда нырял. Оттуда в пляшущем свете факела из зеленой толщи поднимались пузырьки, похожие на крупные жемчужины. Прозрачные и переливчатые, как бы нанизанные на нить, они отливали млечным светом, увеличивались, приближались

к поверхности озера и беззвучно пропадали... Пузырьки все шли и шли один за другим, как бы колыхаясь на несуществующей паутине. Толя не сводил с них глаз и ожидал, что вслед за ним выплывет что-нибудь особенное. Или они сами отвердеют, станут жемчугом невиданной нежности.

Дрожа, он оделся, попрыгал на одной ноге, на другой, вытряхивая воду из ушей.

Постепенно все кругом наполнилось звуками: потрескиванием факела, словами Герца, эхом, еле слышным булькаsucceeded пузырьков, что все тянулись из зеленовато-темной глубины.

Радуясь тому, что он благополучно вернулся из бездонного озера, Толя взял факел из рук Герца и сказал спокойно:

— Пошли.

— Куда?

— Домой.

Шаг за шагом ребята двигались по самому краю черной чащи озера. Временами стены пещеры вплотную подступали к воде, и пробираться приходилось, прижимаясь к ним спиной, чтобы не свалиться в озеро.

— А водорослей там нет? — спрашивал за спиной Герц. — На дне...

— Там и дна-то нет!

— Так не бывает.

— Правильно говоришь: так не бывает! — похвалил товарища Толя. — Я камень уронил, и со дна целый час пузырьки шли...

— А когда я говорил неправильно? Что я, зря что ли восемь классов кончил...

— Не восемь, а семь.

— Правильно, — согласился Герц. — Семь. Но в восьмом я числюсь. Можно сказать учусь.

Стены отступили от озера. Идти стало свободней, и мальчики увидели, что здесь отмель: близко дно в камушках — белых, черных, сизых, даже голубых, как бы приглушенных неярким серым цветом.

Над камушками проплыла колыхающаяся тень, и ребята не сразу увидели, что тень эту отбрасывает будто бы прозрачная, а на самом деле черная рыба с золочеными, студенистыми глазами.

Она бесстрашно пропыла под самым пламенем факела, вернулась к берегу, потом опять проплыла под пламенем...

— Не боится! — восхищенно прошептал Толя, движимый одним желанием: поймать эту рыбу и зажарить на огне.

Но как ее изловить? Ни удочки, никакой другой снасти при ребятах не было. Оглушить камнем? Ее, такую громадину.

Толя сделал открытие, что рыб на отмели много — больших, темных сливающихся с водой и камнями рыб. Они были похожи на водоросли.

Рыбы грудились, теснились, терлись о камни, поднимали муть, и под рыбьими животами клубились и опадали желтые зерна — икринки, чтобы из них, как цыплята из яиц, со временем вылупились рыбьи детеныши.

И Толя подумал о том, что там, на воле, на Каме, на Белой, на озерах икромет кончился весной, а здесь он в самом разгаре.

Стало быть, это озеро не соединяется с Камой, если рыбы перепутали с весной исход лета!

И опять Толя прикинул, как бы поймать хотя бы одну из этих рыб, чтобы не умереть от голода...

Он приблизил факел к самой воде — рыбы не тронулись с места. Низко-низко пронес пламя над стаей — рыбы не разбежались. Они попрежнему терлись о камни, и была в их движениях задумчивая сосредоточенность.

Отсветы огня ложились на черные толстые спины, на светлые животы, на клубы песка и икры, и на какое-то время Толе показалось, что все эти рыбы залиты солнцем.

И он сказал потрясенно:

— Герц, они не видят! Они слепые!

Оттого ли, что он сказал это слишком громко, оттого ли, что с факела упала искра и зашипела в воде, оттого ли, что Герц заторопился близко увидеть рыб и с топотом поспешил к озеру, рыбы неспешно ушли в глубину.

На отмели меж камней еще курилась пыль, поднятая рыбами, и плавали налитые жизнью зерна икринок.

— Герц, они не видят, — повторил Толя. — Поэтому они не боялись факела. Ты затопал — они разбежались. Посидим-подождем, когда рыбы вернутся?

— Посидим.

Как флаг, Толя укрепил факел между прибрежными камнями и сел на берег рядом с Герцем.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил Герц. — Догадываешься?

— Откуда я знаю? — сказал Толя. — Как я могу прочитать твои мысли? У тебя их, наверное, много...

— Ты кем хочешь быть? — смягчившись, спросил Герц.

— Когда вырасту?..

— Когда вырастешь.

— Когда вырасту, я буду проводить свет, — стеснительно сказал Толя. — Я буду проводить свет, как мой отец...

— А когда я вырасту, — грустно сказал Герц, — и расти мне осталось недолго... Когда я вырасту, — он показал рукой на озеро, — я научу этих рыб видеть! У меня будет лаборатория. Колбы. Пробирки. Электроприборы. Кибернетические конструкции. Я научу этих рыб видеть! Понимаешь, Толя, это несправедливо: у рыб есть глаза, а видеть они ими не могут!

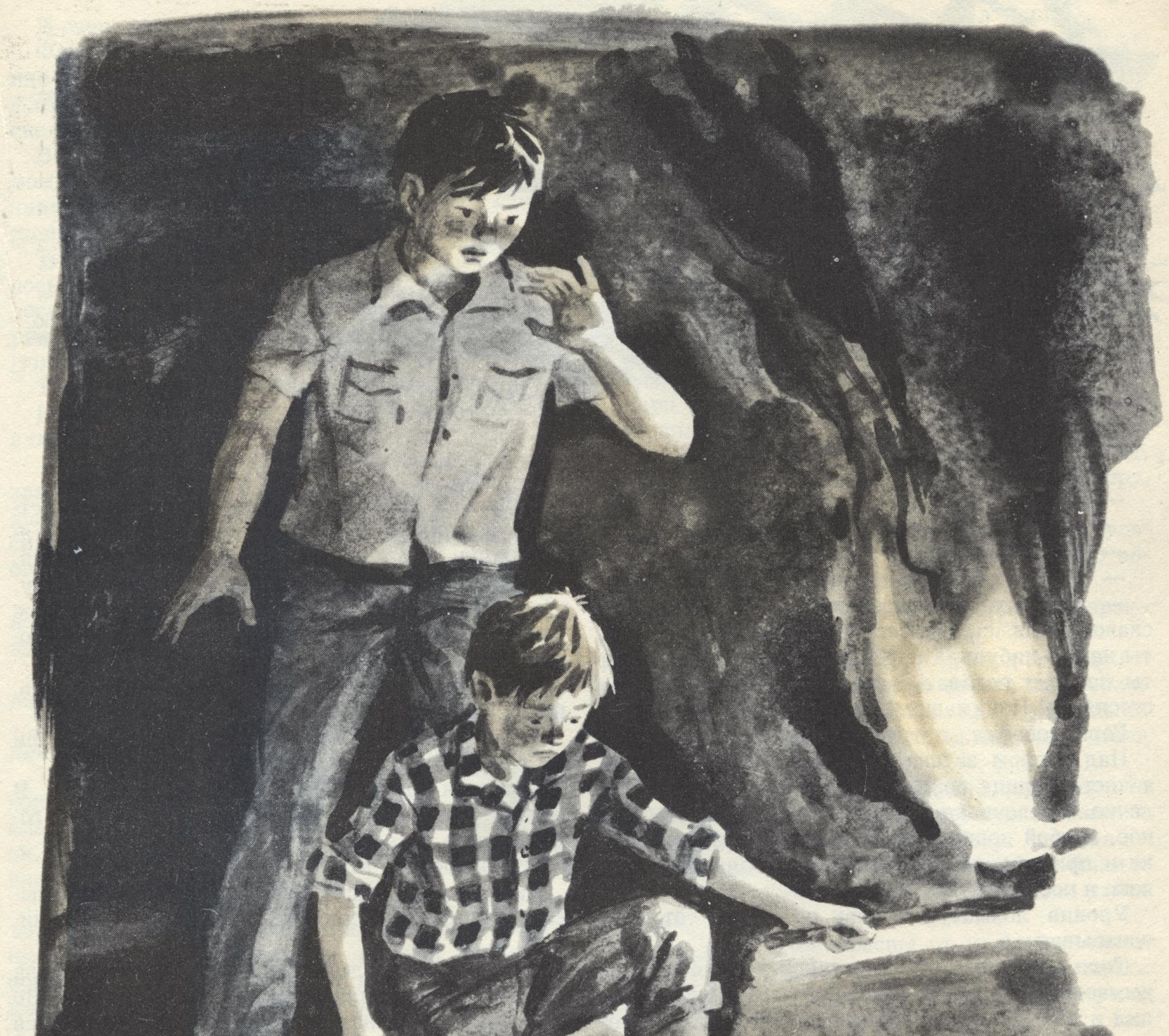
Герц говорил много, и под его слова Толя стал потихоньку задремывать, и яркие, как июль, дни той надземной жизни стали наплывать на него в дремоте... Он очнулся от слов Герца:

— Что бы ты ел, если бы был королем?

Толя спросил простодушно:

— Разве у тебя есть что-нибудь поесть?

— Не в этом дело, — осерчал Герц. — Я тебя спрашиваю: что бы ты ел, если бы ты был, к примеру, королем?



Толя приблизил факел к самой воде — рыбы не тронулись с места.

— Хлеб...
— А еще?
— Суп из сыроежек...
— А еще? Еще?!
— Белый хлеб с конопляным маслом...
— Небогато, — заключил Герц. — Прямо скажем, для короля негусто. Понимаешь, Толя, ты не кто-нибудь, а король. Ко-роль! Так что бы ты повелел подавать тебе каждое утро? Ты не стесняйся! Понимаешь?..

Герц говорил, с трудом шевеля языком.

Над озером затевался туман. Среди камней в чистой, чище воздуха, воде Толя увидел колечко. Посвечивая червонным золотом, массивное, грубой ковки, оно лежало на мели, на песке и приглашало подобрать его. Толя разлепил веки и посмотрел на Герца.

Уронив лохматую голову на грудь, тот спал посапывая.

Толя закатал повыше штаны, взял факел и, не сводя глаз с расплывающегося колечка, вступил в жгучую, как огонь воду. Он ступал осторожно, старался не поднимать муть и, как к живому существу, подбирался к колечку.

Вблизи колечно оказалось изжелта-красными икринками, они сбились в кружок около родничка и не хотели уплывать от пульсирующего бугорка воды.

Толя озяб сильнее сильного и обнаружил, что пламя гаснет.

— Чего это как темно? — сонным голосом спросил Герц.
— Спи пока...
— А ты?
— Спи...
— Я отца... предавал, — пробормотал во сне Герц.
— Как?
— Меня спросят: «Как твое отчество?». А мне почему-то стыдно сказать правду: «Митрофанович»... Я и говорю: «Герц Михайлович». Имя «Митрофан» мне казалось смешным... Я отца предавал... А имя-то у него хорошее... Старинное...
— Ты не расстраивайся.
— Нет, — то ли во сне, то ли наяву, шептал Герц. — Предавал...
— Спи...

Толя без всплесков выбрался на берег, острым камушком поворошил содержимое жестяной банки, где еще теплилось пламя, убедился, что гореть там мало чему осталось, закусил губу, чтобы не зареветь в голос, воткнул факел меж камней, сел рядом с Герцем, что дремал, уронив голову на грудь...

Толя решительно ничего не мог придумать, как жить дальше.

Через несколько минут пламя погаснет, и они с Герцем погрузятся в кромешную тьму.

Остается коробок спичек, но он не в счет. В пещере нет топлива, ничего, что могло бы гореть, греть и светить.

Что же делать-то?

Герц сидел, свесив руки с колен, и всхрапывал от усталости солидно, как большой мужчина.

Озеро затаило дыхание, и не было ему дела до двух ребят, заплутавшихся в подземелье. До того, что где-то над ним шумят леса, качаются колосья и травы, на утренних теплых туманах доспевают грибы, летают ласточки, живут люди, встречают и провожают солнце.

Если бы озеро умело говорить, оно бы спросило:

— Солнце? А что это такое? Объясните понятнее. Жар, похожий на факел в руках мальчика? Зачем мне оно — это солнце? Мне хорошо без него. Один из мальчиков хочет научить моих рыб видеть это самое солнце? Зачем? Они мне никогда не жаловались на свою жизнь! Зачем им жить при солнце?

Озеру было покойно в своем подземном одиночестве. Оно любило себя и хотело, чтобы никто не нарушал его покой.

— Зачем этот мальчик, прижимая камень к груди, пытался потревожить меня? Чего он искал? Выход в Каму? Наивный человек! Так я и открою ему свои тайны... А рыбам я позволяю жить. Они немы, они никому не расскажут про меня. Я их научило молчанию — я, Подземное Озеро! Ах, вы опять про солнце! Солнце все равно погаснет, как факел этого мальчика. И тогда все замолчит во тьме, как молчу я. Ибо в молчании — и только в молчании! — мудрость.

И озеро молчало.

Факел угасал, а вместе с ним угасало сознание Толи. Он погружался в сон от изнеможения и от ложного, заманчивого ощущения, что во сне теплее и уютнее.

Вот факел погас было совсем. Лишь на самом краю консервной банки от Толиного дыхания отклонялась зубчатая стенка огня. Синяя стенка огня...

Толя не дышал, а пламя отклонилось, стелилось, нащупывало струю воздуха! Оно колебалось, как водоросль в лесном ручье. Стало быть, рядом какой ни есть, а подземный ход, тоннель. Воля!

Тише тихого Толя затряс товарища за плечо.

Кряхтя и охая, Герц с большой неохотой поднялся.

— Чего разохался? Огонь я понесу,— сказал Толя и, отворачиваясь от пламени, чтобы дыханием не погасить его, взял факел, и двинулся с ним в том направлении, куда отклонялся огонь.

Вдруг пламя собралось с силами, взметнулось, загудело, как в печи,— впереди забрезжил проем.

Может, ему только кажется, будто впереди проем?

Пламя, вспыхнув, разом погасло. Но проем приближался, ослепляющий, налитый солнцем...

Толя кинулся к проему и, царапая и обдирая кожу, с трудом протиснулся между жесткими пластами песчаника. Выбравшись из пещеры, он, ослепленный, оступился, упал и покатился вниз.

Толя не чувствовал, как солнце и темнота, чередуясь, касаются его лица. И еще он услышал, как совсем недалеко, шлепая плицами, ползет по Каме стародавний буксир или, быть может, колесный туристский пароход.

И оттого, что Кама рядом, Толя радостно всхлипнул и зашептал сам не помнит какие слова.

Теперь он лежал в глинистой осыпи, больно подвернув руку, а у виска что-то чмокало, как будто часто-часто лакало воду и никак не могло напиться. Толя прислушался. Это ручей пробирается по дну оврага, заросшего соснами, дубами, осинами, кленами и черемухой.

Вдруг Толя вспомнил Герца, поднялся. Запрокинул голову, приложил руки ко рту и закричал:

— Ге-ееерц!

Тишина.

Толя попытался вскарабкаться на обрыв по широкому следу, который он пропахал, когда катился из пещерного выхода. Мальчуган трижды сползал к ручью, пока не догадался пойти в обход и не взобрался на верх оврага по твердой земле и по упавшим поперек склона соснам. Сосны были неживыми, с усохшими ветвями. От прикосновений мальчугана кора легко отставала от стволов, и обнажалось потемневшее, красно-белое, древесное тело.

Вот и расщелина — выход в овраг.

В расщелине боком застрял Герц.

— Живот не пускает,— сказал Герц.

Толя схватил Герца за плечи и потянул к себе, но тот попросил умоляюще:

— Не... не... не надо!

Герц подал товарищу нож, тот самый, который Толя нашел в пещере. И Толя стал соскабливать песчаник вокруг толстяка. Песчаник трудно поддавался, и Толя не очень-то верил, что этим заржавленным ножом ему удастся расширить выход из пещеры, но работал он в поте лица.

А над ним, над красновато-золотистой крышей кленовых листьев пекло солнце.

Наверное, оно перевалило за полдень. За полдень какого дня? Кто знает?

Герц завозился в проеме пещеры, разом высвободился, вышел наружу, и целый остров глины и песка, колыхнувшись под ногами ребят, пополз, промчался, как санки зимой под гору, обрушился в ручей и запрудил его.

Некоторое время ручей молчал, потом, булькая и фыркая, побежал в обход только что образовавшегося острова.

А ребята быстрее ручья побежали в овражных потемках к Каме.

Сколько они бежали, Толя и Герц не помнят. Вот в прогале между стенами оврага показалась Кама и на ней баржа «Иволга»... И тут мальчики угодили в крапиву, в заросли малины и стали собирать с куста ягоды.

То ли крапива жгла не так зло под осень, то ли с усталости ребята не чувствовали ее ожогов, то ли малина попалась наособицу сладкая — они не могли оторваться от куста. Они были в двух шагах от дома, но у них не было сил дойти до баржи.

Губы ребят были красны от малины, волосы и одежда в песке и глине. На выходе из оврага ребята отряхнули друг друга, бело-набело умылись сами.

— Родителям не скажем, где мы были,— сказал Толя,— а то они нам уши нарвут.

— Кому нарвут, а кому нет,— сказал Герц.— Но про пещеру, конечно, ни слова. Скажем, что мы ночевали в селе, записывали сказки и легенды, общались с народом. Я найду, что сказать. Зря я что ли семь классов кончал?

— Конечно, не зря! — обрадовался Толя.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Георгий **СТРУМСКИЙ**

ВСТРЕЧА

Позвал меня
Знакомый чей-то голос,
И встретился у дома я как раз
С задорной песенкою, звонкой и веселой,
Что сам и сочинил в один прекрасный час.

— Лети ко мне,—
Сказал я ей поспешно,—
Забудь на миг про свой свободный нрав!..
Но не послушалась она меня, конечно,
И упорхнула, так меня и не признав.

Ну, что же...
В добрый путь, как говорится.
С моих ладоней ты отправилась в полет,
И горд уж тем я, что живет в тебе частица
Моей души и весело поет!..

Дора **ГАБЕ**

ЛЮБОВЬ

Если наше небо так глубоко,
Если нашим нивам нет предела,
Если наши звезды так огромны,
Как же сердце их вобрать сумело?

Уж не ты ли, мама, подарила
Мне любовь невиданную эту,
Что весь мир легко в ней уместился,
Что и равной ей на свете нету?

Что ж она в себя вместила, мама?
Нашу землю с пестрыми цветами,
Цепи гор и светлый дождь полдневный,
Радугу над влажными полями.

Что же день за днем мне сердце греет?
Наше солнце,
золото пшеницы,
Ранним утром — облаков свеченье,
В теплый вечер — отблески зарницы!..

Если наше небо так глубоко,
Если нашим нивам нет предела,
Если наши звезды так огромны,
Как же сердце их вобрать сумело?..

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Михаил БЕРБЕРОВ

АКВАРЕЛЬ

Тропа петляет, вьется, кружит,
Вся из корней и из камней...
Бредет, лесинами нагружен,
Сам по себе осел по ней.

А под горой — пестрей форели —
Резвится быстрая река
И то в цветы, то в сумрак елей,
То в травы прячет берега.

Гудят шмели. Щебечут птицы.
Бормочет роща речь без слов.
Антенн далеких вереницы
Плывут над крышами домов.

И все их чуткие верхушки
Напряжены, чтоб поскорей
Поймать ту песню на опушке,
Что тянет первый соловей.

Про счастье жить,
про воздух синий
Весны, в которую сейчас,
Таща две свежие лесины,
Осел спускается как раз...

ЛЕТО

Я уверен, что прав,
Да и вы не оспорите это —
Что всех больше забав
Дарит детям горячее лето.

Под рукою река?..
В ней весь день проныряют ребята.
Нет реки?.. Далека?..
Прогоняют в футбол до заката.

Море рядом?.. Ура!
Можно в лодке под парусом мчаться.
Ну, а если гора?..
До вершины сумеют добраться.

А лишь солнце зайдет —
Все устало прикроют ресницы,
И всю ночь напролет
Будет им неизвестное сниться:

И планеты-шары,
И в пещерах столбы-сталактиты,
И другие миры —
Те, что ими и будут открыты!..

СТРЕЛА

Когда с жарким свистом летала она
И чье догнала она темя?
И знала ль, сражением увлечена,
Куда занесет ее время?..

И вот долетела до нашего дня,
Ровесница славным былинам,
И тихо лежит на руке у меня,
По пояс в пуху тополином.

Пусть нет оперенья, но крепок металл...
Умелым он был от природы —
Мой пращур фракийский, что сам отковал
Стрелу эту в давние годы!

И твердой рукою послал во врага —
Прими за разбои науку...
И этим, стрела, ты теперь дорога
Тебя подобравшему внуку.

Он слышит, как кони грызут удила,
И просят, и жаждут погони...
Мгновенье — и в небо стрелою
стрела
Рванется с раскрытой ладони.

Перевел с болгарского
Игорь МАЗНИН

Борис **КАМОВ**

Сумка Гайдара

ПОВЕСТЬ-ПОИСК

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. **ТРОФИМОВА**

Тайник

Поворот

Пора было возвращаться в Москву.

Где и кому Гайдар оставил главную часть своих бумаг, я по-прежнему не знал.

Прощальный ужин в доме Афанасии Федоровны был грустным.

— А дедушке Кобузу, что жил возле насыпи, — допытывался я, — Гайдар не мог ничего оставить? Дочка дедушки утверждает: Аркадий Петрович у них бывал и подолгу беседовал с ее отцом.

— Дедушка, — сказала мне Афанасия Федоровна, — уже тогда был старый-престарый...

— Но кому-то Гайдар отдал тетради из рук в руки?

— Но я откуда могу знать, — отвечала Афанасия Федоровна, — что он делал, с кем пил чай в Хоцках, Комаровке, Гельмязеве, Озерищах или Калеберде?! — и остановилась. — Может быть, что он отдал Швайкам?

Где планшет полковника Орлова?

Впервые фамилия «Швайко» встретилась мне в докладной Башкирова: «В селе Михайловском Каневского района... — говорилось там, — я встретил жену лесника Швайко, сын которой был курьером и ординарцем у партизана Гайдара». Полковник Орлов также прислал мне свои записки. Орлов вспоминал, что возле села Озерищи (неподалеку от Леплявы) в начале октября 1941 года он встретил немолодого, скромного человека. Незнакомец отрекомендовался лесником кордона № 54. Звали его Михаилом Ивановичем Швайко. До перехода в партизанский отряд Швайко снабжал полковника и его товарищей продовольствием.

В своих записках Орлов особо отметил: «Дети лесника — Вася, Володя и маленькая Оля были нашими помощниками. Аркадий Петрович с ребятами быстро подружился. В особенности с Володей, который не отходил от Гайдара ни на шаг. И мы прозвали его «адъютантом».

Еще в первый свой приезд на Украину я решил побывать в Михайловке. «Швайко давно там не живут», — предупредила меня Афанасия Федоровна.

Домой я возвращался через Киев. С речного вокзала позвонил Орлову, предупредил, что скоро буду. Александр Дмитриевич пригласил меня в комнату, усадил на диван, а сам устроился возле письменного стола. Полковник был высок, широкоплеч. В авиацию он пришел, когда в летчики набирали богатырей.

— Александр Дмитриевич, а как вам кажется: мог Аркадий Петрович оставить свои тетради леснику?

— Мог, — сказал полковник. — Ведь я тоже

отдал Михаилу Ивановичу на хранение свой планшет. У меня была с собой целая связка секретнейших бумаг. Когда я собрался переходить линию фронта, Гайдар сказал: «Да не тащите вы планшет. Оставьте леснику». Я так и сделал. Взял с собою только это...

Александр Дмитриевич выдвинул ящик письменного стола и положил передо мной командирское удостоверение в синей матерчатой обложке. Я раскрыл его. На фотографии Орлов был еще молод. Вместо погон — четыре шпалы на петлицах. Над левым карманом — орден Красного Знамени и медаль «XX лет РККА».

— И вы потом вернулись в Лепляву? — спросил я.

— Конечно. Это было в сорок четвертом, сразу после освобождения.

— И получили обратно свой планшет?

— Понимаешь, Михаила Ивановича в живых уже не было. За помощь окруженцам полицаи его убили. Сыновей Швайко отправили в Германию. Жена лесника с дочкой переехала в Михайловку. Когда я их там разыскал, они вернули мои награды.

— А планшет?

— Планшет мне уже не был нужен. Я получил другой. А бумаги, которые я оставил, к 1944 году утратили свою секретность и ценность.

— А где семья лесника живет теперь?

— В сорок пятом они поселились в Киеве. Потом их следы я потерял.

...Всю дорогу от бульвара Лихачева я шел пешком. Впервые за многие наши встречи я услышал, что Орлов доверил леснику награды и документы.

Правильно ли поступил полковник? Правильно. Армейский разведчик, отправляясь на пятьдесят километров в тыл врага, сдает начальнику штаба даже письма из дома. Орлову предстоял путь в сотни верст. Полковник его проделал. Бил врага до Победы и удостоился еще нескольких орденов.

Что в сообщении Орлова обнадеживало? Прежде всего то, что планшет он оставил по совету Аркадия Петровича. А Гайдар никогда не рекомендовал того, чего бы не сделал сам.

Но где Швайко живут теперь? Что с сыновьями, с которыми дружил Гайдар?

Знакомство

...Семья Швайко жила во Львове.

Дверь открыла пожилая полная женщина. Волосы гладко зачесаны в пучок. Лицо почти без морщин. Глаза внимательные, близко посажены к переносице. Движения точные, быстрые. Это была Анна Антоновна.

Она с достоинством пожала мою руку. И провела в комнату.

Я сразу направился к стене, увешанной фотографиями. Вот Анна Антоновна в молодости. Рядом девочка лет пятнадцати. Леля? Мальчик в зимнем пальто и фуражке. Володя? Юноша, похожий на Володю, но постарше. Вася? А вот Володя в гимнастерке с погонами. И снимок солидного Васи. Значит, сыновья остались живы?!

Тут же под стеклом я обнаружил маленький снимок со служебного удостоверения. Пожилой мужчина в свитере. Маленькие усики на добром лице. По сходству черт с детьми догадался: Михаил Иванович. Он производил впечатление благородного, но болезненного человека. Значит, это ему Орлов доверил планшет, полный секретных документов, а Гайдар, возможно, свою сумку?

— Михаил Иванович работал когда-нибудь в школе? — спрашиваю я Анну Антоновну.

— Нет. При царе муж служил в пограничниках. В революцию сперва партизанил, затем его назначили комиссаром продотряда. После демобилизации он работал председателем райисполкома, а потом заболел и с работы ушел... Подался в лесники.

Жили мы скромно. Мужу полагался целый дом. А занимали мы в бараке на кордоне одну комнату. В остальных — соседи. Причем, прямо за нашей стенкой — раскулаченный мироед.

— Как же вам удавалось помогать окруженцам?!

— А что было делать? Стучит в окошко раненый. А я скажу: «Иди, солдат, мимо: у меня за стенкой доносчик — сосед?» Пока стояли теплые дни, еду мы носили военным в лес. А с наступлением холодов оборудовали сарайчик. Навалили побольше сена, отнесли туда брезент и попоны.

Анна Антоновна замолчала.

Я знал немало людей, которые в годы войны рисковали. Но в данном случае семью за подвиг ждала неминуемая кара. Но лесника и его жену это не остановило...

В доме лесника

— Гайдар пришел с отрядом Орлова, — продолжала Анна Антоновна. — Вы бы поглядели на этот отряд: боже мой! Я нарезала хлеб. Поставила ведерный чугун картошки.

Гайдар выглядел очень плохо: лицо нездоровое, с желтизной. Под глазами будто провели сажей. Здороваясь, закашлялся, чуть не задохнулся. Но что мне понравилось: спросил, где помыть руки. Ел, очищая каждую картошину, и ножичком сверху посыпал солью.

Я знала, что живут они в шалашах и спят на голой земле.

Сказала Орлову: «Этот товарищ серьезно болен. Его нужно оставить у нас».

Орлов согласился. И я принялась лечить больного.

Приготовила по народному рецепту питье, постелила ему на лежанке. Он признался, что впервые за три недели ночует под крышей:

«Спасибо вам, хозяюшка, а то какой я с таким кашлем солдат?»

Аркадий Петрович прожил у нас два дня. Ему стало легче дышать. Он лучше выглядел, но оставаться дольше считал неудобным. «Никогда не забуду вашей доброты,— сказал он, прощаясь.— А после войны, если останусь жив,— приглашаю всю вашу семью в гости. Дорогу я оплачиваю...»

А назавтра приходит боец Миша. И приносит половину ведерка молока: «Это,— говорит,— Аркадий Петрович прислал. Пейте при мне. Чтобы я мог сказать Гайдару, что вы пили...»

Впервые за нашу беседу Анна Антоновна засмеялась. Смеялась она редко.

Вечером пришла с работы дочка Анны Антоновны — Леля. И рассказала за ужином смешной случай: ждали военных, братьев дома не было. Послали на пост Лелю.

А ей сделалось скучно, стала она играть припасенной куклой и не заметила, как появился Аркадий Петрович. Леля застыдилась. А Гайдар наклонился и шепнул: «Часовым на посту в куклы играть не положено».

За весь день, что я провел в квартире Швайко, я ни на миг не забывал о рукописях, но посчитал неудобным сразу начать о них разговор. Я надеялся, что Анна Антоновна вспомнит о тетрадях Гайдара сама. Однако ее рассказ, очень для меня интересный, к бумагам Аркадия Петровича никак не приближался. И я не выдержал:

— А помните ли вы у Гайдара сумку?

— Конечно,— с готовностью отозвалась моя собеседница.— Сумка всегда висела у него на плече.

Только однажды он приехал переодетый в немецкое и без сумки. Напугал меня до смерти.

— Орлов говорил, что Гайдар посоветовал ему оставить свой планшет Михаилу Ивановичу. И я подумал...

— Мужу много чего оставляли: оружие, важные карты, письма начальству, родным.

— А где Михаил Иванович все прятал?

— Не знаю. Сперва он клал в стеклянные банки из-под огурцов. Закапывать ему помогал Вася. А потом муж прятал все сам. Где — мне неизвестно.

— Но Орлов сказал, что сразу получил свои награды...

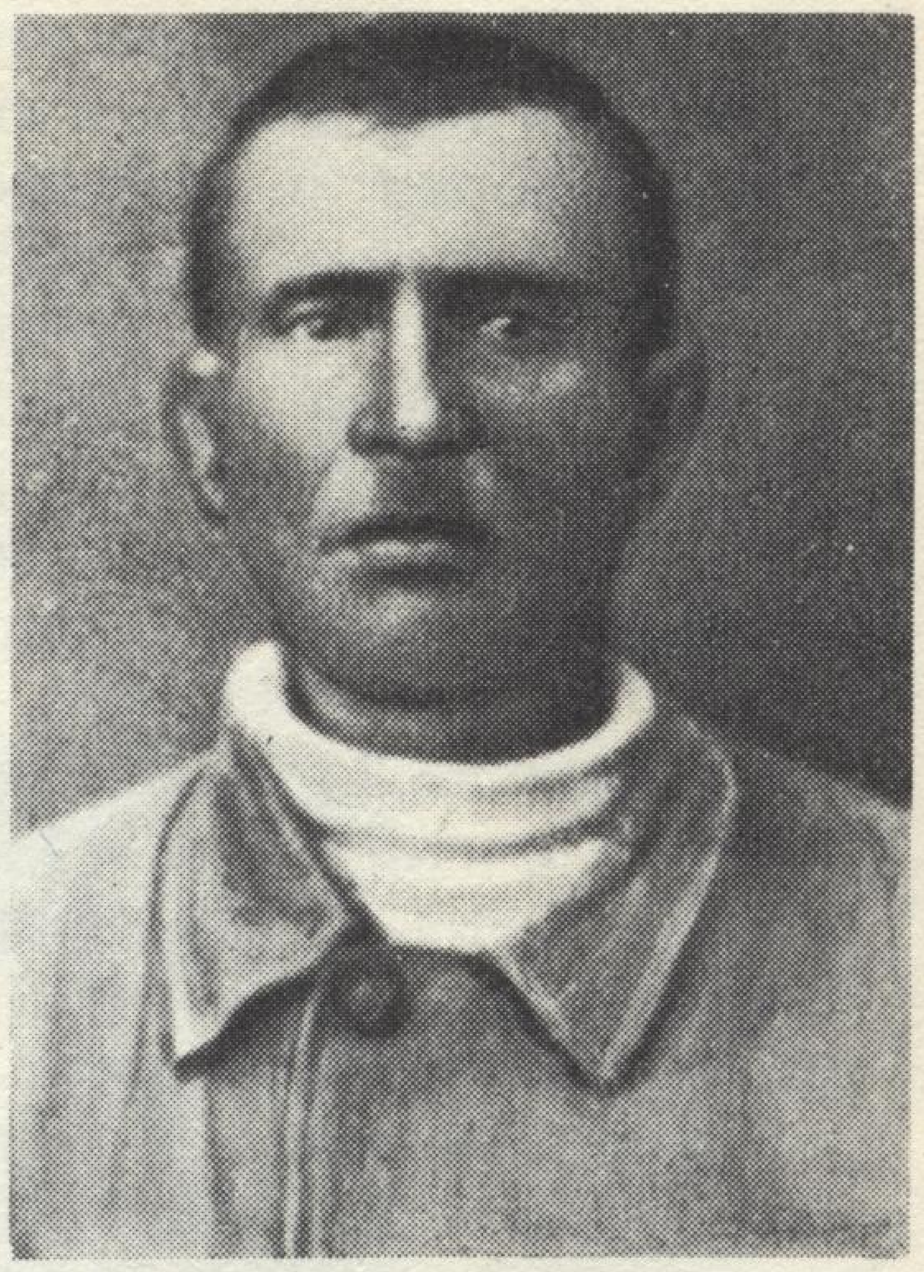
— Ордена лежали отдельно, в доме. Мы их особо берегли.

Когда я пришел на следующее утро, Анна Антоновна спросила меня прямо в дверях:

— Скажите, вы только сумки ищете? Планшет Орлова, противогазный чехол Гайдара?

Я смутился: «Просто я думал: там, где лежит планшет Орлова, может храниться что-нибудь еще. Допустим, тетради Гайдара».

— Да вы пройдите в комнату... О тетрадях слышу впервые от вас. Муж про них не упоминал. Но сегодня утром мне пришел на память разговор Гайдара с Михаилом Ивановичем.



Лесник Михаил Иванович Швайко.

— Давайте по порядку. Здесь все очень важно. Когда это было?

— Чисел вообще не помню: не было ни газет, ни календарей.

— Понятно. Разговор произошел до боя у лесопилки или после?

— Одно совершенно точно: это был последний приход Аркадия Петровича.

— Он забежал проститься? Тогда это могло быть после боя.

— О том, что мы долго не увидимся, сказано не было. Но я хорошо помню то время... Стали чаще заглядывать к нам гитлеровцы. Наглее сделались полицаи.

Анна Антоновна разволновалась. Налила себе воды.

— Как выглядел Гайдар? Он был в нашей форме или немецкой?

— В нашей. А выглядел плохо. Правда, не кашлял. Мы привыкли, что он всегда бодрый. Любил пошутить, поиграть с детьми. Загадывал им загадки. Чаще всего смешные. Случалось, постоит, посмотрит, как я орудую возле печки. Скажет: «Ой, хозяюшка, как ты ловко хлебы печешь!» А в этот вечер даже не улыбнулся. Я забеспокоилась: «Наверное, очень голодный». И решила покормить посытней.

Я зашла в комнату сказать, что ужин будет готов минут через десять, потому что у Аркадия Петровича была привычка: вот он сидит, неторопливо беседует. Вдруг: «До свидания. Очень тороплюсь». Я побоялась, что он и теперь может уйти голодный. И когда открыла дверь в комнату, поняла, что происходит важный разговор.

— Почему вы так решили?

— Я привыкла видеть Аркадия Петровича спокойным. А тут, когда я вошла, он резко обернулся. Увидел, что это я, и снова наклонился к мужу. У нас он обычно чувствовал себя свободно. Любил ходить по комнате, громко говорил, ему нравилось, когда рядом были дети. А тут он с Михаилом Ивановичем беседовал

шепотом и что-то настойчиво ему доказывал. Я на цыпочках вышла в коридор. Аркадий Петрович говорил о каких-то бумагах. Мол, эти бумаги не менее важны, чем секретные документы.

— Вы видели эти бумаги? Гайдар вынимал их из сумки? Держал в руках? Клал на стол?

— На столе не было ни листка. Это я помню хорошо, ведь я собиралась накрывать на стол.

— Хорошо. Расскажите, что было дальше.

— Я поставила хлеб, намяла пюре: Аркадий Петрович любил пюре. Зажарила яичницу. Гайдар пошел мыть руки. Я налила в рукомойник теплой воды. А когда вернулась — он вытирал тряпкой пол: набрызгал. Я побранила его. За ужином о бумагах больше не говорили. Сказал только:

— Хотел бы я повидать сына. Последние месяцы мы редко встречались. То я заканчивал один сценарий, то начинал другой. И все было некогда. А теперь не знаю, удастся ли...

— Где же Михаил Иванович мог спрятать эти бумаги?

— Он не успел сказать.

Беда

— Когда не стало партизанского отряда, — продолжала Анна Антоновна, — полицаи ободрились. Муж сказал: «За мной следят». И мы ночью тайком переехали на другой берег Днепра, в Михайловку. Приятель устроил мужа на работу, сняли комнату: живем неслышно. А как-то днем входят три леплявских полицая. Вводят Михаила Ивановича и велят: «Собери его быстро в дорогу».

Как в полусне, я завязала в узелок хлеб, вареную картошку, кусочек сала. На несколько секунд мы остались вдвоем. Муж мне шепнул: «Я тебе оттуда сообщу, где все заховано». И его увезли в Гельмязево.

На другое утро я поехала в тюрьму. Полицай принял у меня передачу и сказал: «Подойди на улице к форточке». Я выбежала и увидела мужа. Через решетку он показался мне изменившимся. Только потом я догадалась, что его уже мучали на допросах.

— Зачем ты пришла? — спросил он. — Лучше бы смотрела за детьми, — и понизил голос, — Я тебе обещал... — Но тут в камере начался шум. По-моему, там кого-то били. Муж махнул рукой и форточка захлопнулась.

Назавтра я привезла передачу опять. «Швайко у нас нет», заявили мне тюремщики.

— Как нет?.. Где же он?!

— А тебе не все равно?.. Где бы он ни был, он закопан...

...Я пошла на кладбище. Кончалась зима. К могилам вела наезженная в снегу дорога. Вдруг кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулась и увидела незнакомого мужчину. «Вы жинка Швайко?» — спросил он тихо.

Подавляя плач, я едва слышно спросила: «Он... жив?» Мужчина отрицательно помотал головой: «Пойдемте».

Мы вышли к пустырю в конце кладбища, к заброшенной снегом яме. Она была засыпана только наполовину. Под стеной, свесив голову на грудь, сидел мой муж. На нем была нижняя рубаха, а на коленях лежал старенький пиджачок, в котором он ушел из дома.

— Помогите спуститься... туда, — попросила я сопровождавшего меня человека.

У меня с собой оказалась скатерть. Я решила завернуть в нее мужа. И увидела бумажку, торчащую из кармана пиджака.

«Аня! — прочла я в записке, когда осталась одна. — Меня допрашивал Самовольский Михаил... Он допытывался, откуда я беру и где храню бланки документов, что я давал с собою разным людям из окружения. Я ничего не сказал. Береги детей...»

Анна Антоновна сощурила глаза. На ее лбу появились складки, а голос дрогнул и сломался:

— Про тайник... ничего не было.

«Да и не могло быть, — думал я поздно вечером. — Михаил Иванович надеялся, что после казни вещи его передадут семье. В записке он сообщил лишь то, что было известно полицаям, предупреждая близких: «Ни в чем не сознавайтесь!» Сведений о тайнике такое послание содержать не могло».

Гайдар помог...

— Я помнила о тайнике, — продолжала Анна Антоновна свой рассказ. — Даже ночью просыпалась с мыслью — вдруг кто придет и потребует обратно свой документ? Что я отвечу? Я желала, чтоб ни один военный, который доверился мужу, не ушел бы от нас обиженным... «Сойдет снег, — думала я, — поищу. Сыновья помогут. Ведь часть бумаг они прятали вместе с отцом». Но в ту пору ничего нельзя было загадывать: не успел сойти снег — те же полицаи угнали моих мальчиков в Германию.

...Через два с половиной года пришли наши. За весь этот срок я не получила от ребят ни единой весточки. Когда заработала советская почта, я отправила в Москву письмо:

«23 апреля 1944 г. Московскому Союзу писателей.

В сентябре — октябре месяце 1941 года писатель Вашего Союза бывший военный корреспондент Гайдар Аркадий, попав в окружение, со многими товарищами... находился... на Полтавщине, в Леплявском лесу, в тяжелых условиях, но позже как будто пробрался к своим...

Товарищ Гайдар просил по освобождении Украины от немцев сообщить Вашему Союзу о его местопребывании в 1941 году. И вот настал этот счастливый день.

Анна Антоновна
посадила Аркадия Петровича за стол,
поставила хлеб.

...А теперь, в свою очередь, я очень прошу Вас, если тов. Гайдар А. жив и Вы знаете о его местопребывании, сообщите мне его адрес. Я хочу ему написать о несчастье, постигшем меня и сынишек, которые все помогали тов. Гайдару, когда он был в оккупации. Мой адрес...» [1].

— А вы разве не знали, что Гайдар погиб? — удивился я.

— Представьте себе! Был слух, что на окраине Леплявы убили корреспондента. Потом прошел другой слух, что корреспондент успел перебежать через рельсы, а убили другого военного. Был слух, что взята Москва. Чему из этого нужно было верить?

Когда мне из Москвы ответили, что, «по неофициальным сведениям, Аркадий Гайдар погиб», я отправилась в Лепляву, разыскала там Степанец. Она и подтвердила...

И вот однажды из Москвы, из Союза писателей, приходит пакет:

«Уважаемая Анна Антоновна! Мы получили несколько Ваших писем... В одном из них Вы упоминали.., что Ваших сыновей угнали немцы. Недавно я получила письмо из действующей армии. Автор сообщает примерно те же сведения о Гайдаре, что и Вы. Меня поразило сходство содержания Ваших писем. А когда я прочла подпись «Швайко Владимир М.», у меня появилась надежда, что, может быть, это Ваш сын»...

Я закричала. Прибежала соседка-учительница. А я не могла остановиться. Володя жив!

...Гайдар мне говорил: «Хозяюшка, если вам что понадобится, сразу напишите мне в Москву. Я помогу».

Я написала. И помощь пришла...

Оторопь

Судьба пощадила сыновей. Они возвратились в солдатских гимнастерках, на груди — медали. Васе довелось даже побывать в Берлине.

Когда окончилась война, Володя, Леля и Анна Антоновна поселились в Киеве, затем — во Львове. Вася уехал учительствовать в Житомирскую область.

— ...А сыновья ваши не могли бы помочь мне отыскать тайник? — спросил я.

— Поговорите с Васей, — торопливо ответила она. — Хотя гораздо лучше должен бы знать Володя. После войны я как-то сказала: «Вдруг кто приедет за документами? Что мы ответим?» А Володя обронил: «Понадобится — найдем».

— Я приглашу весной обоих в Лепляву, — сказал я.

— Володи нет, — холодно и даже отчужденно произнесла Анна Антоновна.

Володю она вообще вспоминала редко.

— Мы пошлем и Володе и Васе официальный вызов. Пусть оба приедут вспомнить детство, — сказал я.

— Володи нет, — громко и твердо повторила она. — Володю ...убили.

— Когда?! — вскрикнул я.

— В ноябре 1955 года. Бандит ударил его ножом в сердце.

Оплошность часового

4 октября 1941 года Володя Швайко стоял на посту и следил за тропой из Озерищ, а Вася наблюдал неподалеку за дорогой из Хоцек. Отец предупредил: придут люди. Но никто не шел.

Володя сел на пенек. Надвинул поглубже фуражку, поднял воротник пальто и принялся мысленно пересказывать книгу, которую недавно прочел, — «Остров сокровищ». Вдруг Володя услышал крадущиеся шаги. Военные в дом приходили каждый день. По два-три человека. Но теперь шло очень много народу. Люди сдержанно дышали, стараясь не производить шума.

«Немцы!» — подумал Володя. Бежать к отцу было поздно. И, чтобы предупредить об опасности, он в страхе и отчаянии крикнул:

— Хальт! Кто идет?!

Он никак потом не мог понять, почему в его окрик ворвалось немецкое слово, недавно слышанное от вражеских солдат.

В следующий миг Володя увидел, что на него направлены стволы автоматов и револьверов. И командир с четырьмя шпалами, опуская браунинг, спросил: «Не во что больше поиграть? Где здесь дом лесника?» Опустив голову, Володя довел гостей до избы и возвратился на пост.

Награда генерала

— Идем, сынок, — пришел за Володей отец.

В комнате было так много народу, что некоторые военные сидели даже на полу.

Володя шел, не подымая глаз, но все же приметил за столом полковника-летчика и Васю, который преспокойно солил картошку.

— Садись-ка сюда, — негромким простуженным голосом сказал ему широкоплечий военный, судя по петлицам — рядовой, и похлопал огромной ладонью по отполированной доске лавки. Вероятно, рядовой прошел через пост брата, не знал о происшествии и потому был добр.

Володя неловко плюхнулся на скамейку.

— Замерз, наверное? — спросил тот же рядовой, кладя перед Володей две дымящиеся картошины в мундире, кусок хлеба и пододвигая деревянную солонку. У соседа было крупное лицо с болезненно припухлыми веками. А над карманом поблескивал орден.

Володя обрадовался теплой интонации, которую он уловил в охрипшем голосе соседа. Ему

[1] Письмо публикуется впервые. Оно хранится в Архиве Союза писателей СССР в Москве.

захотелось поведать про нелепость, которая произошла, когда он стоял на посту. Но, вспомнив свой окрик, Володя снова покраснел и ничего не ответил.

— Аркадий Петрович, доскажите вашу историю,— обратился к Володиному соседу милицейский капитан.

— У нас тут новый слушатель,— сказал сосед.— Поэтому повторяю: немцы окружили нас, Володя, в Семеновском лесу. Полковник Орлов,— сосед показал на летчика,— послал меня в разведку. Я узнал что надо, а кроме того, принес известие, что в очень трудное положение попал штаб нашей большой армейской группировки.

Володя поднял голову. Отец, случалось, рассказывал ему о гражданской войне. Но чтобы солидный человек, орденоносец, которого он видел в первый раз, остановил разговор для пояснений ему, мальчишке...

Володя распрямил спину, гордо поглядел на брата и повернулся к соседу. Сосед мягко, подбадривающе улыбался. И только в краешке его глаз и в лучах морщинок Володя приметил лукавинку. И внезапно догадался: «Да ведь он же все знает!..»

А сосед продолжал рассказ:

— Выхожу от полковника и замечаю, что по лагерю гуляет новенький...

— Вы что же всех окруженцев знали в лицо?— спросил капитан милиции, который тоже пришел с Орловым.

— Александр Македонский помнил каждого своего легионера,— ответил сосед.— Так тысяч шестьдесят. А я на свою зрительную память тоже пока не жалуюсь. Но чтобы у нас с вами, Долгов, не получилось разногласий, решите криминалистическую задачу, которую пришлось решать мне.

— Давайте попробую,— согласился капитан.

— Очень хорошо.— Губы соседа чуть приметно улыбнулись.— Лейтенант. Лет двадцати. Новое суконное обмундирование. Новый автомат ППШ. Чистенький заплечный мешок, который и ни разу не бросали на землю. Что вы на это скажете, Долгов?

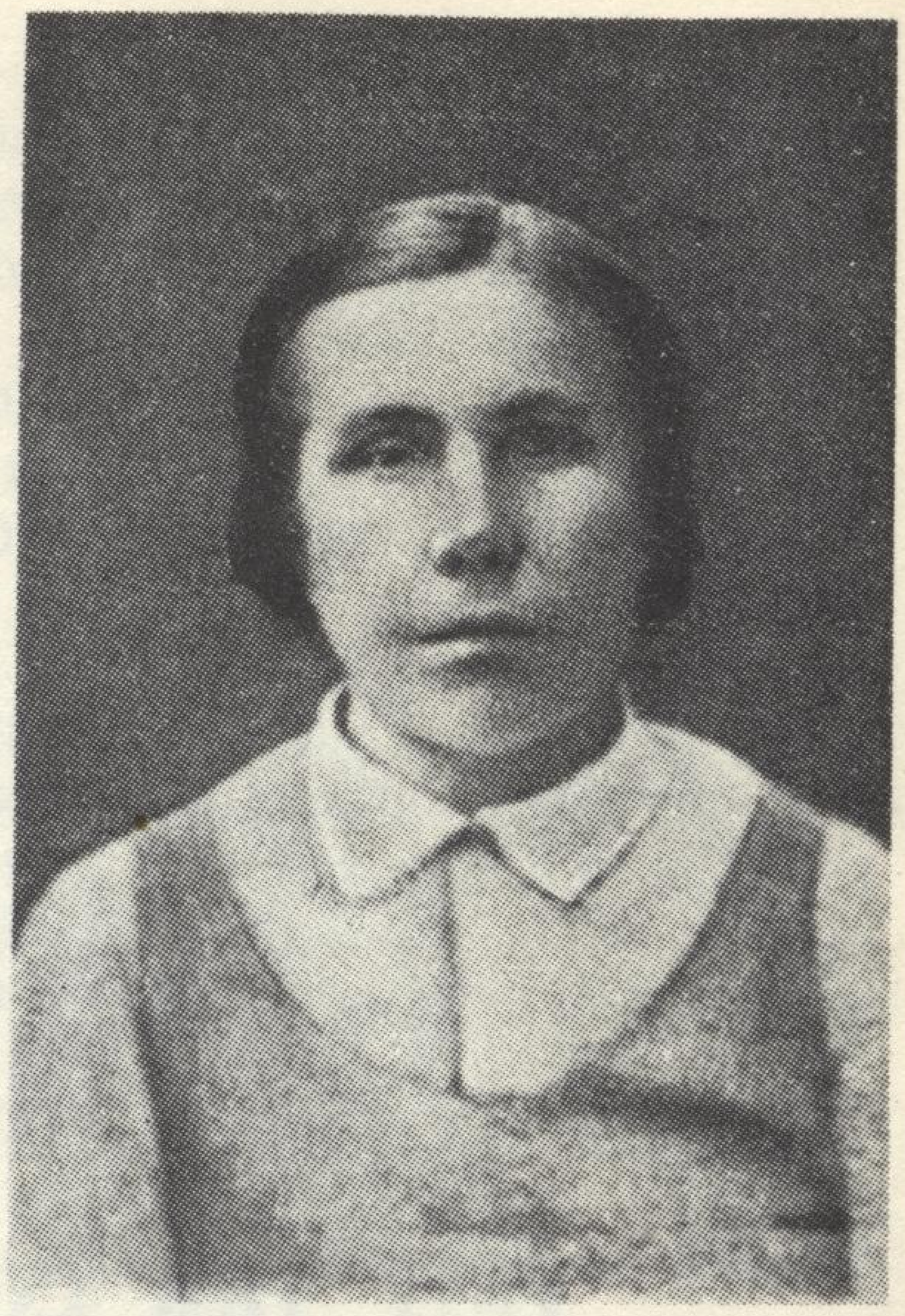
— В равной мере: немцы могли перестараться, готовя лазутчика и одев его во все новое. А могло быть и так: перед взрывом склада человек взял все лучшее, что там нашел.

— Вы умница, капитан,— сказал сосед.— Лейтенанта выдало другое: из мешка выпирал край здоровой круглой буханки. А мы, Володя, не только хлеба, уже три дня не видели ни одной картошины.

Подумав, что немецкая аккуратность сгубила еще одного фашистского агента, я вынул «парабеллум» и пригласил лейтенанта спуститься в землянку полковника.

— А если б он пальнул в вас из автомата?— спросил Володя. Лицо его от возбуждения порозовело. Белесые волосы на затылке топорщились.

— Толковый вопрос.— Аркадий Петрович попытался пригладить Володины вихры.— Лейтенанту, чтобы дать очередь по мне, требовалось сделать минимум четыре движения: положить руку на автомат, который висел у него на шее, отщелкнуть предохранитель, развернуться и направить ствол на меня. А мне было достаточно только нажать собачку. Правда, у входа в землянку автомат у него забрал часовой.



Анна Антоновна Швайко.

— И все?— разочарованно спросил Долгов.

Рядовой засмеялся, тут же закашлялся. Морщась от боли, потер грудь рукой.

— В хорошем романе, капитан,— произнес он, отдышавшись,— никогда нельзя угадать конец.— В землянке лейтенант вдруг кинулся к Орлову...

— Значит, все-таки он был подослан?.. Пришлось стрелять? — посыпались предположения.— Или это оказался... сын?..

— Нет, просто знакомый полковника. И приключилась с этим мальчиком-лейтенантом вот какая история. Он состоял при штабе окруженной армейской группировки. Немцы подогнали пехоту и танки, намереваясь захватить этот штаб, и тогда парнишку вызвал к себе командующий:

— Лейтенант, приказываю вам: вырваться из этой мышеловки, остаться в живых и дойти до наших. Задача ясна? Когда попадете к нашим, добейтесь, чтоб вас доставили к маршалам Буденному или Тимошенко. И скажите: генерал в плен врагу не сдался. А чтобы вам поверили, возьмите вот это.

Генерал расстегнул китель, отвинтил Золотую Звезду и вложил ее в ладонь лейтенанта.

По распоряжению командующего рота охраны подняла пальбу и отвлекла внимание противника. Лейтенант успешно выскользнул из кольца. В хате, где он остановился на отдых, хозяйка запекла медаль в хлеб. С этим караваем за плечами он и шел.

Мне пришлось сообщить парнишке для передачи маршалам: когда фашистские танки прорвались к штабу, генерал застрелился. Лейтенант заплакал.

За столом стало тихо.

— А разве фашисты не могли сами сделать такую звезду? А потом отдать ее подосланному лейтенанту? — шепотом спросил Володя у соседа.

— Могли, — согласился сосед, — но каждая награда, как и оружие, имеет свой номер. Если лейтенант благополучно донес Золотую Звезду, медаль перешлют в Москву, в Президиум Верховного Совета СССР. И в наградном отделе сразу установят, кому она принадлежала.

Сосед закашлялся. Перед ним тут же поставили фаянсовую кружку с чаем. В комнате запахло липовым цветом. А Володя обнаружил, что сидит с недочищенной картошкой в руке.

Вот так сосед!

— Мальчики, — обратился к братьям сосед, — а где вы учитесь?

— Я весной закончил педагогическое училище, — ответил Вася. — А Володя перешел на третий курс.

— Ребята, — обрадовался сосед, — тогда вы, наверное, сдавали зачет по детской литературе?

— Это у Володи был зачет, — ответил Вася. — А я по детской литературе сдал госэкзамены.

Володе показалось, что сосед обрадовался еще больше: он прищурил припухшие веки, приложил ко лбу руку козырьком, словно ему мешал яркий свет, и заговорил негромко, отрешенно и певуче:

«А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твое яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома куда глаза глядят»...

Он читал долго, не сбиваясь. Наконец остановился и спросил у братьев:

— Мальчики, а из какой это книги я читал?

— Вы прочли из «Голубой чашки», — ответил Вася, слегка обиженный пустяковостью вопроса.

— А кто написал «Голубую чашку»? — поинтересовался сосед.

— Не знаете? — спросил Володя и укоризненно покачал головой, хотя ему показалось странным: помнит наизусть целые страницы, а кто сочинил, не знает. — Гайдар, вот кто!

— Да ну, — искренно удивился сосед. — Первый раз слышу. Судя по фамилии, он, видимо, родом из Кабардино-Балкарии или даже из Турции?

— Из Арзамаса он, — не выдержал Володя. — Настоящая фамилия его Голиков. Писатели часто перефамиливаются.

Володя обратил внимание: в комнате воцарилась тишина, которую нарушало лишь гулкое щелканье ходиков. На лицах гостей появились едва приметные улыбки. И в этой тишине, неторопливо оглядев веселыми, даже озорными глазами сперва довольного своим ответом Васю, а потом снисходительного Володю, Аркадий Петрович произнес:

— Вот я и есть Гайдар.

Но Володю было трудно провести.

— А если я помню наизусть, — сказал он, — «Капитанскую дочку», значит, я Пушкин?

Комната взорвалась хохотом. Сосед обиженно отвернулся. Володя его даже пожалел: «Шутил человек для веселья».

— Не серчайте, — извинился Володя. — Я и на уроках, бывает, сболтну.

— Ладно уж, — со скорбным видом согласился сосед. — Пошутить нельзя? — Он разжал руку и положил рядом с Володиной недоеденной картошкой темно-красную сафьяновую книжечку.

«Союз писателей СССР» — было выведено золотом на обложке. В Володе что-то екнуло. Снова все глядели на него. Неловкими пальцами, которые начали мелко дрожать, Володя раскрыл удостоверение. В левом нижнем углу он увидел фото соседа.

— «Гайдар-Голиков Аркадий Петрович», — прочитал Володя вслух. На фотографии сосед был в такой же гимнастерке, что и сейчас.

— Верно, — растерянным голосом добавил он. — Здесь подпись Максима Горького.

— А теперь, гражданин, — официальным тоном заявил Гайдар, — предъявите документ, что вы — Пушкин!

От хохота звякнули чашки на столе и поплыла над головой лампа. Володя сперва хотел обидеться, но вовремя догадался, что смеются не над ним: радуются поводу повеселиться.

Гайдар смеялся, благодарно переводя глаза с Васи на Володю. Аркадий Петрович снова попробовал уложить на место Володины вихры и сказал с теплотой в голосе:

— Спасибо, ребята.

Сквозь призму ошеломительного открытия Володя заново постигал все детали облика соседа: пустые петлицы (зачем ему шпалы, ведь он писатель!). Немного косо привинченный орден. Неровно выбритые (без зеркала?) щеки. Крупный рот с особенно полной нижней губой. Нос с широкими ноздрями, которые дрожали и раздувались, когда он смеялся. И припухшие от простуды и недосыпания глаза. И еще Володя заметил: через правое плечо шла широкая, бережно расправленная лямка от противогаза, который висел у Гайдара на боку.

И Володя спросил первое, что пришло в голову:

— А правда, что «Школу» вы написали про самого себя?

— Не совсем. Но предположим, — Гайдар ждал, что последует за этим.

— Но в «Школе» Бориса ранят, значит, вы в гражданскую тоже были ранены?

— Три раза, — кивнул Гайдар. — В последний раз мне снарядом оторвало челюсть.

Ребята с недоумением поглядели на Аркадия Петровича: морщинки под глазами. Ямочки на

щеках, когда улыбался, но никаких следов тяжелого ранения.

— Вот же она у вас, — показал рукой Володя, испытывая желание прикоснуться к лицу Гайдара.

Аркадий Петрович неуверенно потрогал свой подбородок, пальцы его быстро, словно в чем-то убеждаясь, ощупали челюсть с обеих сторон.

— Это уже в госпитале мне ее пришили платиновой ниткой. Чтоб крепче держалась.

Ребята недоверчиво улыбнулись. Гости следили за новым диалогом-поединком. Но глаза Аркадия Петровича на этот раз были абсолютно серьезны. И только зрачки чуть прикрыты ресницами.

— Особенно долго хирург возился с левой стороной. Здесь еще можно нащупать металлические стежки. — И Аркадий Петрович показал пальцем, в каком именно месте.

Володя не выдержал, прикоснулся к щеке.

— Ничего нет, — заявил он и недоуменно посмотрел на Аркадия Петровича.

— Значит, платиновая нитка рассосалась.

Тут уже вовсю смеялись и мама, и отец, и Вася, и сам Гайдар, у которого на глазах появились слезы.

«Что поделаешь, — думал Володя, — на то он и писатель, чтоб выдумывать». И шепнул:

— А пойдемте к нам в комнату. Там лежанка. Вам будет тепло. Хотите?

Откровение

Володиной и Васиной комнатой считался закуток за печкой. Здесь стоял небольшой столик, висела книжная полка. В доме берегли керосин, закуток освещался отблесками лампы под потолком. Зато сюда выходила стенка русской печки с лежанкой.

Аркадий Петрович сбросил сапоги, нащупал ладонью, в каком месте кирпич погорячее, отстегнул пояс с револьвером, не снимая, пристроил рядом сумку и, блаженно вздохнув, улегся на спину, согревая простуженные легкие. Вася подложил Гайдару под голову подушку, а Володя накрыл писателя полушубком и наткнулся на сумку.

— Да выбросьте вы свой противогаз, — сказал он. — Другие военные давно выкинули.

— Противогаз я тоже выбросил, — ответил Гайдар. — А в сумке ношу бумаги.

Володя доверительно шепнул:

— Секретные?

— Нет. Просто записи, которые мне понадобятся для работы.

— А как вы работаете? — спросил Володя. И сердце его замерло в ожидании тайны, которая сейчас откроется.

— Очень просто. Беру чистую тетрадку. Вожу по страницам карандашом. Если грифель ломается, я его затачиваю ножичком.

Часа, проведенного за ужином, оказалось для

Владимир Швайко, адъютант Гайдара.

Володи достаточно, чтобы понять, какая неуловимая грань отделяла серьезное в речах Гайдара от розыгрыша. И он сам пошел в наступление:

— А слабо вам показать свою тетрадку?

— Зачем? — удивился Гайдар.

— Хочу посмотреть, много ли у вас ошибок.

Гайдар засмеялся. Он оценил и проницательность и смелость мальчишки, подвинул к себе сумку, откинул матерчатую крышку и протянул тетрадь. Володя взял ее двумя руками и раскрыл.

Он различил только бледные, почти налезающие друг на друга линии мелких строк.

— Побереги глаза, — посоветовал Аркадий Петрович.

— Я и в полной темноте читаю, — ответил Володя, понимая, что, только отшучиваясь, он может продлить то необыкновенное, что сейчас происходило: на самом деле он ничего не мог прочесть. Следы жесткого карандаша поистерлись и от влаги размылись. Для постороннего глаза текст был совершенно неразборчив.

— Как же вы сами-то читаете? — спросил Володя.

— Я не читаю, — ответил Гайдар. — Я только пишу.

— А когда вернетесь в Москву?

— И в Москве не стану читать. Видишь, везде поставлено число? Взгляну: «4 октября». Подумаю: что же я 4 октября записал? И вспомню.

Братья засмеялись.

— Нет, серьезно, — басовито произнес Вася.

— Каждый человек знает свою руку, — ответил Гайдар. — Поэтому любые свои каракули я читаю легко. Когда попаду домой, передиктую тетрадки на машинку. У меня появится несколько экземпляров. Один я разрежу по эпизодам. И сделаю подборку: эпизоды про детей, бойцов, партизан...

— И что же вам это даст?

— Все будет зависеть от того, над чем я соберусь работать. Если над очерком для газеты, то одного-двух эпизодов вполне хватит. И я напишу, быть может, сто очерков и пятьдесят рассказов.

— Так много! — не выдержал Володя.

— Это не много, — ответил Аркадий Петрович. — А если соберусь делать большую книгу... Понимаешь, в очерке можно просто рассказать о том, что рядовой Иванов привел «языка» и был отмечен медалью «За отвагу». Но если я захочу сделать Иванова главным героем повести, то этих сведений будет недостаточно. Тогда я вспомню, что сын лесника Володя умеет читать в темноте и даже в беззвездную ночь видит в лесу на сто метров. И наделю этой способностью рядового Иванова. А еще я найду страничку про сержанта Петрова. Он левой рукой бросал гранаты на тридцать пять метров. Когда сержант был ранен в правое плечо и остался один, гитлеровцы решили взять его голыми руками. А он зубами выдернул чеку и уложил их гранатой. Рядовой Иванов сделается похож на самого себя, на Володю и на сержанта Петрова. И тогда придется дать ему новую фамилию — Тутышкин, Свекольчук или Селедкин...

— Селедкин, — залился Володя, а Вася просто улыбнулся.

— Селедкин, — подтвердил Аркадий Петрович, смеясь одними глазами. И, немного выждав, добавил: — Или назову его... Тимур.

— Но это же будет неправда, — пугаясь своих слов, произнес Володя. — Тимур — маленький. Просто еще парнишка.

— Вы с Васей тоже еще просто парнишки, — ответил Гайдар, беря с колен Володи свою тетрадку и заталкивая ее в сумку, — а стоите на часах, охраняете дом. И еще неизвестно, что вам предстоит.

Гайдар снова закашлялся. Володя кошкой спрыгнул с печки и возвратился с кружкой остывшего чая. Аркадий Петрович торопливо выпил.

Пистолет системы «вальтер»

— А покажите еще, где подпись Горького, — попросил Володя.

Аркадий Петрович снова расстегнул карман гимнастерки, который оттопыривался, и вытащил сперва за плоский ствол маленький никелированный «вальтер» с костяными «щечками» рукоятки, а потом сафьяновую книжечку.

У Володи с Васей перебывало в руках немало всякого оружия — трофейного и нашего. И приметив крошечный «вальтер», пригодный лишь для стрельбы на малое расстояние, Вася усмехнулся:

— Зачем вам этот пистолетик? У вас же есть «парабеллум».

— «Парабеллум», — ответил Аркадий Петрович, — для врага. А эта игрушка, — показал он на «вальтер», опуская его обратно в карман, — для себя. В окружении всякое может случиться.

Гайдара все считали скрытным. На самом деле фронт сделал его просто молчаливым. И в сегодняшней откровенности были повинны горячий чай, жаркие кирпичи лежанки и простодушное обаяние умных, любознательных мальчишек. Что бы о нем ни думали и ни говорили, только с детьми он чувствовал себя вполне раскрепощенно, понимал их и надеялся, что они понимают его.

...Володя вернул билет с тиснением «Союз писателей СССР». Гайдар застегнул карман, который снова оттопырился, и устало прикрыл глаза.

Вася спрыгнул с печки, а Володя остался сидеть. Лишь в этот миг он осознал, что праздник появления Аркадия Петровича у них в доме означал смертельную опасность для Гайдара и всех гостей. И никелированный «вальтер», оттягивая карман, десятки раз на день напоминал писателю о своем суровом предназначении.

Володе с его подвижным воображением ничего не стоило представить: вот он сидит на печи. Гайдар, повернувшись на бок и натянув полушубок, дремлет рядом. За столом — неторопливый говор и позвякивание посуды. Вдруг вбегает в комнату Вася и кричит:

— Усадьбу окружают!

Гости, схватив оружие, оказываются кто возле окон, кто возле дверей. Володя лезет в подпол — не прятаться, а достать утаенные от родителей две гранаты и жестяную банку, полную винтовочных и пистолетных патронов. Свет в комнате уже не горит. Стекла выбиты. Внутренность дома на короткие миги освещается огнем из винтовочных и револьверных стволов. Володя подползает к Гайдару, который стоит возле окна и неторопливо стреляет из «парабеллума».

— Аркадий Петрович, — шепчет Володя, протягивая свой боевой запас.

— Молодец, — хвалит Гайдар, беря из Володиных рук и тут же кидая в окно гранату. — Ложись!

Но бой становится все ожесточеннее. И, подозвав Володю, Гайдар в темноте что-то сует ему в ладошку. При вспышке выстрела Володя успевает разглядеть тяжелый овал с фигурками рабочего и крестьянки.

— Доставишь в Москву, — слышит он голос Аркадия Петровича, — отдашь только в руки Михаилу Ивановичу Калинину.

Барабанщик

О первом появлении Гайдара в доме лесника мне поведали трое: Анна Антоновна, Леля и Василий Михайлович Швайко, встреча с кото-

— Зачем вам этот пистолетик? — усмехнулся Вася.

рым нам еще предстоит. От них же я услышал: в тот же день, когда Аркадий Петрович, выздоровев, вернулся к шалашам, из лесу часа в три пополудни прибежал Володя. «Ховайте еду — немцы!» — крикнул он с порога матери и побежал прочь.

Группа Орлова находилась от хаты Швайко километрах в четырех. И уже Александр Дмитриевич рассказывал мне, что Володя появился возле шалашей без единой кровинки в лице. Остатков воздуха в легких хватило только на одно слово: «Немцы!»

Гайдар оказался поблизости.

— Сколько? — спросил он. — Триста, двести, сто?

Володя сделал два круга по полянке. Лишь после этого смог ответить: «Сто с гаком!»

— Значит, не больше пятидесяти, — понял Гайдар. — Где ты их видел?

— Идут от Хоцек. Отец послал меня с поручением. Я побежал тропками. Услышал скрип тележных осей и неразборчивые голоса. Двинулся на шум. Вижу: подводы покрыты пятнистым брезентом. А по бокам охрана. Я вообще-то слышал, что они говорят. Но в училище я не больно-то жаловал нашу учительницу немецкого. И вот как назло ничего не понял, — виновато закончил он.

— Эх ты, — упрекнул его Гайдар.

...Орлов напомнил мне, что за короткий срок Володя успел предупредить их об опасности трижды. Каратели ни разу не застали лагерь у шалашей врасплох. Это не могло быть случайностью: Володя охранял отряд. Видимо, он хорошо знал обстановку в селах и дежурил на опасных направлениях. Вот за что Володе было позволено в любое время приходить к шалашам. И с юным разведчиком крепко подружился Гайдар. У Володи с Аркадием Петровичем состоялось несколько долгих бесед. О чем? Этого мы уже никогда не узнаем...

Однажды Аркадий Петрович дал братьям важное задание: пойти в Лепляву и установить наблюдение за понтонным мостом через Днепр. Важно было выяснить, сколько солдат охраняет переправу, часто ли они меняются.

Аркадий Петрович разрабатывал план налета на Каневский аэродром. Гарнизон Канева был невелик. А в партизанском отряде имелись летчики. И Гайдар считал вполне реальным захватить один или два транспортных самолета, на которых до полусотни окруженцев смогли бы перелететь через линию фронта.

— Если вас задержат, — наставлял Аркадий Петрович братьев, — скажите, что идете к товарищам в Лепляву. Имена помните? Если вас спросят, зачем вы крутитесь возле переправы, отвечайте, что мамка просила узнать, пускают ли по мосту на Каневский базар, потому что ей нужно продать поросенка, — и дал ребятам свои часы.

Братья доставили нужные сведения, но осуществить налет на Канев Аркадий Петрович не успел...

Упущенные возможности

Знал ли Володя, что Гайдар оставил свои рукописи Михаилу Ивановичу? Вполне допускаю, что знал: адъютант виделся со своим командиром не только дома за ужином. У Гайдара и его ординарца имелось условленное место в лесу. Во время любой встречи Аркадий Петрович мог сказать:

— Володя, я сегодня отдал твоему отцу свои тетрадки. Присматривай за ними. Если останусь жив, они мне пригодятся.

Знал ли Володя, где отец прячет доверенные ему документы? Сам лесник Михаил Иванович расположение тайника никому из близких сообщить не успел. Но Володя был нетерпелив. Он мог из любопытства пойти неслышным индейским шагом следом за отцом.

Первым подтверждением Володиной осведомленности служит фраза, оброненная им в разговоре с матерью: «Понадобится — найдем». И на глубокие размышления наводит одно Володино письмо, у которого необычная предыстория.

Как мы помним, в 1942 году сначала Васю Швайко, а потом и его младшего брата полицаи отправили на каторгу.

Освободила Володю в 1944 году Советская Армия (брат его вырвался из плена в 1945). Володя тут же записался добровольцем.

Володя — солдат. В батальоне уже объявили, что завтра — наступление. До первого в жизни боя — всего несколько часов. Что же делает в эти первые и, возможно, последние часы перед боем рядовой В. Швайко? Он отыскивает тихий угол и пишет... в Москву. Письмо сохранилось. Вот оно:

«Москва. Союз Советских писателей.

Дорогие товарищи!

Очень прошу сообщить мне о судьбе... Аркадия Гайдара. Я был его близким другом в 1941 году в октябре месяце.

Во время оккупации немцами города Киева... писатель т. Гайдар находился неподалеку от Киева, откуда попал в наши леса вместе с частями Красной Армии. Тут я с ним и познакомился.

Здесь Аркадий Гайдар связался с нашим местным партизанским отрядом. В отряде он находился более, чем месяц. В ноябре... на одном озере вместе с начальником этого отряда они попали в плохое положение, но, по некоторым данным, т. Гайдар прорвался через вражеское окружение и скрылся. Дальше его действия мне уже неизвестны.

Находясь в нашем лесу, Аркадий Гайдар просил меня после прихода Красной Армии написать Вам. Прошу написать мне, может быть, Вам известно что-нибудь о нем.

В. Швайко» [1].

---

[1] Письмо печатается впервые.

В Володиной версии того, что произошло с Гайдаром, отчетливо проступают отзвуки двух трагических событий:

1. 26 октября 1941 года пятеро партизан на окраине Леплявы нарвались на засаду. Один человек погиб, остальные прорвались «через вражеское окружение».

2. В начале ноября 1941 года «начальник партизанского отряда» Горелов и два его товарища действительно попали «в плохое положение»: их выследили, схватили и казнили.

Предполагал ли Володя, что Аркадий Петрович погиб? Да. Ведь только «по некоторым данным» Гайдар прорвался и скрылся. Следовательно, существовали и другие сведения. Но Володя еще надеется. В коротком письме (одна страничка!) он дважды просит сообщить ему «о судьбе Аркадия Гайдара». Вопреки слухам он хочет верить, что писатель жив. А кроме того, Володе, видимо, нужно отчитаться в оставленных ему поручениях. Одно из них рядовой Швайко выполнил с быстротой бесподобной. «Аркадий Гайдар просил меня, — говорится в его письме в Союз писателей, — после прихода Красной Армии написать Вам». Вряд ли эта просьба была единственной.

Из Москвы Володе ответили: по имеющимся сведениям, Аркадий Петрович погиб и попросили подробнее рассказать о пребывании писателя в партизанском отряде. Но от Володи больше не поступило ни строчки. Возможно, письмо не дошло до него. Возможно, он не увидел смысла в дальнейшей переписке: самого Гайдара в живых уже не было. И допустил ошибку.

В Москве каждое слово о Гайдаре внимательно изучалось. Во втором письме Володя мог упомянуть о бумагах, которые Аркадий Петрович оставил в их доме, или хотя бы о тайнике отца. На эту подробность, собираясь в Лепляву, обратил бы внимание Башкиров. Он не преминул бы расспросить Анну Антоновну. И Володю отозвали бы с фронта для поиска.

...Воевал Володя храбро. Он стал разведчиком. За год с небольшим был ранен пять раз. После войны, живя и работая во Львове, он был частым гостем в библиотеках. В 1951 году из печати вышел сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». В нем впервые был напечатан отчет А. Ф. Башкирова с рассказом о том, что после гибели Гайдара пропала его сумка.

Но Володя эту книгу так и не увидел. И никто ни разу его не спросил: «Извините, а лесник Швайко, с которым в окружении встречался Гайдар, вам не родственник?»

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя

Нина ГНЕВАШОВА
живет в селе Пектубаево
Марийской АССР. Ей 14 лет.

Пионерское лето

Звонким смехом лагерь отзывается,
Лето пионерское в разгаре.
В речке чистой лагерь искупается,
А потом на солнце загорает.
Небо голубое-голубое,
Даль его лазурная ясна.
Лето окунулось с головою
В эти голубые небеса.

*

Стихи Андрея ШАНИДЗЕ,
восьмиклассника из Москвы.

Вокруг так много солнца!

Как весело:
Вокруг так много солнца!
И светлая река зовет
и дарит нас своей прохладой.
Зеленый холм смеется
И держит на себе
коров тяжелых стадо.
А вот полыни горький куст.
Не горек он,
А весел и упруг
И счастлив ветру.
Как хорошо!
Ужель, как взрослым стану,
Пройдет все это?
Не может быть!
Ведь не исчезнет солнце,
А светлая река не пересохнет
В прохладе берегов
своих песчаных.
Подумать только!
Я живу в Москве,
А многие ее не видели ни разу,
С ее проспектами,
домами, и метро,
И Пушкиным
на черном пьедестале...

Юля СОБОЛЕВА
живет в городе Конаково
Калининской области.
Вот что она однажды увидела
в теплый летний день...

* * *

Жеребенок усталый
Прикорнул на лугу.
Сразу тихо все стало,
Все молчит, ни гу-гу.

Приумолкли кузнечики,
И жуки не гудят.
«Тихо, спит жеребенок!—
Будто все говорят.—

С ветром бегал он взапуски
И его обогнал!
Не шумите, пожалуйста,
Жеребенок устал!»

*

Сереже ПАРХОМЕНКО 13 лет.
Он живет в Москве, учится в шестом классе.
Рассказы пишет уже два года.

«Не выйдет из меня артиста!»

Рано утром раздался звонок. Я открыл дверь. На пороге стояли трое. Все мои друзья. Два из них братья: Андрон и Славка. Хоть они и братья, но совершенно не похожи друг на друга. Один длинный и тощий (это Славка), а другой толстый и низенький. У Славки нос, как у орла, а у Андрона — пуговкой.

Третий, Митька, настоящий верзила, выше меня на голову (это при моих-то 142 сантиметрах!).

Час спустя мы мчались к Славке и Андрону на дачу. Был настоящий летний день. На небе ни облачка, листья клена трепещут, как будто собираются оторваться от дерева и улететь в далекое путешествие. А если посмотреть вдоль асфальта, то кажется, что все машины плывут по глубоким лужам, которые подрагивают и дымятся.

Чуть только мы приехали, сразу взяли лукошки и отправились на «россыпи», как Славка называл грибные места. Мы шли, непринужденно болтая. И вдруг я наткнулся на такое... Это была мечта всех грибников — боровики. С очень толстой ножкой и маленькой шляпкой. Их было много. Я с наслаждением срéзал первый гриб. Он тихо скрипнул и упал на траву, как поверженный воин. Я предвкушал, как похвастаюсь перед друзьями своим «уловом». И тут почувствовал что-то неладное: ребят рядом не было. Я был совершенно один.

Я крикнул. Молчание. Через десять минут я уже орал как резаный.

Лес сразу показался мне страшным. Каждый куст — чудовище, готовое к нападению. Я пошел по своим следам. И вдруг почувствовал чье-то дыхание за спиной. Я резко повернулся. Никого. Пошел дальше. И тут кто-то тронул меня за плечо. Я повернулся. Передо мной стоял низенький, толстенький... индеец! Я это сразу понял. Я слишком много раз перечитывал «Зверобоя», чтобы его не узнать! Голова индейца была вся утыкана перьями, в руке он держал бамбуковое копье с железным наконечником. Вся одежда его состояла из красной тряпки, обернутой вокруг бедер.

Прежде чем я успел подумать, откуда здесь индейцы, пришелец кончиком копья подцепил мое лукошко и с видом знатока перебрал содержимое. Потом сказал: «А-бо-би-бу-бом!» и концом копья повернул меня к себе спиной.

Я увидел еще двоих индейцев. Они были тоже густо утыканы перьями, на груди у них было что-то намалевано. У одного бедра были повязаны зеленой тряпочкой, а у другого повязка была желтая, в веселенький синий горошек. В руке у одного была дубинка, а у другого — железный топорик. В общем, я забыл, как он называется, но помню, что в случае мира его полагается закапывать в землю.

«Блюм-бум-бурм-блюм-бум-бум!» — сказал индеец с дубинкой. Они выстроились вокруг меня, и мы пошли... Мне было страшно. Я шел и думал, как маме грустно будет узнать, что меня растерзали кровожадные индейцы.

В этот момент появилась оса... Оса была большая, желтая, она жужжала очень громко и сразу стала кружиться вокруг индейца с топориком. Он отмахивался, но оса не отставала. Наконец, она села индейцу на щеку. Тот шлепнул себя по щеке. Осу он не убил, но взвыл от боли. А когда отнял руку от щеки, то она оказалась измазанной краской. На щеке предательски белело пятно, не замалеванное этой самой краской...

Индеец с копьем воткнул его в землю и оглушительно захохотал. Второй последовал его примеру. Индеец с топориком, послюнявив пальцы, стал изо всех сил тереть лицо, а потом сорвал набедренную повязку. Под повязкой оказались плавки, а под краской, конечно, Славка!

Мне тоже стало весело. Я засмеялся вместе со всеми.

А Славка погрустнел. Он сказал: «Не выйдет из меня артиста!»

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Скажи, пожалуйста, с кем Пржевальский совершал свои путешествия?

Ученик. С лошадью.

Лариса Рубинцева, г. Волгоград.

* * *

Учитель. Наташа, скажи, в каком климатическом поясе расположена Африка?

Наташа. В африканском...

Лена Ш., г. Волжский.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Что хотел сказать Фонвизин своей комедией «Недоросль»?

Ученик. Не хочу учиться, а хочу жениться!

Марина Казачкова, г. Ленинград.

НА УРОКЕ БИОЛОГИИ

Учитель. На каком уровне вода в сообщающихся сосудах?

Ученик. На уровне океана.

Лена Рыжова, с. Заплавное, Волгоградская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Назови пример раздельного написания «не» с глаголами.

Ученик. Не знаю...

А. Козина, Башкирская АССР.

НА УРОКЕ АНАТОМИИ

Учитель. Миша, какие ткани ты знаешь?

Миша. Шелк, кримплен, шерсть.

Ира Григорьева, г. Бектимир.

ПИНГ-ПОНГ

«Дорогая «Переменка»! Я поссорился с другом и хочу помириться, хотя считаю, что он виноват, а я не виноват. А ты как считаешь?»

Толик Т., г. Болшево

— Мы считаем, что скорее всего виноват тот, кто виноват. А тот, кто не виноват перед тем, кто виноват, не виноват, так как виноват не он, а другой, который виноват. Вот.

«Я хочу что-нибудь коллекционировать, но не знаю что. Посоветуй что-нибудь, а то я все время об этом думаю и получаю двойки...»

Нина Л., г. Архангельск.

— Двойки коллекционировать не стоит. Займись коллекционированием четверок по математике и пятерок по русскому языку.

В пинг-понг с вами играл Ярослав ХАРЕЧКО.

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

«Владивосток — это город-порт, куда приходят торговые поезда».

«Илья Муромец ничего не делал, только дрался с Соловьем-разбойником».

«На лугу пасутся козы, коровы вперемешку с телятами и пастухом».

«Что стоишь, как вопросительный столб?»

«Рядом с библиотекарем стояло кресло и пальто».

«В разговоре с чиновниками Хлестаков был мелким, как микроб».

«В углу стоит шифоньер, а за ним идет книжный шкаф».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Мне открылся мир поэзии

Однажды мне принесли тоненькую книжку. На бумажной обложке ярко-синее небо, желтые и красные купы деревьев, вдали лес, ближе домики деревни, по дороге ребятишки с портфелями бегут в школу. «Осень»,— прочитала я название книжки. А в фамилию автора, напечатанную выше черными незаметными буквами, я и не вглядывалась тогда...

Открыла я не первую страницу. Читаю: «Рябина».

На тропинке — тень,
Солнечная сетка.
Через тын, через
плетень
Свесилась ветка.
Прибегу, прискачу,
На носках привстану,
Ветку за косы схвачу,
Ягоды достану.

Непонятно! Как это тень — и солнечная сетка? Тень — значит темная, а солнечная сетка — это же свет! И «тын», «плетень» мне, горожанке, незнакомые, новые слова. Бегу к маме.

«Посмотри, тут картинка,— говорит она.— Помнишь, в Вострякове такой же забор?»

И вдруг мгновенное озарение: знакомая востряковская рябина у «плетня», от ее листьев — узорчатая тень на дорожке, и получается солнечная сетка! Я все это увидела, ощутила в своем воображении. До сих пор стихи, которые я читала, были ясные и понятные. А тут какой-то другой, с перебоем, «с прискоком» ритм и слова, от которых ярко вспыхивают воспоминания: горьковатый и терпкий запах теплого осеннего воздуха, настоянного на рябине, и тень — солнечная сетка, будто ожившая под ногами,— это ветерок подул, и затрепетали ветки рябины. И я, девчонка, веселая, в солнечном настроении, прибежала, прискакала, схватила за косу ветку и достала ягоды, чтобы нанизать их на нитку.

И вот эта радость узнавания, даже не просто радость — ликование, счастье от прочитанного запомнились мне навсегда.

Так замечательный детский поэт-лирик Елена Александровна Благинина впервые раскрыла мне мир истинной поэзии.

Книжку «Осень» я читала и читала много раз подряд. И всегда находила для себя что-то новое.

Если встанешь на заре,
Крыши в сером
серебре,
Длинно тень ложится,
Долго лист кружится.

Меня поражал ритм, «Длии-нно тень ложится, до-олго лист кружится» — не только смысл слов, но и ритм помогал увидеть, какая длинная тень и как долго кружится лист.

Ветер облако пасет,
Петя яблоко несет...

Здесь у каждого слова есть рифма: «ветер» — «Петя», «облако» — «яблоко», «пасет» — «несет». А слова «облако» и «яблоко» показались мне тогда какими-то круглыми, даже во рту не умещались, и мысленно, я видела: пушистое облако плывет по небу, подгоняемое ветром, день солнечный, у Пети в руках «золотое, смуглое» яблоко, и вон их, яблок, сколько на траве под яблоней.

И еще было что-то в этой книжке. Поэт ведет от одного стихотворения к другому, как бы не давая «застрять» на одном настроении. Сначала грустно: «Галки стынут на ветру»... И если «в обед совсем теплынь — пахнет горькая полынь, тянет медом, мятой и травой примятой», то «это-

му не верь... Осень все-таки теперь!» А на следующей странице — веселая «Урожайная»: «Пышет жаром из печи, на лопате деревянной едет хлеб на кирпичи». Печь остывает, хлеб испекся. «Ой, какой же он высокий да поджаристый!»

А дальше мои самые любимые стихи — «Улетают, улетели»:

Скоро белые метели
Снег подымут от земли.
Улетают,
улетели,
улетели журавли.
Не слыхать кукушки в роще,
И скворечник опустел.
Аист крыльями полощет,
Улетает,
улетел.
Лист качается узорный
В синей луже на воде.
Ходит грач с грачихой черной
В огороде
по гряде.
Осыпаясь, пожелтели
Солнца редкие лучи...
Улетают,
улетели,
улетели и грачи!

Грустно. Щемяще, прощально грустно. Прощаешься с летом, с птицами, предчувствуешь промозглый холод поздней осени. Но поэт не дает погрузиться в тоску.

На следующей странице я говорю дождику вместе с поэтом: «Можешь, серенький, стучать, мы уроки отвечаем и не думаем скучать... Да и как соскучишься, если в школе учишься?»

И вот уже «падает снежинка — легкая звезда. Ой, как насорила белая пурга!» Это пришла новая радость — зима. «Хитрые узоры выдумал мороз, из-за косогора солнце поднялось. Хорошо на свете! Ветер, лед, коньки! Эй, помчимся, ветер, наперегонки! Завился в колечки голубой дымок. Я летел по речке, ты догнать не мог...»

Прекрасно было в мире, подсказанном мне поэтом! Было грустно и было весело, озорно, как в жизни. Только надо увидеть все это, не пропустить. Не поддаваться тоске, скуке, а смотреть вокруг, искать дело, суметь обрадоваться...

Ощущение от книжки Е. А. Благининой я во всех подробностях помню до сих пор.

Когда я стала взрослой, жизнь подарила мне радость близко узнать Елену Александровну Благинину. Для меня она оказалась такой же, как я ее почувствовала в стихах: веселой и мудрой, грустной и лукаво-озорной, глубокой и доброй, верной в дружбе и необыкновенно душевно щедрой и чистой. Позволю себе вспомнить один случай.

Мы были в Крыму.

«Пойдем завтра слушать Баха»,— полушепотом, чуть лукаво, говорит Елена Александровна. И на рассвете следующего дня мы с ней присаживаемся на камни у маленьких пещер за Лисьей бухтой. Тишина. Только мерно ухает о камни прибой, отдаваясь разноголосым эхом в стенах пещер. Хор звуков, ритмичных и чуть меняющих рисунок, окраску.

И действительно, мне вспомнилась музыка Баха... Это маленькая тайна Елены Александровны, радость, которой она поделилась со мной, почти девчонкой. А сколько еще прекрасного открыла она мне и всем, кому распахнута ее душа! И в первую очередь, конечно, свои стихи.

У Елены Александровны юбилей, день рождения. Хочется поздравить любимого с детства поэта и вместе со всеми читателями «Пионера» еще раз почитать ее стихи.

И. ШУСТОВА

Рисунок А. БЕДИНОЙ

БЕРЕЧЬ ПРИРОДУ — БЕРЕЧЬ РОДИНУ!

Журналист Юрий КРУТОГОРОВ беседует с председателем президиума Всероссийского общества охраны природы, академиком, секретарем отделения лесоводства и агролесомелиорации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук Владимиром Николаевичем ВИНОГРАДОВЫМ.

Журналист. Несколько лет назад я побывал в степи под Херсоном, где, как поется в известной песне, «высокие травы».

Я ожидал увидеть обычную степь, мало радующую глаз. Но представьте мое удивление, когда на месте голой равнины без конца и края я увидел необъятный сосновый бор! Выжженная степь стала... зеленым лесом. Лесоводы преобразили этот уголок нашей страны. И в числе тех, кто привел сюда, в безбрежные степи, сосновый бор, был ученый Владимир Николаевич Виноградов...

Охрана окружающей природы, украшение земли стали для него главной заботой, делом жизни. Поэтому я и решил с ним поговорить о том, как новая Конституция СССР рассматривает проблемы, связанные с охраной природы.

Прошу вас, Владимир Николаевич...

В. Н. Виноградов. Ну что ж, готов охотно поговорить на эту тему. Охране природы в нашей стране уделяется огромное внимание. И ничего удивительного: природа — это воздух, которым мы дышим, это вода, которую мы пьем, это почва, на которой растет хлеб, это леса, моря, океаны, это растения, птицы и звери, без которых нет полной жизни для человека.

Охранять природу, обходиться с ней бережно, любовно, быть на земле разумным хозяином, а не расточителем — вот та главная мысль, которая пронизывает восемнадцатую статью новой Конституции СССР:

«В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды...»

Так гласит Основной Закон нашей страны. Видите, как далеко смотрит наше государство — охранять природу надо и в интересах будущих поколений! Попутно замечу: у нас есть законы об охране земли, водных и лесных ресурсов. Во всех наших союзных республиках приняты законы об охране природы — они строго соблюдаются, нарушение их карается.

В основе всех этих актов лежат ленинские идеи. Достаточно сказать, что принятый в мае 1918 года Основной Закон о лесах был подписан Владимиром Ильичем. Восстанавливать, умножать наши леса — вот на что нацеливал этот важный документ. Декретом от 21 ноября 1921 года были взяты под защиту леса Крыма, пострадавшие в результате варварской рубки. В сентябре того же года вышел декрет «Об охране памятников природы, садов и парков».

Журналист. Охрана памятников природы и сегодня всех нас волнует. Не могли бы вы, Владимир Николаевич, хотя бы на одном примере показать, что делается в этом отношении.

В. Н. Виноградов. Несколько лет назад мы узнали, что рощи вокруг Ясной Поляны, где жил Лев Николаевич Толстой, начинают засыхать. В чем дело, какова причина? Выяснилось: рядом находится Щекинский химический комбинат. Трубы его выбрасывают в атмосферу вредные газы. А лес живой, он дышит... Надо спасать Ясную Поляну!

И химическому комбинату пришлось принимать самые строгие меры — устанавливать новейшие аппараты, улавливающие вредные соединения, организовать производство так, чтобы заводские дымы были чистыми, безвредными. Это спасло яснополянские рощи от гибели.

Защита лесов — забота первостепенная. Недаром их называют «легкими городов». Леса — это огромная фабрика кислорода. И тут я хочу сказать об очень важной проблеме. Дело в том, что ежегодно в атмосфере кислорода становится меньше на несколько миллиардов тонн. Промышленность, транспорт забирают из воздуха очень много кислорода. Подсчитано, например, что реактивный лайнер при перелете из Америки в Европу за восемь часов расходует пятьдесят — семьдесят пять тонн кислорода, — столько же, сколько вырабатывают за то же время двадцать пять — пятьдесят тысяч гектаров леса. Вот почему мы должны особенно беречь нашего «зеленого друга». И здесь я хочу выразить особую признательность юным лесоводам страны, которые объединены в школьные лесничества. Юных друзей природы у нас около пятнадцати миллионов! Они охраняют существующие, сажают новые леса, делают зелеными степи, пустоши, укрепляют деревьями берега рек.

Журналист. Тем самым реки становятся полноводнее, сберегаются запасы пресной воды, не так ли?

В. Н. Виноградов. Совершенно верно. Это

очень серьезная проблема. Еще не так давно считалось, что запасы пресной воды неистощимы. Но во второй половине нашего века люди столкнулись с неожиданным явлением — недостатком пресной воды. И не в пустынях, а в районах, где всегда был избыток влаги. За последние десятилетия заметно мелеют водоемы, исчезают малые реки, высыхают озера, пруды.

А воды нужно все больше и больше. Так, на одного жителя в современном городе расходуется в среднем триста — пятьсот литров воды в сутки, на изготовление одного килограмма бумаги — сто литров воды, одной тонны цемента — пять тысяч литров, одной тонны стали — двадцать пять тысяч литров.

Вот почему так важна охрана, разумное использование водных ресурсов. Чтобы накопить запасы воды и лучше ее использовать, у нас строятся крупные гидроузлы. На Волге сооружены Иваньковский, Угличский, Рыбинский, Саратовский, Волгоградский гидроузлы. Это дало возможность направить волжские воды на орошение засушливых районов, обводнить пустынные пастбища Прикаспия.

Беречь воду, сохранять полноводные реки помогают леса. Вырубили деревья по берегу — и начинается обмеление. Необходимо строго охранять леса, которые растут по берегам водоемов. Этому мы уделяем большое внимание. Тут нет посторонних. Все должны охранять реки и озера.

Скажу и о том, что все меньше у нас становится предприятий, которые спускают сточные воды в реки и озера. На заводах или фабриках строятся очистные сооружения, вода в них фильтруется, очищается...

Журналист. Что делается в нашей стране для охраны животных, редких видов растений?

В. Н. Виноградов. Тут нас, скажу откровенно, еще многое тревожит. Сегодня в мире насчитывается более шестисот видов и подвидов млекопитающих и птиц, находящихся на грани истребления.

Международный Союз охраны природы и природных ресурсов ведет международную Красную книгу, в нее записаны эти виды. Такая же книга составлена Министерством сельского хозяйства СССР по нашей стране. Красная книга не только сигнал бедствия, который должны услышать все люди, но и программа работы по спасению редких животных и растений. Нередко сравнивают ее с красным сигналом светофора, оповещающим об опасности. Так вот, сегодня опасность грозит крупным морским животным: гладким китам, моржам, полосатикам, некоторым видам дельфинов...

Журналист. Какие редкие животные нашей страны включены в Красную книгу?

В. Н. Виноградов. Красный волк, бурый медведь, леопард, тигр, снежный барс, зубр, дальневосточный белый аист, черный и белый журавль, краснозобая казарка, реликтовая чайка и другие.

Есть и Красная книга растений СССР. В нее записаны: лотос, тис ягодный, пихта грациозная, бархатное дерево, кедр европейский, пихта камчатская, береза Медведева, женьшень, болотный вереск, ковыль камнелюбивый и другие.

У нас в стране сто двенадцать заповедников. В этих уголках нетронутой природы сохраняются природные ландшафты, естественные условия жизни растений и животных. Здесь очень хорошо изучать взаимосвязи между жизнью животных, растений и средой их обитания. Помню, об одном из таких заповедников, Тигровой балке, рассказал в свое время журнал «Пионер».

Да, заповедники — настоящие музеи природы, точнее, ее крепости. Так, например, в Астраханском заповеднике охраняется 6 видов редких растений, в Байкальском — 95 редких и 10 исчезающих видов. Есть надежда, что эти редкие цветы, травы, кустарники не исчезнут с лика Земли, будут переданы будущим поколениям. И гвоздика приднепровская и каспийский улар, чешуйчатый дятел и бересклет карликовый, дрофа-красотка и можжевельник высокий, среднеазиатская выдра и инжир колхидский — все они останутся на Земле...

Общество охраны природы делает много полезного, чтобы не загрязнялись реки, чтобы чист был воздух городов и сел. Мне приятно отметить: каждый пятый житель РСФСР — член общества охраны природы. Это верная гарантия того, что в интересах настоящего и будущих поколений, как об этом говорится в Конституции СССР, мы сбережем и сохраним леса, реки, луга, животный и растительный мир нашей Родины.

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО

Н. НАДЕЖДИНА

МАРШ СЛЕДОПЫТОВ

**Вы утром в поход поднимаетесь рано,
Горны играют и бьют барабаны.
Под барабанной дроби раскаты
Шагайте, ребята! Шагайте, ребята!**

**По этим же тропам в военное лето
Шагали такие ж, как вы, малолетки.
Отчаянные, тощие, босые —
Дети сражающейся России.**

**Вам фото покажут в глухой деревушке:
Мальчишка-разведчик, нос в конопушках,
Девчонка, посмевшая бросить гранату...
Смотрите, ребята! Смотрите, ребята!**

**Они защищали сурово и нежно
Мохнатую елку и синий подснежник,
Русской равнины бескрайнюю ширь,
Заводь, где шепчутся камыши,**

**Где птичье гнездо на сухой тростинке
И лебединая стая кувшинок.
Все это родное, что было им свято,
Храните, ребята! Храните, ребята!**

**Они не прожили короткое детство,
Они вам его завещали в наследство —
Свои недоученные уроки,
Стихов недочитанные строки,**

**Чтоб все, что доделать они не успели,
Доделали вы, домечтали, допели.
Их матерей, обожженных утратой,
Утешьте, ребята! Утешьте, ребята!**

**Нет больше земли, войной опаленной,
Подернулись гари травою зеленой,
Мелеет заросший кувшинками омут...
Но сердце все помнит, сердце все помнит!**

**И улетают птенцы, подрастая,
Тем же маршрутом, проложенным стаей.
Под алым, как галстук, стягом заката
Шагайте, ребята! Шагайте, ребята!**

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Матч начался

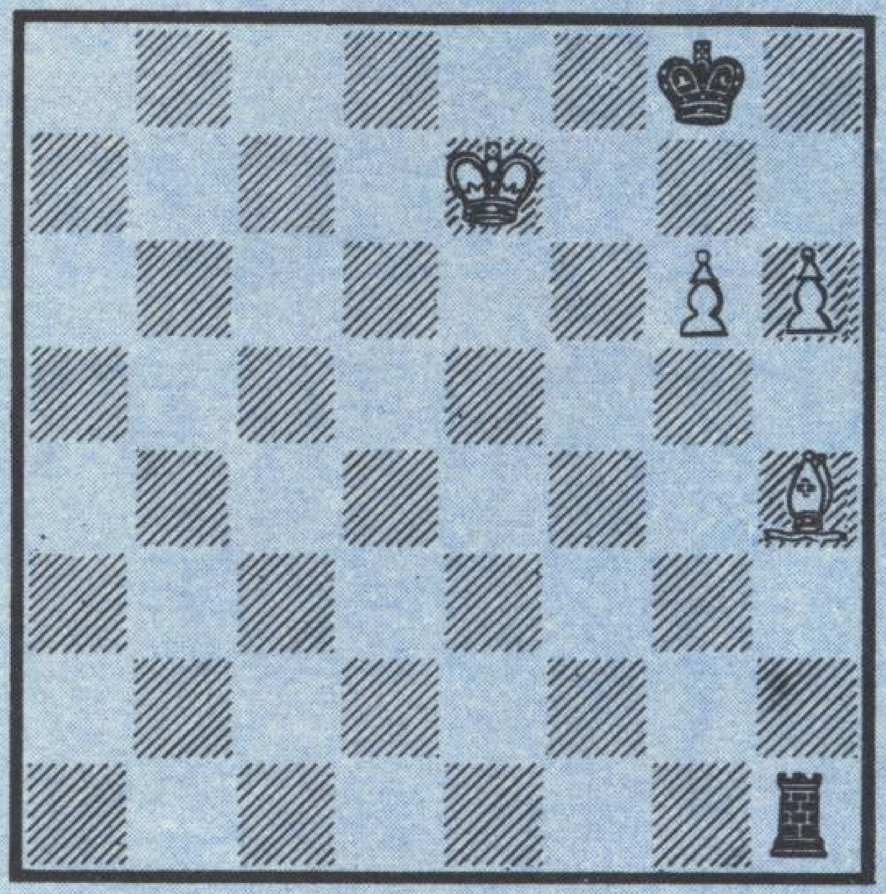
16 июля в городе Багио на Филиппинах начинается матч между А. Карповым и В. Корчным. Это двадцать восьмой матч. Такие соревнования проводятся уже 92-й год (первое было в 1886 году). Матч играется до шести побед. Чемпионом станет тот, кто одержит их первым. Ничьи не засчитываются.

Все ребята вместе с Пешкиным уверены, что Карпов — в истории шахмат он двенадцатый чемпион мира — и на этот раз продемонстрирует замечательное мастерство и отстоит свое почетное звание.

Успехов вам, Анатолий Евгеньевич!

В течение без малого века чемпионами мира были В. Стейниц, Эм. Ласкер, Х. Р. Капабланка, А. Алехин, М. Эйве, М. Ботвинник, В. Смыслов, М. Таль, Т. Петросян, Б. Спасский, Р. Фишер, А. Карпов. Из двенадцати шахматных королей семь представляли нашу страну.

Пешкин предлагает вам, ребята, решить этюд, составленный первым чемпионом мира Вильгельмом Стейницем.



Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, добиваются победы.

Сергей ИВАНОВ

В СТРАНЕ ПЧЕЛИНОГО ПЕНИЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Для дома, для семьи

Молодая, пушистенькая желтая пчелка рождается в тепле и холе. Она сыта, она защищена от врагов, о ней заботятся кормилицы.

Но вот она стала членом пчелиной семьи. И началась работа. От рождения до самой смерти.

Ползет, летит пчела по своей тридцатидневной жизни, меняет «профессию» за «профессией». И никто ей не скажет, а главное, она сама не скажет себе: «Слушай! Устала по горло! Отдохни!» Ничего подобного. Все заботы, заботы, дела.

Лев, осьминог или гусеница — словом, любое живое существо — «работают» только, когда они голодны. Лев, будь он даже самым свирепым во всей саванне, не станет бегать за антилопой, если желудок его набит мясом. И сытая корова тоже не сделает зря и шагу.

А пчела — в том-то и дело! — начинает работать сытая... Кстати, бывают такие редкие минуты, когда, например, строительнице нечего делать. В тот же миг она замирает на сотах, словно выключенный автомобиль. Теперь ни одна капля еды из зобика не попадет в желудок. Как у автомобиля: пока он стоит, ни одна капля бензина из бака не попадет в мотор.

Корм только для работы!

Когда мы видим, как собака про запас зарывает кость, мы говорим: «Во умная какая, понимает!»

А пчела все время собирает еду про запас. Причем не для себя, а для тех пчел, которые сейчас не пчелы, а только личинки. И даже для тех, которых нет еще вовсе, которые появятся в конце лета или будущей весной...

Сколько б ни накопилось в улье цветочной пыльцы и нектара, пчелы будут работать еще и еще. Иной раз в гнездах у диких пчел люди находили целые кладовые меда. Он был очень старый, слежавшийся, твердый. Его даже так и назвали: каменный мед.

Сколько же он тут хранился? И сколько нужно было бессчетных поколений пчел, чтобы накопить такие богатства?!

Для кого они?

Для семьи... Летняя пчелка, бывает, живет и меньше месяца. Пчелиная семья может прожить сто, двести и триста лет! Ученые знают такие случаи.

Матка

Неустанная работа, работа, работа. В улье, на поле, в саду. Так живет пчела.

Ну, а «пчелиная царица», матка? И она тоже трудится — ходит по сотам в окружении свиты

кормилиц и червит — откладывает яички: днем и ночью, днем и ночью... столько, сколько нужно семье...

Работать матке приходится много. Но все же ее положение в улье особое. «Царица» — это слишком, конечно. Но без нее не будет потомства. А значит, погибнет семья. Когда рой остается без матки, из улья слышно тоскливое и тревожное гудение. Опытный пасечник сразу узнает: «Пчела тужит».

В суровые зимы, когда пчелам — особенно лесным! — приходится туго, когда они греются, кое-как сбившись в плотный комок, последний кусочек тепла и еды будет отдан матке, чтобы семья продолжалась.

Сладкий день

Довольный Володя осматривает ульи. Достает рамки, полные меда. Пчелы жужжат, негодуют. Володя спокойно смахивает их «пером» — крохотным венчиком из гусиных перьев. Я вслед за ним качу тележку с «сушью» — это рамки, из которых мед выкачан, они пустые, сухие.

Мы достаем медовую рамку, а на ее место ставим в улей сушь, потом я под диктовку Володи делаю записи.

Саня в это время готовит медогонку. В машине этой ничего, кажется, хитрого нет. Но пока люди не додумались до нее, много они попортили и меда и сот. Раньше поступали так: выламывали соты и в какой-нибудь большой посудине ставили их на жар в печку. Таяли соты, воск всплывал буграми, а мед оставался внизу.

Здесь что плохо? Приходилось мед сильно греть. А он от этого теряет многие свои целебные свойства. Но еще хуже — испорчены соты. А сделать новые — это для пчел огромный лишний труд.

Как же работает медогонка? Представьте себе железный стакан в полчеловеческого роста. Внутри стакана еще один, поменьше. В него, в специальные прорези ставят рамки с медом. Крутишь ручку — меньший стакан вращается, мед из сотов выливается и стекает вниз, восковые соты целы.

Так мальчишки иной раз сушат трусы или майки. Возьмет мокрую майку и давай ее вертеть над головой. Конечно, брызги во все стороны... То же и в медогонке. Только медовым брызгам не дают разлетаться стенки большого стакана...

Мед, яд и перга

До чего же расчудесная штука этот самый «тепленький мед»! Съешь ложечку-другую — честное слово, добрее становишься!

Когда делали перепись населения всей страны, то решили узнать, кто такие долгожители: то ли живут в особых местностях, то ли у них особая профессия.

И узнали. Очень многие из тех, кто прожил сто лет и более, — это пасечники... А не оттого ли так долго они живут, что частенько приходится им пробовать теплый мед?

Но целебен не только мед. Целебен и яд. Лечение, правда, не из приятных. Лежишь и ждешь, когда в специальном приборчике к тебе поднесут рассерженную пчелу. Потом: «Ах! Ой!» Глядишь, однако, радикулита как не бывало.

Между прочим, и для тех, кто не слишком

«Пчелиная царица» ходит по сотам, окруженная свитой кормилиц.

смел, придумали пчелиный яд собирать. В улей ставят металлическую сетку, к которой подведены провода. Вот включена батарейка, по сетке идет слабый ток. Пчел это ужасно сердит. Они начинают жалить ненавистного врага, то есть просто выпускают на сетку яд. Ни пчелам, ни железу особого вреда от этого нет.

Потом сетку с мельчайшими капельками яда ставят в сушилку и аккуратно соскабливают порошок — сухой пчелиный яд. Теперь можно делать разные притирания, мази.

Конечно, дело это сложное и медленное. Пчелиный яд очень дорог.

Мед, яд. А еще перга — «пчелиный хлеб», его пчелы приготовляют из цветочной пыльцы.

Перга тоже целебна. Саня показал мне небольшую баночку с плотно пригнанной крышкой.

— Хочешь попробовать?

Я пожал плечами:

— Ну... давай...

Он отрезал кусок хлеба, тоненько помазал его маслом, сверху присыпал желтоватыми комочками перги...

Комочками, потому что пыльцу в улей пчелы приносят слепленную в комочки на задних лапах. При помощи специальной сетки можно у них эту ношу «счищать».

И вот Саня присыпал бутерброд щепотью перги, словно посолил:

— Ну, ешь!

С недоверием откусил я кусочек и... ничего не почувствовал. Просто хлеб и масло. Лишь потом я почувствовал слабый, но ясный и чистый запах цветов и тихую-тихую медовую сладость... Пчелиный хлеб.

— Все, — улыбнулся Саня, — больше болеть не будешь.

— Ну, спасибо на добром слове, Санек!

Старые ульи

Я сижу сейчас на задах нашей пасеки, на опушке березняка. Здесь у Сани лежат пустые старые ульи.

Придет осень, зима. Рабочие ульи — те, что с пчелами, — Саня уберет в зимовник, сухой и прохладный подвал. А сам займется на свободе старыми ульями — будет их осматривать, чинить.

Старые ульи пахнут медом и воском. Они чисты изнутри и крепки. Они лежат под дождями и под снегом, под градом и под весенней капелью. Но в них долго, а может, и никогда, не заведется никакой заразы.

В них ни единой щелки. Трещины все и швы надежно, накрепко промазаны прополисом — пчелиным клеем.

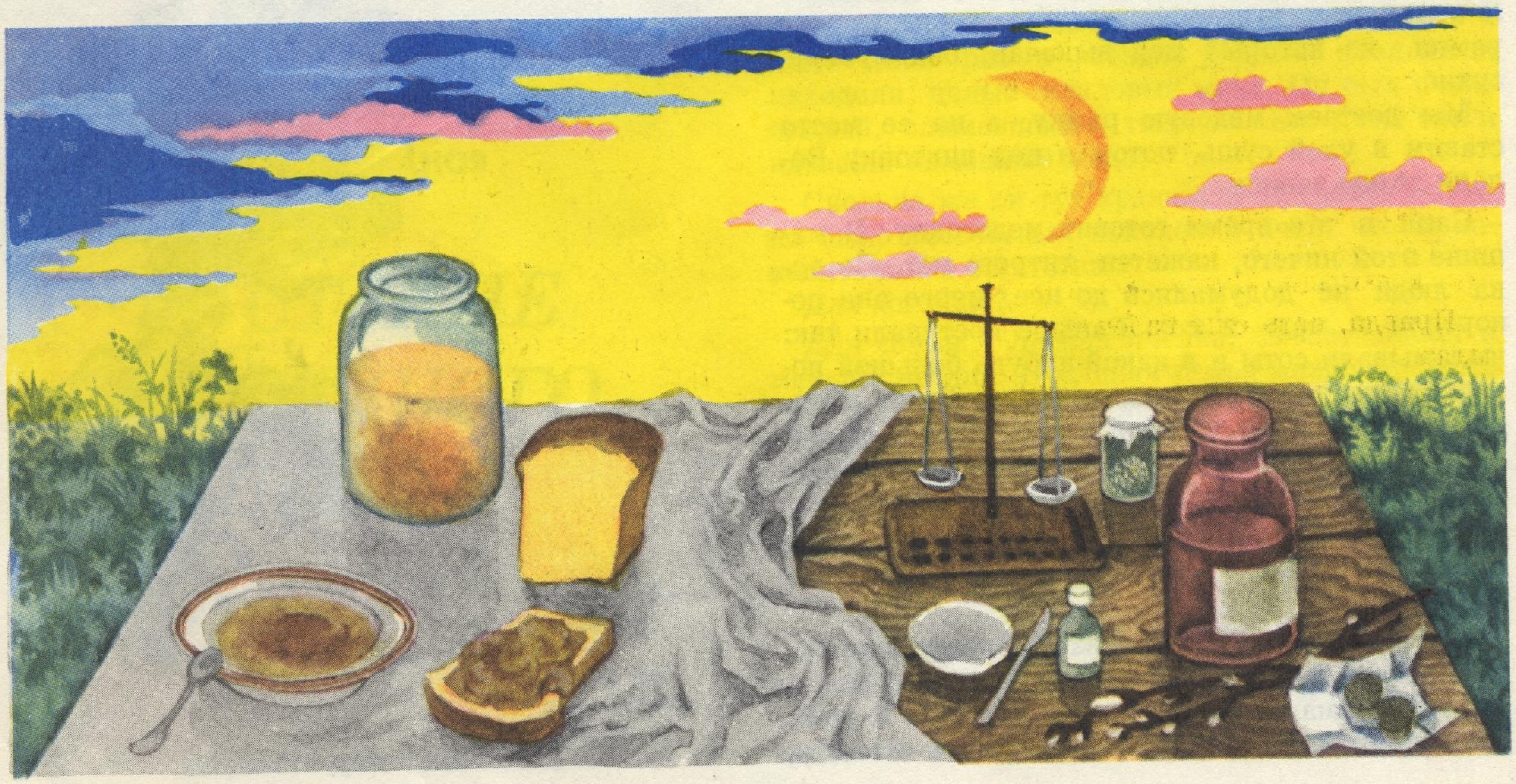
Я отковырнул кусочек прополиса, пожевал его. Пахло воском, но более — горьковатой березовой почкой. Клей этот пчелы собирают с деревьев как раз в те дни, когда из клейких почек вылезают острые мордочки листьев.

Собирать прополис — каторжная работа. Часами сидит пчела на дереве, работает, отдирает клей такими маленькими кусочками, что и в микроскоп едва разглядишь.

А его, прополиса, надо много. На зиму пчелы заклеивают им весь потолок, облепляют леток, оставляя лишь очень узкий проход — «форточку».

Татьяна полезла на старую яблоню. Какой аллах ее туда понес!.. В общем, когда спустилась, на левой ноге, от щиколотки до коленки,

Мед, прополис, перга, яд, воск — вот сколько хорошего дает нам пчела!



свежим росчерком зияла царапина. Добра яблоня, да не всегда!..

— Теперь уж, милая моя, не плачь! — говорила Лена.

— А я и не собираюсь! — отвечала упрямая Танька.

Лена, закусив губу, мазала дочке рану какой-то темной мазью.

— Ну, щиплет?

— А вот не щиплет!

Дня через два царапины и след простыл... Вернее, след-то как раз остался, но более ничего! Я спросил:

— Ты чем ее тогда мазала, Лен?

— А это прополис был.

Самое главное

Мед, прополис, перга, яд, воск. Вот, оказывается, сколько всего хорошего дает нам пчела. И все же о главной пчелиной пользе не сказано здесь еще ни слова!

Если бы даже пчелы не давали ни капли меда и ни кусочка воска, если б их яд не был целебен, а прополис не лечил ран и ожогов, все равно мы ухаживали бы за пчелами и строили им домики-ульи и зимой берегли от холода.

Потому что пчелы дают нам... урожай! Всех фруктов, и всех ягод, и всех овощей. Без пчел очень скоро исчезла бы гречневая каша, пропали бы полевые цветы и леса... И еще много всего плохого, даже страшного случилось бы в природе, если б пчелы перестали работать, летать с цветка на цветок...

Смотри, вот рисунок цветка: лепестки, а внутри тычинки и пестик. На месте цветка этого к осени может вырасти отличная слива. А может ничего не вырасти. Тогда говорят: пустоцвет.

Чтобы выросла слива, пыльца с тычинок должна попасть на пестик. Это уж обязательно, иначе ничего не получится. То же самое и в цветке груши, абрикоса, огурца, яблока, арбуза... Везде!

Но пыльца по щучьему велению не перепрыгнет с тычинки на пестик. Тут без пчелы не обойтись. Это она копошится, ворочается в цветке, доставая нектар, а сама вся чумазая, вся в пыльце. Цветку только того и надо!

Правда, есть еще бабочки. Но от них пользы мало.

Мухи? Другими делами заняты. Жуки-злодеи? Те заберутся в цветок и начинают его грызть, а не опылять.

Вот и остаются пчелы да дикие их братья-шмели. Но шмелей не так уж много на свете. А вот пчел много. Они и есть главные работники!

Они работают и зимой. В огромных теплицах, что расположились около больших городов. Гудят, опыляют. Только жаль — много их гибнет во время этой работы... Вот вылетает пчела из

Художник нарочно нарисовал на одной ветке и цветы и плоды, чтобы показать работу пчелы.

улья и не понимает, что вокруг полиэтиленовая пленка. Ей хочется взлететь повыше. И не одна, так другая — хлоп о пленку. А пленка мокрая: на улице-то мороз, а в теплице тепло и влажно. Намочила пчела крылья, упала. А там, глядишь, лужа, а там злой ветер дует из щели... И нет пчелы.

Когда хрустишь зимой огурцом, подумай о пчелах!

Если цветок заболел

У нас на пасеке два обеденных стола: домашний, он на террасе, и уличный — перед домом, врыт в землю среди толпы густых колокольчиков: они стоят себе, смотрят, головами на нас качают.

Лена и я следим за пчелами, что летают среди этих колокольчиков, будто птицы среди деревьев. Вдруг Лена тронула колоколец, стоящий с нами рядом:

— Больной.

— С чего ты взяла?

— Пчелы не садятся, видишь?

И верно: подлетит пчела, покружится, словно

понюхает замеченный Леною колокольчик, и прочь.

Через несколько дней колокольчик тот стал хиреть — видно, скрутила его невидимая прежде болезнь.

Зато другие цветки синели все так же спокойно и весело. Пчелы не тронули больного, не перенесли его заразную пыльцу на другие растения... А больной остался пустоцветом, в нем не завязалось семян. Значит, на будущий год все родятся здоровыми.

Ограбить хотели!

Володя, Лена, а с ними, конечно, и Татьяна на несколько дней уехали в город. Мы остались на пасеке вдвоем.

На ночь я уходил в дом, а Саня спал в беседке на широченном тюфяке, набитом сеном. И около Сани спало ружьишко, заряженное крупной солью.

— Мало ли какой медведь забурится... — говорил Саня неопределенно.

Однако никаких медведей не «забуривалось».

Но вот на третью ночь, как уехал Володя, я проснулся от хлестнувшего по ушам моим выстрела. Мне даже приснилось, будто я увидел огонь, вылетевший из дула.

Я выскочил на улицу как был в одних трусах.

— Стой! — кричал кому-то Саня. — Стой!

Колька так замахал руками, словно плыл на рекорд мира.

— Санька, я здесь! — крикнул я и побежал в темноту, думая только о том, чтоб не налететь на какой-нибудь улей.

Я пробежал пасеку, оказался в березняке. Тут послышался рев работающего на пределе сил мотора. И я увидел быстро улетавшие красные огоньки машины... В березах в эту секунду кто-то мелькнул.

— Стой! — крикнул я отчаянно. — Стреляю без предупреждения!

— Стреляй! — ответил сердито Саня. Это был он.

Мы вернулись на пасеку, зубы наши клацали — то ли от холодной росы, то ли от нервов.

— Я знаю, кто это был. — Саня стучал кулаком об кулак. — А доказательств нету!

— А чего он хотел-то?

— Ульи стащить... Ну, я ему тоже устрою. Ладно, давай сейчас храповицкого зададим. А завтра начнем эксперимент.

Колька Смолин

Уснул я удивительно быстро, а когда проснулся, Саня был уже на ногах.

— Иди полюбуйся! — крикнул он мне.

Собственно, любоваться было особенно не-

чем: около одного из ульев стояла тарелка. И пчелы исправно курсировали между этой тарелкой и летком своего дома.

— Ты чего им тут медом намазал? — пошутил я.

— Зачем медом — сахаром, — усмехнулся Саня. — Это сладкий сироп...

— А для чего?

— Понюхай внимательно, узнаешь.

Я надел пчеляцкую шляпу с сеткой, наклонился и стал «внимательно нюхать».

— Ну? — спросил Саня. — Чуешь?

— Погоди... вроде бензином припахивает?

— Точно!

— А зачем, зачем?

— Пчелок тренирую. Ночью это знаешь кто был? Колька Смолин — я его узнал! По машине.

— Ну, а при чем здесь?..

— Колька — шофер. От него всегда бензином пахнет. Вот я пчелок и тренирую на его запах.

— Ну и что будет-то?

— Увидишь!

Саня сел на велосипед и куда-то укатил, крикнув:

— Дом остается на тебя, имей в виду!

Сироп по-прежнему пользовался большим успехом... Вообще говоря, я знал, что пчеловоды тренируют пчел на определенный запах. Например, нужно опылить красный клевер. Пчела сама по себе на него не сядет. У клевера нектар спрятан слишком глубоко. Пчелиный хоботок до него не дотягивается. Тогда пчеловоды делают сироп и крошат туда цветки клевера. Пчела привыкает к запаху. Потом сироп убирают. А пчелы летают по клеверному полю, садятся на цветки — в общем, ищут сироп. И пусть меду в ульях не прибавится, зато клевер даст хороший урожай семян.

Однако что же придумал Саня?.. Легок на помине, он скоро прикатил, очень довольный собою:

— Звонил в контору, наврал, что надо приехать, мед забрать.

— Да ты что, Сань?!

— Совсем не понимаешь! — засмеялся Саня. — Завтра Смолин Колька на своем драндулете приедет. Мы его на пасеку... Соображаешь?!

— А если не Смолин?

— Смолин! — сказал Саня уверенно. — Больше некому! — Потом призадумался и сказал: — Ну, риск, конечно, есть...

Назавтра, не успели мы толком позавтракать, послышалось фырчание машины, потом: «Би-бииии!».

Колька Смолин оказался вовсе не смоляной. Он был светло-русый, нос, обсыпанный крупными веснушками, лупился, глаза коричневые и хитрованские.

— Завтракал? — спросил Саня.

— Ничего, — ответил Колька, усаживаясь, — запас не тянет. — И стал густо намазывать маслом кусок хлеба.

— Вот, между прочим, корреспондент приехал, — сказал Саня. Колька кивнул мне, не переставая жевать. — Таких, как ты, субчиков в «Не проходите мимо»...

Я внимательно поглядел на Кольку, но это был артист что надо! Он спокойно доел свой бутерброд, допил чай. Потом сказал:

— С вами, товарищ из Москвы, я очень рад познакомиться. А тебе, Шура, я никогда не советую брать людей на испуг.

— А почему я тебя видел вчера ночью?

— Этого ты, — сказал Колька даже как будто с грустью, — этого ты никому не докажешь!

— А почему следы твоего «газика» остались?

— «Газик» он и есть «газик», Шура. Следы у всех одинаковые.

— Ну, хватит, пошли!

Колька невинно удивился: мол, куда это и зачем?

— Доказательства тебе приведу, вещественные. Хочешь глянуть?

— Я вообще-то человек нелюбопытный...

Однако он пошел вслед за Саней... Именно в ту часть пасеки, где вчера стояла «тренировочная тарелка». Я поднялся на крылечко, и мне прелестно все было видно. Как из десятого ряда кино.

Вот они остановились, постояли секунду... Колька взмахнул рукой, потом еще раз — казалось, будто он спорит. Это пчелы летели на знакомый запах. А Колька, видно, решил, что его «окружают». Тогда у пчел начал работать рефлекс: раз машет, значит, враг. И через секунду Колька так замахал руками, словно плыл на рекорд мира. Потом он бросился бежать, крича, и так сильно махал, словно надеялся взлететь.

Что именно он кричал, здесь печатать совсем не обязательно, общий смысл его «высказывания» был такой: «Дорогой Саня, я больше никогда не буду обижать твоих пчелок, только ты убери их подальше!»

Так он и пропал в березняке. И больше я его не видел ни разу.

— Наука никогда не подведет! — Саня, очень довольный, сел за стол.

А я увидел, что его правое ухо быстро приобретает вид оладьи... Пострадало за науку!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ

СПОРТЗАЛ ВО ДВОРЕ

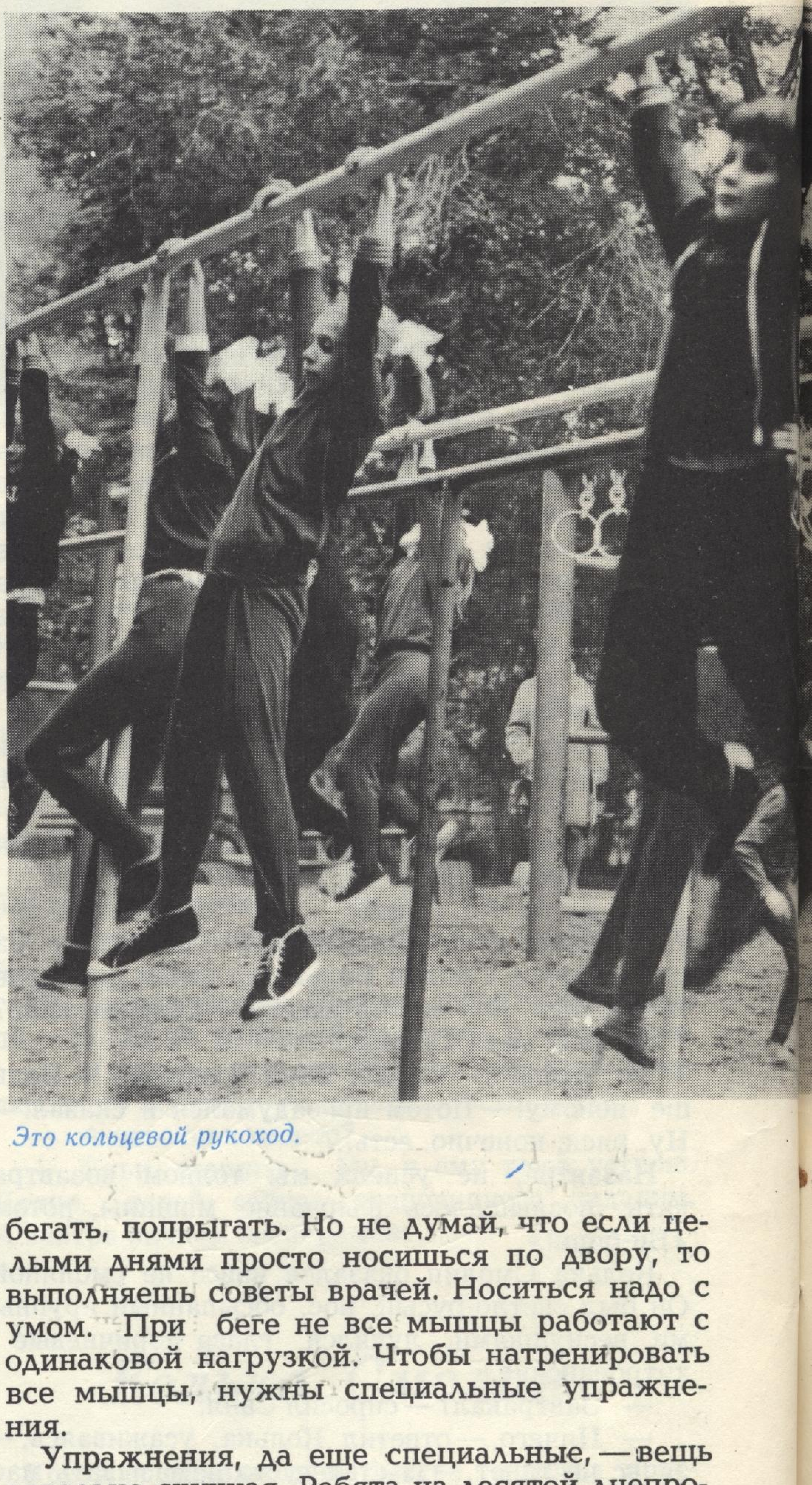
П. МАМОНОВ

Фотографии Н. ХЛЕБОДАРОВА

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ

Гиподинамия — слышал такое слово? Это болезнь от недостатка движения. Современный транспорт избавил тебя от длинных прогулок. Вместо того, чтобы пробежать утром две остановки до школы, ты садишься на автобус, так быстрее. Много времени ты проводишь за письменным столом, у телевизора, лежа на диване с книгой. Конечно, очень хорошо, что техника экономит нам время. Но человек все меньше двигается, слабеет, мышцы не используют накопленную энергию и теряют упругость. Поэтому все врачи в один голос говорят: **НАДО БОЛЬШЕ ДВИГАТЬСЯ.**

Ты скажешь, тебя это не касается. Уж ты-то каждую свободную минуту стараешься по-



Это кольцевой рукоход.

бегать, попрыгать. Но не думай, что если целыми днями просто носишься по двору, то выполняешь советы врачей. Носиться надо с умом. При беге не все мышцы работают с одинаковой нагрузкой. Чтобы натренировать все мышцы, нужны специальные упражнения.

Упражнения, да еще специальные, — вещь довольно скучная. Ребята из десятой днепропетровской школы со своим учителем физкультуры Марком Михайловичем Слободкиным придумали интересные игры, похожие

на аттракционы в парках отдыха, и включили в них все необходимые упражнения. Вместе построили спортивные снаряды. Многие из них давно придуманы, некоторые изобрели сами.

Посмотри на эти фотографии, и ты сможешь представить, как проходят уроки физкультуры в этой школе.

Когда собирали металлолом, откладывали подходящие трубы, уголки. На уроках труда собирали из них спортивные снаряды по чертежам, сделанным старшеклассниками. Тут же возникали новые конструкторские идеи. Взять, к примеру, прыжковую дорожку. Во многих автохозяйствах старые покрышки сжигают. Но это же прекрасный амортизатор. Смотрите, какая отличная дорожка получилась! Тренироваться на ней удобно и безопасно.

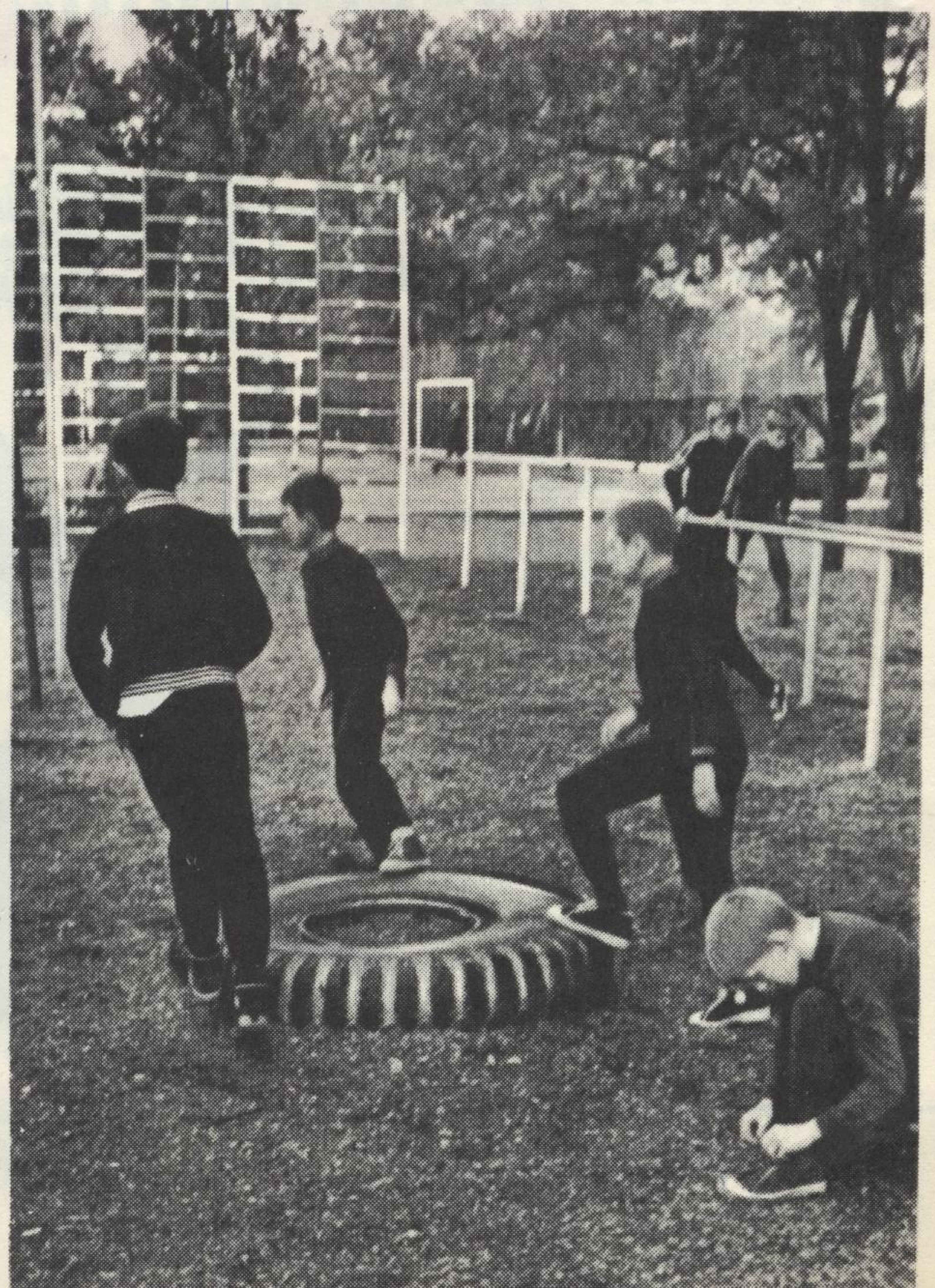
Или наклонный шест. По гладкому вертикальному шесту с первого раза без тренировки не каждый влезет. Другое дело — наклонный, на нем легче научиться управлять своим телом.

Еще придумали вот такой кольцевой рукоход. На этом снаряде всегда можно ограничить нагрузку. Устал — спрыгни, передохни.

«Наши ребята не только на физкультуру стали охотнее ходить, даже на переменках выбегают на площадку размяться. Эксперимент всем понравился. По воскресеньям из соседних деревень школьники приходят, вместе с нашими ребятами тренируются. Почти у каждого из ребят есть значек ГТО, в этом тоже площадка «виновата». Я в душе надеюсь, вдруг кто-нибудь из наших школьников станет участником Олимпиады-80. Уверен, они с благодарностью будут вспоминать наш стадион»,— вот что сказал мне Марк Михайлович в перерыве между веселыми уроками-тренировками во дворе.

Рассмотрите внимательно фотографии, и вы сами убедитесь, что построить такой спортзал во дворе не так уж сложно, было бы желание. Соберитесь все вместе, посоветуйтесь и беритесь за дело. Может, вам удастся придумать еще какие-нибудь новые спортивные снаряды. Напишите нам, пришлите планы своих спортплощадок и чертежи снарядов.

Старая покрышка от автомобиля — отличный амортизатор. Если вкопать несколько таких покрышек, получится прыжковая дорожка.



Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

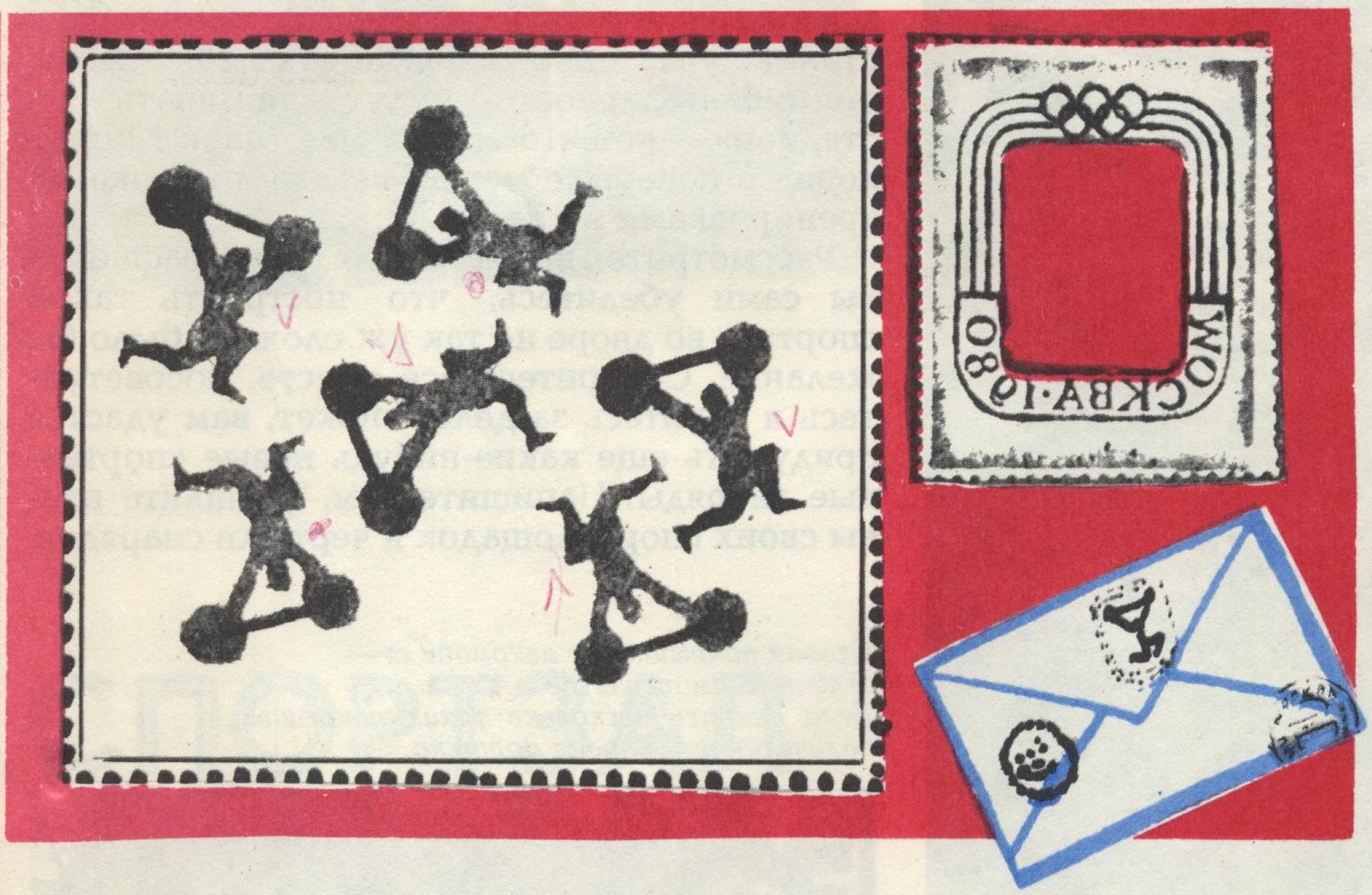
К штанге!

Мы готовимся к московским Олимпийским играм. Пинцет решил выгравировать свой штемпель и будет им гасить олимпийские марки. Штемпель почти готов, осталось только выгравировать на нем фигуру штангиста. Пинцет нарисовал уже много штангистов и никак не решит, какого лучше взять для штемпеля.

Найдите на рисунке два совершенно похожих силуэта. Они больше всего нравятся Пинцету, наверно, один из них и будет на штемпеле.

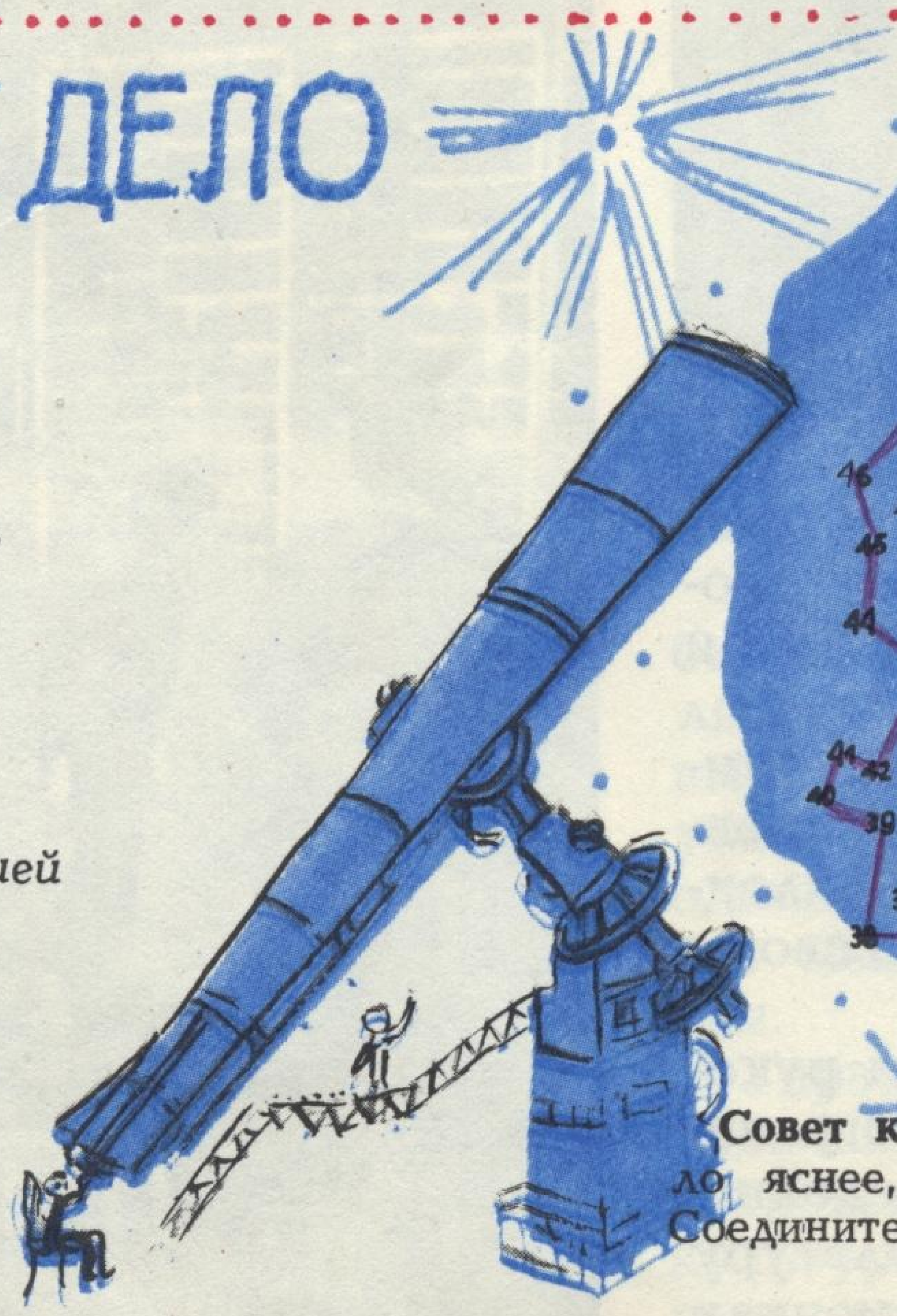
Это очень интересно,
Укажите ряд и место.

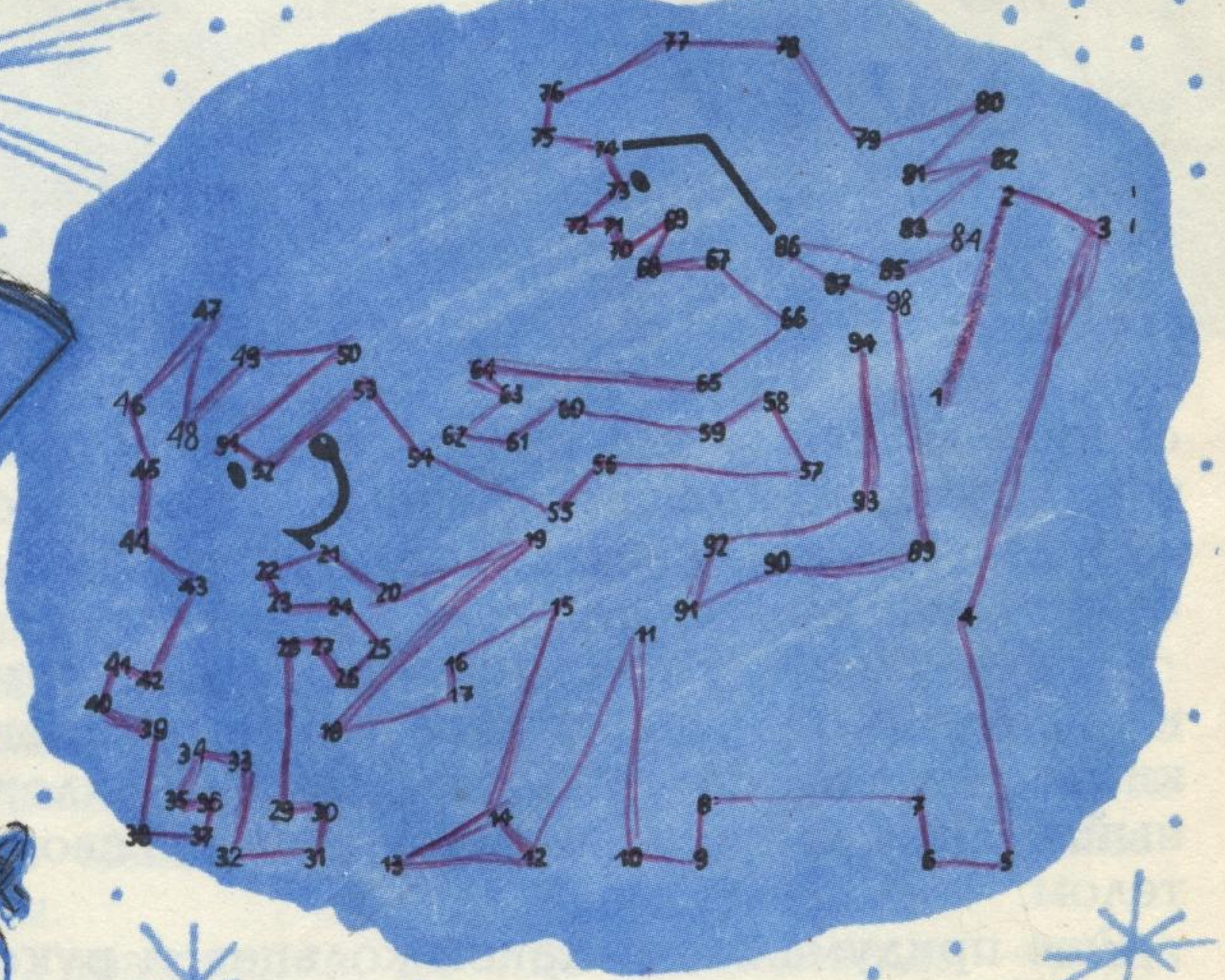
Примечание. Имейте в виду: если вам покажется, что три штангиста похожи друг на друга, то это не те, которые нравятся Пинцету.



ЗВЁЗДНОЕ ДЕЛО

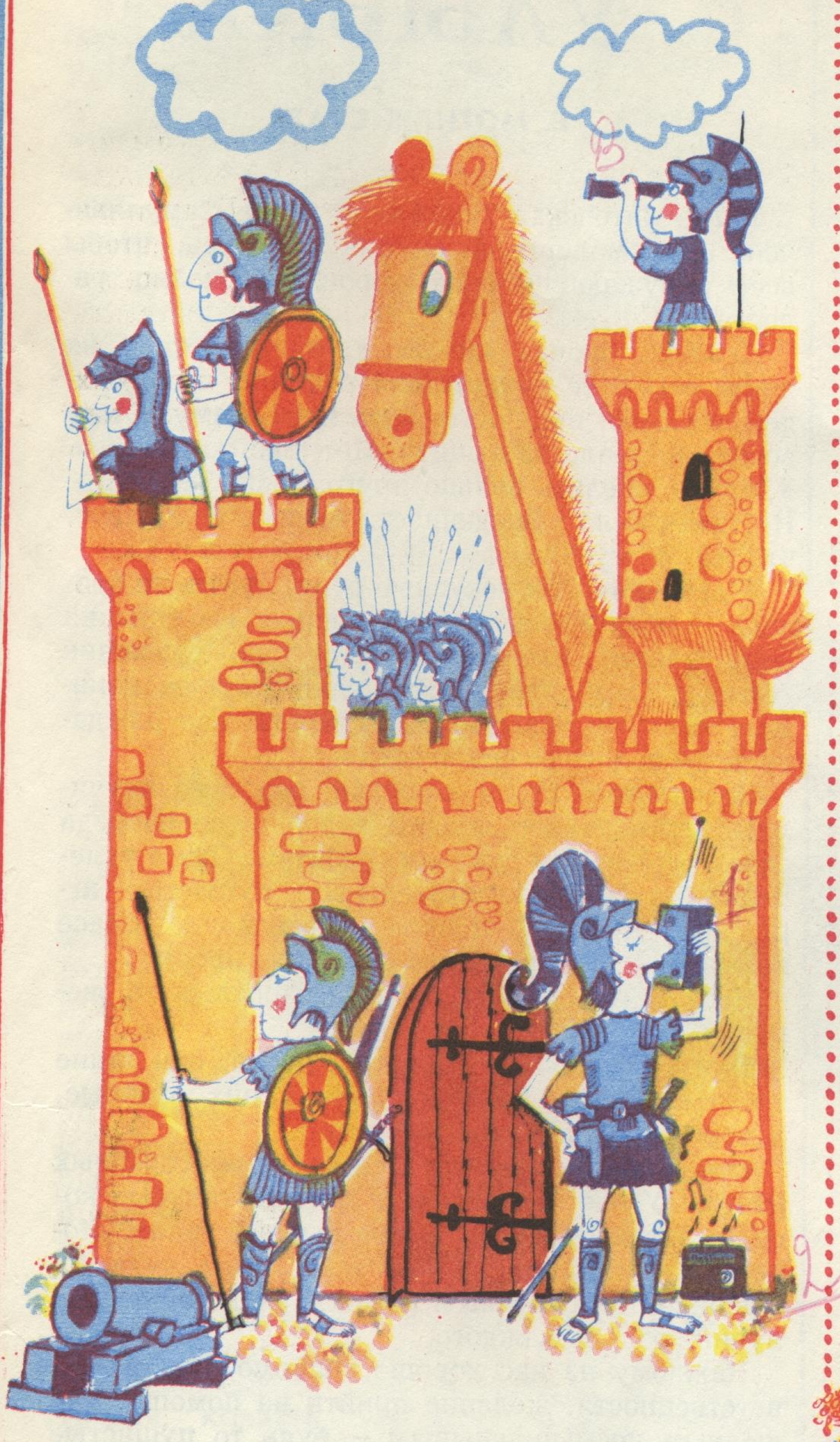
Последние известия!
«Ура!» кричите бурно:
Я новое созвездие
Открыл вблизи Сатурна.
Внимание! Внимание!
Учтите, дело тонкое:
Хочу найти название
Красивое и звонкое.
Нужны твои усилия!
Спеши! Еще не поздно.
Но прежде четкой линией
Соедини все звезды!





Совет капитана Перо: На звездной карте, чтобы было яснее, звезды обозначены цифрами от 1 до 94. Соедините цифры последовательно.

Живживка.



Троянский конь

Мною создана картина
Про троянскую войну,
А противный Буратино
Стал смеяться: «Ну и ну!»
Переделать надо строчки,
Здесь ошибки режут глаз,
Исторически неточно
Поступил ты восемь раз!
Где ошибки, непонятно.
Может быть, ошибок нет?
Помогите мне, ребята,
До свиданья.
Всем привет.

Живживка.

Игры деда Буквоеда

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

**Слова-невидимки ужасно хитры,
Вот правила этой забавной игры:
Запомни три буквы из первого слова,
В таком же порядке в составе второго,
И новая буква всего лишь одна.
Словами корзинки наполнит до дна!**

**— Моя нора в корнях у ели,
— На мне весною птицы пели,
— Я хитроумное стекло,
— А я свечу сове в дупло.**

**— На смену мне приходит ночь,
— С меня щеглы вспорхнули прочь,
— Похожа я на облака,
— А я сибирская река.**

**— В меня волна упрямо бьет,
— Ко мне подходит пароход,
— Я установлен у границы,
— А подо мной снуют плотвицы.**

**— В меня забрались жеребята!
— Я первой в бой рвалась когда-то.
— А я подруга молотка.
— Я хлеб, я кружка молока.**

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

Игры деда Буквоеда. Номера телефонов: 41-26-26; 31-46-16; 43-51-54; 34-41-45.

Игры Лупы и Пинцета. В сейфе хранятся марки Франции, Нигера, Берега Слоновой Кости, Колумбии, Никарагуа. Подозрение у капитана Перо вызвала марка с надписью «Марокко»: на настоящей марке должно быть написано: «Maroc».

СОДЕРЖАНИЕ

У Кубы друзей миллионы.— В. Шаталов. Рисунок А. Борисова. Фотография С. Петрухина 1
Малая пионерская энциклопедия 2
Международный пресс-центр «Пионера» — Ведет Вл. Васильев 4
Школа умелых хозяев
...Наш труд вливается в труд нашей республики.— И. Урицкая. Рисунки Ю. Карповой . 7
Новоселье.— Повесть А. Ампелонова. Рисунки Е. Медведева 11
«Боевой листок» 21
Маршрутами десятой пятилетки
Космический порт.— В. Губарев. Фотографии ТАСС 22
Путешествие по столице фестиваля.— Ю. Погосов. Рисунки А. Аристокесовой 26
Почта дружбы 31
Синяя молния.— Повесть С. Романовского. Продолжение. Рисунки В. Дудкина 33
Стихи болгарских поэтов.— Перевел И. Мазнин. Рисунки А. Вовиковой 46
Сумка Гайдара.— Повесть-поиск Б. Камова. Продолжение. Рисунки С. Трофимова 48
«Кораблик» 61
«Переменка».— Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Е. Шабельника 63
Мне открылся мир поэзии.— И. Шустова. Рисунки А. Бединой 64
Рассказы о Конституции
Беречь природу — беречь Родину!— В. Н. Виноградов. Записал Ю. Крутогоров. Рисунки Ю. Бондаренко 67
Марш следопытов.— Стихи Н. Надеждиной . . . 69
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Ведет международный мастер М. Юдович 69
В стране пчелиного пения.— Повесть С. Иванова. Продолжение. Рисунки Н. Доброхотовой . . 70
Сильные, ловкие, смелые
Спортзал во дворе.— П. Мамонов. Фотографии Н. Хлебодарова. Рисунки Ю. Карповой . . . 76
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Улыбка.— Е. Могилянская 80

На обложке:
В Гавану, на фестиваль! Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь). **В. П. КРАПИВИН. Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1978.

Адрес для писем: **101459. ГСП-4. Москва, А-15. Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/IV 1978 г. А 01411.
Подписано к печати 30/V 1978 г. Формат 84×60 1/8.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1530. Заказ № 2196.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

УЛЫБКА

Е. МОГИЛЯНСКАЯ

Когда литовская художница Стасе Самулявичене была маленькой, ей так хотелось, чтобы всем окружающим было хорошо, спокойно, радостно.

Девочка любила животных, мечтала стать их доктором. В ее присутствии никто не смел обидеть слабого, причинить боль животному: Стасе всегда вставала на защиту. Нет, она не дралась. Ударить, сделать больно другому она не могла. Но такая сила убежденности была в ее защите, что зло отступало.

У девочки были искусные руки, за что ни бралась — получалось ладно, красиво. Ее близкий родственник, известный литовский художник Антанас Самулявичюс-Самуолис учил ее понимать красоту, она любила смотреть, как рождались на полотнах его пейзажи...

Когда Стасе стала взрослой, она сама научилась нести радость людям и в первую очередь своим маленьким друзьям, ребятам. Она с увлечением создает замечательные пушистые игрушки: медвежат, щенков, обезьянок... Стасе называет их «скульптурами мягких форм».

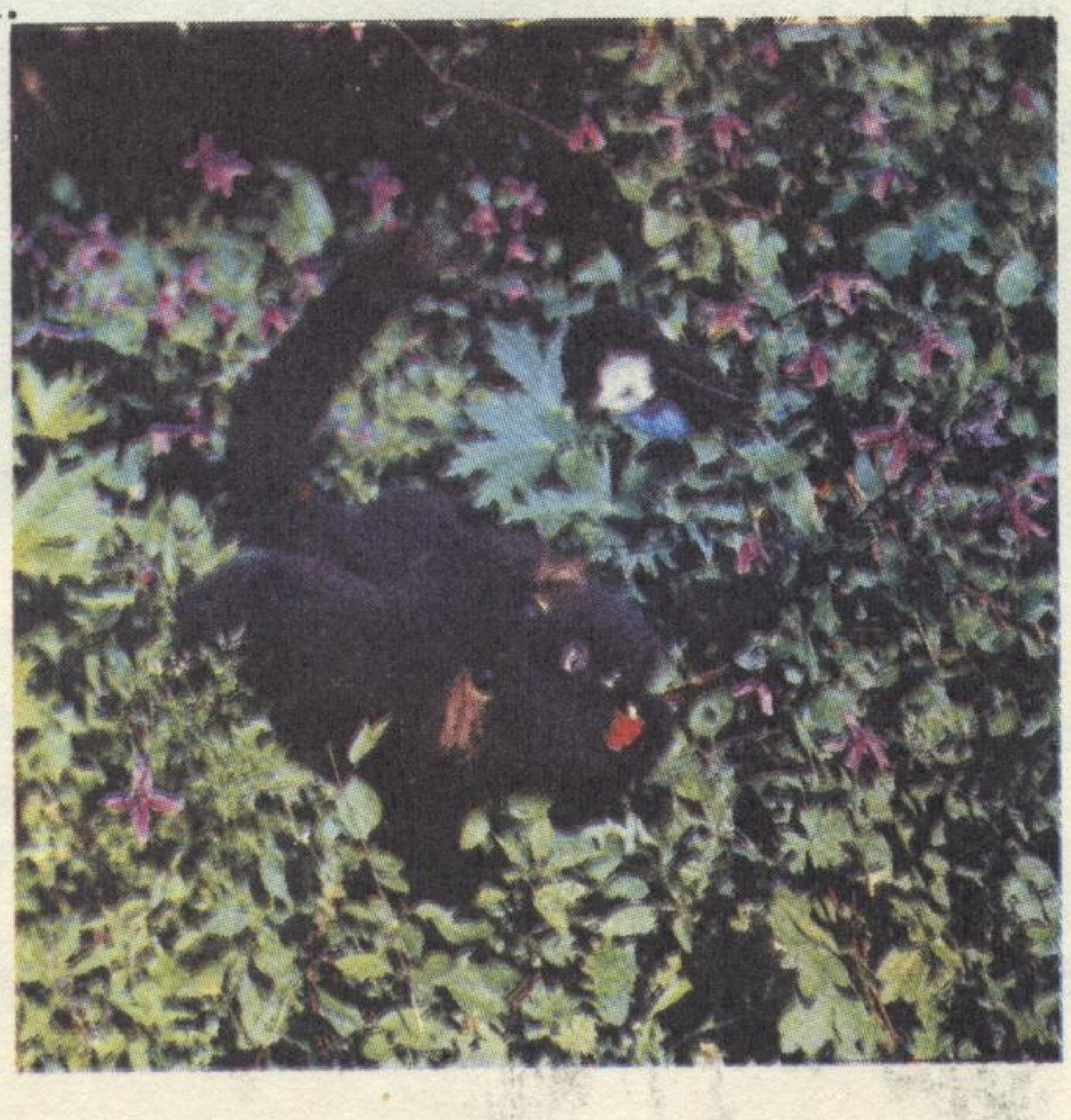
Чем же покоряют и ребят и взрослых ее зверушки?

Они так не похожи друг на друга, они такие трогательные и беспомощные, у них озорные, доверчивые и лукавые мордашки.

Стасе делает зверушек самых разнообразных цветов. У нее есть розовые мишки, голубые косули, зеленые зайцы. Разве бывают такие? Конечно, нет! А вот у Стасе есть, и это чудесно! Ярко-желтая белочка в комнате, как солнечный лучик, радует каждого.

Каждому из нас хорошо знакомо чувство ответственности, желание прийти на помощь крошечным несмышленышам,— будь то пушистые утята, щенки, ягнята — любым малышам, не умеющим защищаться. Подобное чувство охватывает нас при виде зверушек Стасе. Мы сразу относимся к ним, как к живым существам.

Звери Стасе часто путешествуют по белу свету. Они побывали во многих городах. Побывали они и в Варшаве, польские ребята очень их полюбили.



Продолжение на последней обложке.

Редакторы «Переменки» были озадачены просьбами ребят помочь им встретиться с артистом кино Томиным. О таком артисте никто из нас не слыхал. Разгадать тайну Томина помогло письмо Люси Авдеевой. Вот что она написала: «Правда ли, что Леонид Каневский, до того, как стал артистом, был следователем? И что роль майора Томина он сыграл так хорошо, что его обратно не отпустили и навсегда оставили в кино?»

Наш корреспондент Регина ДУБОВИЦКАЯ отправилась к артисту Леониду КАНЕВСКОМУ и задала ему интересующие вас вопросы.

— Расскажите, как вы стали майором Томиным?

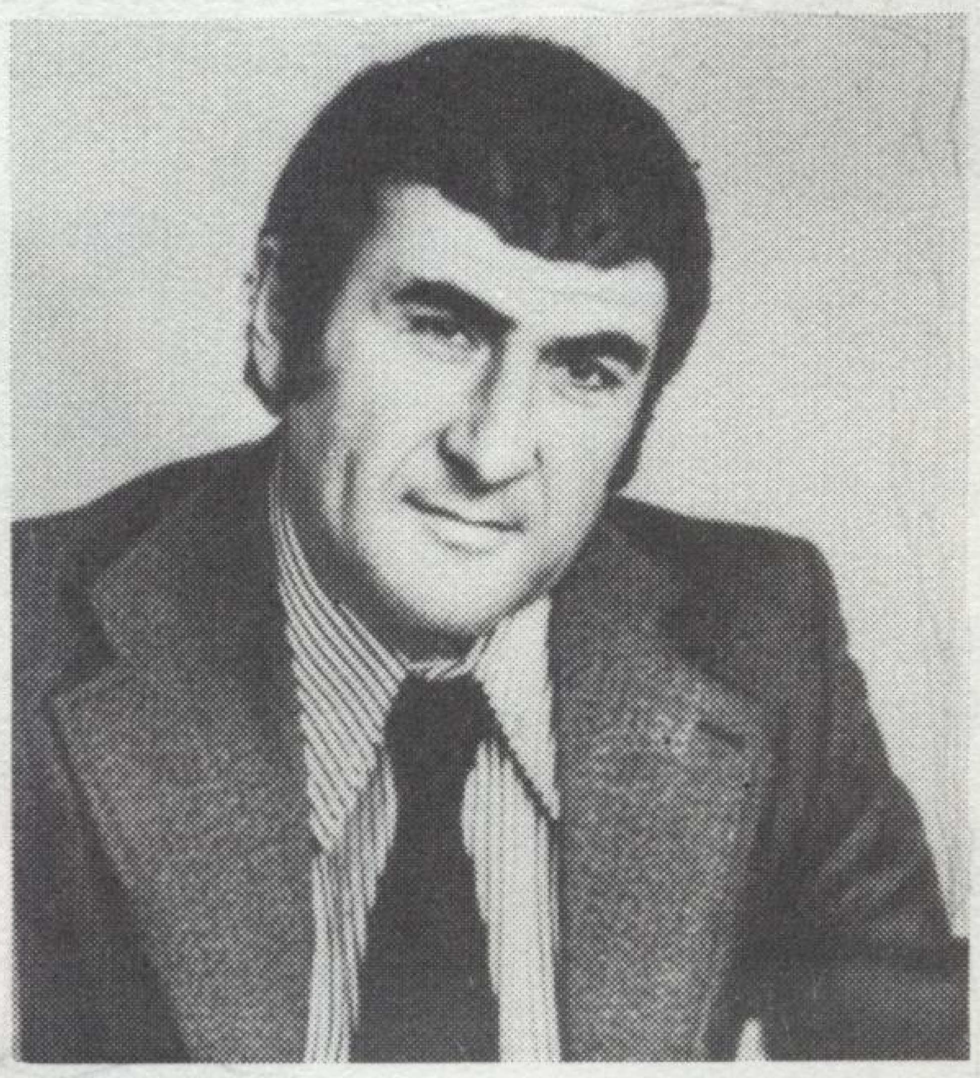
— Случайно. В кино мне сперва «везло» на отрицательные роли. Уже совсем было махнул на себя рукой, решил, что навсегда останусь «темной личностью» на экране.

И когда меня пригласили на пробы в телефильм «Следствие ведут знатоки», был уверен, что мне опять предложат играть какого-нибудь жулика. Вдруг меня подводят к артистам Георгию Мартынюку и Элле Леждей и представляют меня: «Познакомьтесь, это ваш третий коллега — старший инспектор уголовного розыска лейтенант Томин». Как снег на голову, честное слово!

Ну, а потом началась работа. Мы втроем подолгу пропадали на Петровке: вместе с работниками уголовного розыска выезжали на обыски, присутствовали на допросах. Словом, вживались в свои роли. Насколько нам это удалось, судить не мне, но знаю, что зрители полюбили наших киногероев...

Как-то я шел по парку. Там играли ребятишки из детского сада, наверное, расшалились. Воспитательница узнала во мне Томина и сказала ребятам: «Вот сейчас пожалуюсь на вас товарищу милиционеру!» Тут маленький мальчуган поправил воспитательницу: «Это не милиционер, это старший инспектор уголовного розыска майор Томин...» Потом он посмотрел на оттопыренный задний карман моих брюк, в котором лежала простая записная книжка, и умоляюще прошептал: «Товарищ майор, дайте стрельнуть из пистолета, хоть один разочек».

— Наверное, приятно, когда зрители принимают актера за его героя?



— Не всегда! Вот, например, на днях подхожу к своему театру и слышу: «Сегодня идет «Отелло», играют артисты Яковлева, Гафт и этот, как его... майор Томин».

Честное слово, такой разговор не вызывает у меня радости... Другое дело, когда в четвертой серии «Знатоков» Томину присвоили звание майора и на студию пришли такие письма от зрителей: «Дорогой Леонид Каневский, поздравляем вас с повышением!»

— Теперь мы знаем, как вы стали майором Томиным. А как вы стали актером? Давно мечтали об этом?

— С детства, точнее, с четвертого класса. Мой приятель позвал меня в школьный драмкружок, и в тот же день я сообщил родителям о своем бесповоротном решении стать артистом. И тут же записался в секцию спортивной борьбы.

— В секцию спортивной борьбы? Не понятно...

— А я объясню. Дело в том, что в детстве я был толстым мальчиком. До тех пор, пока я не собирался стать артистом, меня это не очень смущало, но теперь!.. А все артисты казались мне такими элегантными! Вот я и решил заниматься спортом, чтобы похудеть!

— Ну и как, спорт помог?

— Еще как! Может быть, я и не стал очень стройным, зато даже в сложных эпизодах снимаюсь без дублера. Спортивная закалка помогает легко переносить все трудности кинематографа. В фильме «Весна на Одере» снимали эпизод, где наши разведчики переходят реку вброд. Снимали эти кадры осенью, под Калинином, и нам, актерам, в полном обмундировании с оружием над головой надо лезть в воду, а вода была холодная — всего шесть градусов. И не один раз, а целых пять: сцену сняли лишь с пятого дубля. Уверяю вас, только при хорошей физической подготовке можно выдержать такую съемку.

— Если бы вы могли заново выбирать себе профессию, то выбрали бы, наверное...

— ...ее и только ее! Потому что, несмотря на трудности и сложности, ни с чем не сравнишь радость артиста при встрече с совсем незнакомыми людьми, которые говорят: «Добрый день, товарищ Томин!»

Начало на 80-й странице.

Много лет назад писательница Ванда Хотомская рассказала по варшавскому телевидению, что один больной мальчик сказал ей:

— Я хотел бы, чтобы людей, приносящих радость людям, награждали особым орденом. Пусть это будет «Орден Улыбки».

Предложение мальчика понравилось многим. Со всех концов Польши полетели письма, буквально требующие создать такой орден. Объявили конкурс: пусть ребята скажут, каким он должен быть. Жюри рассмотрело сорок четыре тысячи предложений. Всех покорил проект девятилетней Эвы Хробак. Орденом стало улыбающееся солнце!

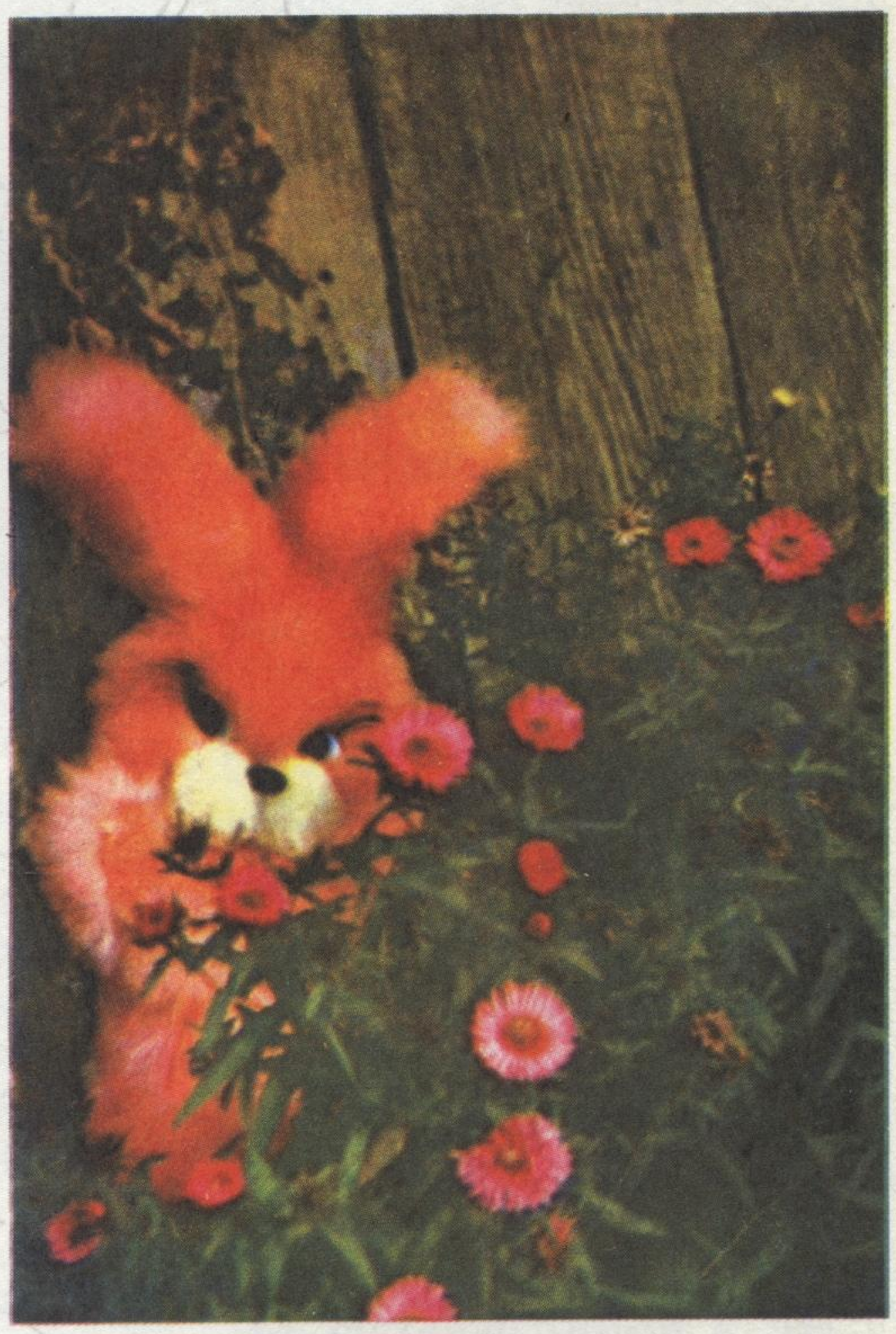
Ребятам помогли их верные друзья: журналисты, писатели, художники, педагоги. Орден был учрежден и изготовлен на государственном монетном дворе.

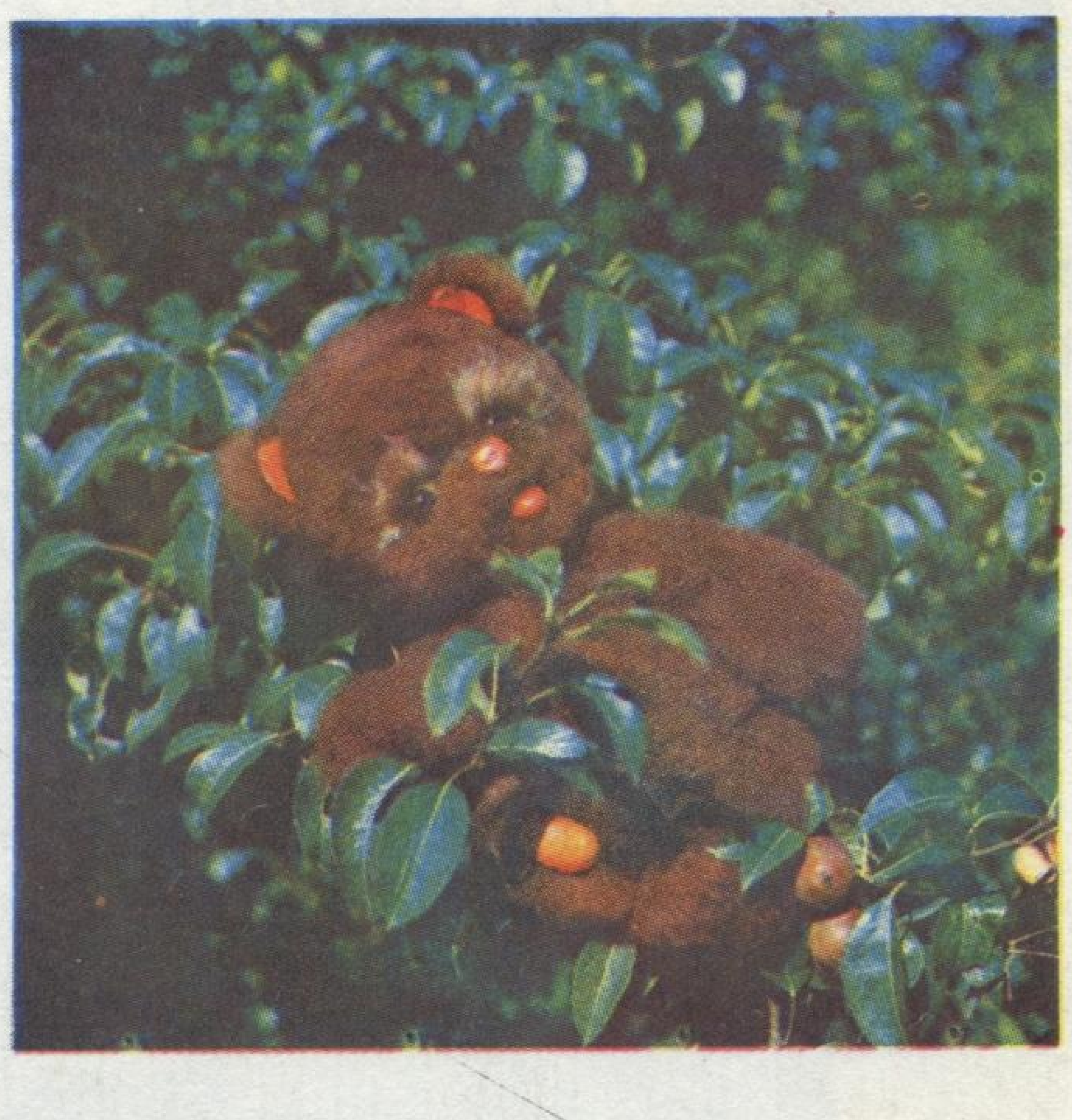
Предложения, кому вручить орден, присылают детские коллективы: отряды харцеров, классы, дворовые группы, детские дома, молодежные организации. Был создан Капитул (комитет по присуждению) «Ордена Улыбки». Он собирается два раза в году: в первый день весны и в последний день лета, просматривает все предложения и решает, кому присудить орден.

«Орден Улыбки» существует уже десять лет. Сперва он присуждался только людям, живущим в Польской Народной Республике, потом перешагнул ее рубежи. Его получил любимец всех ребят народный артист СССР Сергей Образцов.

В последний день лета 1977 года «Орден Улыбки» был присужден Стасе Самулявичене «за сорокалетний творческий труд по созданию игрушек — пушистых радостей, горячо любимых детьми».

Журнал «Пионер» и его читатели поздравляют замечательную художницу с наградой и ждут новых игрушек.





Цена 25 коп. Индекс 70694.